

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of State Commission for Academic Degrees and Titles of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the corresponding branches of science are to be published:

- 5.3.1. General psychology, Personality psychology, History of psychology
(Psychological sciences)
- 5.3.5. Social psychology, Political and economic psychology (Psychological sciences)
- 5.3.7. Age psychology (Psychological sciences)
- 5.8.1. General pedagogy, History of pedagogy and education (Education sciences)
- 5.8.2. Theory and methods of training and education (area and level related)
(Education sciences)

Goals and areas of research: the scientific journal publishes original articles on various areas of modern psychology and education. The mission of the journal is to present interdisciplinary theoretical and empirical research on current issues in the methodology and practice of psychological science, pedagogy and education. Publication and access to articles are free. Articles submitted to the editorial office undergo two-way anonymous reviewing. Journal sections: theoretical review, empirical research, methodological tools, works of young scientists. The journal publishes papers in Russian and English.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. The registration certificate is PI No. FS77-61884 of May 25, 2015. The latest changes were made in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of August 3, 2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Tel.: +7 (495) 250-71-31

E-mail: dep_ksp@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7. Возрастная психология (психологические науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Цели и области исследования: научный журнал печатает оригинальные статьи по различным направлениям современной психологии и образования. Миссия журнала заключается в представлении междисциплинарных теоретических и эмпирических исследований по актуальным проблемам методологии и практики психологической науки, педагогики и образования. Публикация и доступ к статьям бесплатные. Статьи, поступающие в редакцию, проходят двустороннее анонимное рецензирование. Рубрики журнала: теоретический обзор, эмпирические исследования, методический инструментарий, работы молодых ученых. Языки журнала: русский и английский.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ No ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ No ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6; Тел.: +7 (495) 250-71-31

Электронный адрес: dep_ksp@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

D.A. Khoroshilov, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T. Varis, Doctor of social sciences, professor, University of Tampere, Tampere, Finland (*by agreement*)

I.I. Vorontsova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

L.A. Grigorovich, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Guldán, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Central Clinical Psychiatric Hospital named after F.A. Usoltsev, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

S. Duggan, Vice president of Terawe Corporation, Member of UNESCO IITE Governing Board, Dublin, Ireland (*by agreement*)

T.P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

G.G. Kravtsov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

R.R. Lamprecht, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Potsdam, Potsdam, Federal Republic of Germany (*by agreement*)

A.S. Nelubina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.O. Soboleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Solodnikova*, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Sh. Tkhostov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- D.J. Hwang*, Ph.D., professor, Suangkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea (*by agreement*)
- A.B. Kholmogorova*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Moscow State University of Psychology and Education, Russian Federation (*by agreement*)
- K.I. Chizhova*, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.K. Schabelnikov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Д.А. Хорошилов, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т. Варис, доктор социальных наук, профессор, Университет Тампере, Тампере, Финляндия (*по согласованию*)

И.И. Воронцова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Л.А. Григорович, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гульдан, доктор психологических наук, профессор, Центральная клиническая психиатрическая больница (ЦКПБ) имени Ф.А. Усольцева, Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)

С. Дагган, вице-президент корпорации “Teagawe”, член совета управляющих ИИТО ЮНЕСКО, Дублин, Ирландия (*по согласованию*)

Т.П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)

Г.Г. Кравцов, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Р.Р. Ламптрехт, доктор филологических наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Федеративная Республика Германия (*по согласованию*)

А.С. Нелюбина, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.М. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.Р. Орестова*, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- Т.В. Рябова*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.О. Соболева*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Солод니кова*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Ш. Тхостов*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.Д. Хван*, Ph.D., профессор, Университет Суангюнкван, Сеул, Республика Корея (*по согласованию*)
- А.Б. Холмогорова*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МПППУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- К.И. Чижова*, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.К. Шабельников*, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, РГГУ

CONTENTS

Theoretical review

- Elena B. Petrushikhina*
Charismatic leadership. Current state and future research agenda 10

Empirical research

- Vladimir V. Solodnikov, Sophia P. Polikarpova*
Family rituals as stressors. Socio-psychological and marketing analysis 26

- Vasilisa R. Orestova, Svetlana E. Zolotareva*
Features of subjective well-being and meaningfulness
of life in women in a situation of social transitivity 40

- Natal'ya V. Mirgorod, Mikhail S. Bril',
Lyubov A. Chernetskaya*
The meaning of the father figure for the sphere
of women's interpersonal relationships 64

- Tatiana S. Buzina, Sergey Oleynikov*
Research of psychological factors of burnout
of medical university students 81

- Vladimir V. Kozin, Maksim E. Osipov*
Aggression and conflict as personality traits of gamers 102

Methodological materials

- Kirill A. Panov, Fedor N. Vinokurov*
Observation scheme for analyzing interaction
in open-source software projects 117

Works of Young Scientists

- Yuliya N. Verezey*
Spirituality as a meaning dynamic process.
Model constructing experience 131

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретический обзор

- Елена Б. Петрушихина*
Концепция харизматического лидерства:
современное состояние и перспективы развития 10

Эмпирические исследования

- Владимир В. Солодников, Софья П. Поликарпова*
Семейные ритуалы как стрессоры:
социально-психологический и маркетинговый анализ 26

- Василиса Р. Орестова, Светлана Е. Золотарева*
Особенности субъективного благополучия и осмысленности жизни
у женщин в ситуации социальной транзитивности 40

- Наталья В. Миргород, Михаил С. Бриль,
Любовь А. Чернецкая*
Значение фигуры отца для сферы межличностных
отношений женщины 64

- Татьяна С. Бузина, Сергей Олейников*
Исследование психологических факторов выгорания
студентов медицинского вуза 81

- Владимир В. Козин, Максим Е. Осипов*
Агрессивность и конфликтность как личностные черты геймеров 102

Методический инструментарий

- Кирилл А. Панов, Федор Н. Винокуров*
Методика наблюдения за взаимодействием разработчиков
открытого программного обеспечения 117

Работы молодых ученых

- Юлия Н. Верезей*
Духовность как смысловой динамический процесс:
опыт построения модели 131

Теоретический обзор

УДК 159.923

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-10-25

Концепция харизматического лидерства: современное состояние и перспективы развития

Елена Б. Петрушихина

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, ebpetr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы изучения харизматического лидерства. Отмечены теоретически ограничения исследования харизматического лидерства: неопределенность харизмы и факторов ее формирования, неопределенность процессов влияния лидера на последователей, акцент на диадических процессах, игнорирование динамики развития харизматического лидерства. В качестве новейшей концепции рассмотрена теория харизмы как основанного на ценностях символического и эмоционального сигнала лидера. Подчеркнута роль моральных эмоций и воплощенных сигналов, связанных с телесным опытом, в формировании харизматического лидерства. Показано, что личностными предикторами харизмы являются когнитивные способности и факторы Большой Пятерки. Обнаружено, что харизматическое лидерство способствует росту организационного гражданства, групповой и организационной эффективности. Указано значение концепции харизмы как символического и эмоционального сигнала для практики менеджмента и управления персоналом. Обозначены направления дальнейшего изучения харизматического лидерства: расширение качественных исследований, использование экспериментальных стратегий, поиск объективных показателей харизмы, выявление личностных предикторов харизмы, в том числе гендерных характеристик, черт Темной Триады, неакадемических видов интеллекта, исследование связи харизмы и эмоциональной сферы лидера, изучение развития харизматического лидерства с учетом культурного, профессионального и организационного контекста.

Ключевые слова: харизма, харизматическое лидерство, эмоциональный сигнал, символический сигнал, воплощенный сигнал

Для цитирования: Петрушихина Е.Б. Концепция харизматического лидерства: современное состояние и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 10–25. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-10-25

© Петрушихина Е.Б., 2024

Charismatic leadership. Current state and future research agenda

Elena B. Petrushikhina

*Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow,
ebpetr@mail.ru*

Abstract. The article considers modern issues in the study of charismatic leadership. It notes theoretical limitations of the study of charismatic leadership: the uncertainty of charisma and the factors of its formation, the uncertainty of the processes of influence of the leader on followers, the emphasis on dyadic processes, ignoring the dynamics of the development of charismatic leadership. It also considers as newest concept, the theory of charisma as a value-based symbolic and emotional signal of a leader. The author emphasizes the role of moral emotions and embodied signals associated with bodily experience in the formation of charismatic leadership. She shows that personal predictors of charisma are cognitive abilities and the Big Five factors. Charismatic leadership is found to foster growth in organizing the civil society, in the group and organizational effectiveness. There is also an indication of the importance of the charisma concept as a symbolic and emotional signal for the practice of management and personnel management. Directions for further study of charismatic leadership are outlined: expanding qualitative research, using experimental strategies, searching for objective indicators of charisma, identifying personal predictors of charisma, including gender characteristics, Dark Triad traits, non-academic types of intelligence, studying the connection between charisma and the emotional sphere of a leader, studying the development of charismatic leadership taking into account cultural, professional and organizational context.

Keywords: charisma, charismatic leadership, emotional signal, symbolic signal, embodied signal

For citation: Petrushikhina, E.B. (2024), "Charismatic leadership. Current state and future research agenda", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 10–25, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-10-25

Введение. Проблема концептуализации харизматического лидерства

Концепция харизматического лидерства является одной из наиболее популярных на протяжении нескольких десятилетий [Бендас 2009]. Как правило, подчеркивается безусловная ценность харизмы, ее значимость в реализации эмоционального воздей-

ствия лидера на последователей и достижениях организационной эффективности. Однако несмотря на распространенность, данный подход к описанию лидерства подвергается и серьезной критике, отмечаются его существенные теоретические ограничения, недостаточность эмпирических исследований [Петрушихина 2017].

Понятие харизмы стало общепотребительным. Оно широко представлено и в публицистике, и в научных исследованиях, и в обыденной жизни. Люди склонны объяснять при помощи харизмы трудные для понимания явления и процессы. При этом само толкование харизмы остается весьма туманным и зачастую представляет собой вариации на тему божественного дара. Особость, исключительность – неперенные атрибуты харизмы. Обладающие харизмой способны на многое. Харизматичные лидеры изменяют отдельных последователей и преобразуют целые организации. Но что представляет собой харизма лидера? Наиболее частый ответ на этот вопрос – харизма лидера есть некое качество личности, обеспечивающее ему реализацию руководящей роли [Гроза 2015]. Некоторые исследователи подчеркивают, что харизматичность есть характеристика не только лидера, но и личности как таковой. И в зависимости от сферы проявления можно говорить об актерской, педагогической или управленческой харизме [Филь, Андронникова 2012].

Таким образом, одно из возможных объяснений харизмы предполагает ее концептуализацию как стабильную личностную характеристику. В то же время ряд исследователей рассматривает харизму как результат взаимодействия лидера с последователями. Харизма может быть объяснена как итог перцептивного процесса, в котором харизматичность приписывается лидеру последователями при определенных условиях [Кричевский 2007].

Обладание харизмой всегда предполагает сильное влияние лидера на последователей; определение харизмы через влияние присутствует практически во всех работах и является попыткой раскрыть сущность и смысл обсуждаемого феномена. Однако природа этого влияния до конца неясна, и исследователи задаются вопросом, как взаимодействуют в лидерском процессе личностная и социальная идентификация последователей, подчинение и интернализация [Yukl 1999].

Описание харизматичных лидеров, как правило, бывает нестрогим и дается через перечень личностных и поведенческих характеристик, таких как уверенность, компетентность, высокий энергетический потенциал. Указанные особенности скорее можно отнести к предикторам атрибутивного процесса. По всей вероятности, они способствуют формированию харизмы лидера в глазах последователей. Однако неясно, будут ли выступать эти личностные

особенности значимыми факторами, влияющими на успешность деятельности организации.

Если исходить из положения о том, что харизма есть свойство отношений, и она формируема, то закономерно возникает вопрос об условиях развития харизмы и харизматического лидерства. В первую очередь в качестве факторов харизмы называются личностные и поведенческие особенности лидера; в этом плане концепция харизматического лидерства являет собой яркий пример лидеро-центричного подхода. Но, как известно, лидерства без следования не бывает, и на формирование харизматических отношений, безусловно, будут влиять свойства последователей. В качестве таковых называются незащищенность, отчужденность последователей, страх потери физической или экономической безопасности, низкая самооценка и слабая идентичность. Пока неясно, как взаимодействуют характеристики лидера и последователей и какие переменные опосредуют эту связь.

Хорошо известна роль такого ситуационного фактора, как кризис [Вебер 1988]. Потребность в харизматических лидерах актуализируется в трудные времена. Харизматичные лидеры – это герои, которые все понимают и знают, как действовать. В современных концепциях подчеркивается, что кризис влияет, но не предопределяет жестко харизматическое лидерство. Отмечается, что значение имеет прежде всего восприятие ситуации как кризисной. Лидер может поддерживать восприятие ситуации как сложной и требующей немедленного вмешательства, создавая тем самым основу для своего влияния.

Современная эпоха характеризуется быстрым темпом социальных изменений и высокой степенью неопределенности. Это требует от организаций особой гибкости и адаптивности. Инновационные процессы и управление изменениями являются условиями выживания на рынке. Можно ожидать, что реализация харизматического лидерства позволит успешно решить указанные проблемы. Остается уточнить, существует ли специфика харизматического лидерства в ситуациях перманентных изменений, и, если она есть, то в чем заключается, и каким образом харизматические лидеры внедряют организационные инновации [Iszatt, Saunders 2014].

В целом принято исходить из положения, что влияние харизматического лидерства позитивно, и оно способствует достижению организационной эффективности. Действительно, эмоциональное воздействие харизматичных лидеров приводит к росту трудовой активности и вовлеченности в жизнь организации. Все это может иметь следствием рост организационных показателей в краткосрочной перспективе. Однако длительное рабочее напряжение может

приводить к исчерпанию ресурсов исполнителей, их выгоранию и разочарованию. В среднесрочной и долгосрочной перспективе это может негативно сказаться на деятельности организаций.

Эмпирические исследования последствий харизматического лидерства для эффективности организаций весьма ограничены. Преобладают описательные работы со ссылками на исторические документы. В этих исследованиях подчеркивается противоречивый характер результатов харизматического лидерства. Высказывается мнение, что эффективность организаций совсем необязательно может быть обусловлена харизматическим лидерством. Успех обеспечивается руководителями, способными организовать согласованную коллективную работу исполнителей, а не озабоченными созданием условий для восприятия своей исключительности [Yukl 1999].

Сомнения в абсолютной желательности харизматического лидерства связаны и с ее негативной стороной, манипулятивным характером. Развитие харизматичных отношений между лидером и последователями сопряжено с известным регрессом, ослаблением критичности последователей, ухудшением обратной связи, что создает почву для волюнтаристских неконструктивных решений руководителя [Кричевский 2007].

Усугубляется это и ориентацией на межличностный подход в анализе харизматического лидерства. В настоящее время утверждение о том, что лидерство есть групповой процесс, стало аксиомой. Однако в изучении харизматического лидерства групповой контекст представлен явно недостаточно. Развитие группы, групповое принятие решений, сплочение в связи с реализацией харизматического лидерства пока остаются за пределами исследовательского интереса. Исследователи отмечают, что эффективность харизматического лидерства снижается при осуществлении командной работы, в тех ситуациях, когда успешный результат зависит от согласованных коллективных усилий специалистов [Iszatt, Saunders 2014].

Возможно, харизматическое лидерство целесообразно в ограниченном числе случаев, например при создании новых организаций и новых социальных движений или при преобразовании компаний в условиях социальных трансформаций [Андреева 2011].

Важной проблемой, имеющей теоретическое и практическое значение, является вопрос о процессе формирования харизмы и ее утрате. Знание закономерностей обретения харизмы дает возможность создавать программы развития харизматического лидерства. Но харизма может ослабевать, и зачастую это обусловлено поведением самих руководителей. Развивающаяся организация рано или поздно приходит к необходимости формализации и регламентации своей деятельности. И если поведение лидера не будет соответство-

вать установленным правилам, его влияние обретет деструктивный характер, и руководитель может быть отстранен от своей должности. Иными словами, харизма подвижна, но ее динамика требует более глубокого изучения [Yukl 1999].

Трудности в концептуализации харизмы и харизматического лидерства стимулировали научный поиск, и к середине второй декады XXI в. в исследовательском ландшафте оформились новые подходы к изучению обсуждаемых феноменов.

Харизма как особый социальный сигнал лидера: обзор исследований

Пытаясь поднять изучение харизматического лидерства на новый уровень, Д. Антонакис с коллегами предприняли масштабное теоретическое исследование, результаты которого были опубликованы в 2016 г. [Antonakis et al. 2016]. Авторами были проанализированы работы, посвященные харизме и харизматическому лидерству, начиная с 1954 г. Весь массив источников был разделен на две группы – работы в области социологии и политологии, а также работы в области прикладной психологии и менеджмента.

Социологические и политологические исследования продолжают традиции изучения харизмы, заложенные М. Вебером; его наследие сохраняет актуальность, об этом свидетельствует в том числе тот факт, что его цитируют в 74% работ.

Начало психологического исследования харизматического лидерства было положено в 1977 г., когда Р. Хаус предложил первую теорию, предполагающую, что харизматические лидеры создают эмоционально насыщенные отношения с последователями. Существенное влияние на представления о харизматическом лидерстве оказали работы Б. Басса. В его концепции харизматическое лидерство выступает элементом трансформационного и обозначается как идеализированное влияние и вдохновляющая мотивация. Следует отметить, что в современном исследовательском ландшафте конструкт трансформационного лидерства явно доминирует, что дает основания для смешения и отождествления этих двух понятий – трансформационного и харизматического лидерства [Нортхаус 2023]. Вполне справедливо Д. Антонакис разводит данные конструкты, подчеркивая их специфичность и несводимость друг к другу.

Однако выявление собственного содержания харизматического лидерства оказывается затруднено вследствие нерешенности старой проблемы – неясности самого понятия харизмы. Большинство

используемых определений Д. Антонакис рассматривает как бесполезные и не отражающие сути изучаемого явления. Например, таковыми являются определения харизмы как личностных качеств и способностей, исключительности, божественной обусловленности, продукта атрибуций и социальных взаимодействий. Полезными элементами определений рассматриваются те аспекты харизмы, которые связаны с видением, ценностями, эмоциями и экспрессивным общением.

Проанализировав большое количество работ, Д. Антонакис с сотрудниками предложили свое определение харизмы. По их мнению, харизма есть основанный на ценностях символический и эмоциональный сигнал лидера. В лидерском процессе, как правило, лидер обладает большей информацией по сравнению с последователями, а последователи испытывают в ней потребность. Сигнализируя о своих качествах и достижениях, лидер уменьшает информационную асимметрию и создает основу для социального влияния. Харизматический лидер сигнализирует, сообщает последователям о ценностях, используя для этого символические и эмоционально нагруженные средства коммуникации. Они могут быть вербальными и невербальными; в качестве таковых могут выступать метафоры, сторителлинг, контрастное сравнение, риторические вопросы, жесты, характеристики голоса и т. п. [Antonakis et al. 2016].

Таким образом, харизматичный человек – это тот, кто сигнализирует о ценностях, используя указанные средства, фактически являющиеся маркерами харизмы. Харизматичный человек необязательно имеет влияние. Последователи интерпретируют сигналы лидера, а потом решают, стоит ли им действовать в соответствии с целями лидера. Харизматический эффект, реализация влияния, принятие влияния будут наблюдаться тогда, когда транслируемые ценности одобряются, принимаются последователями. Чем больше эти ценности «резонируют» с ценностями группы и организации, тем более прототипичным будет восприниматься лидер. В свою очередь, чем выше прототипичность лидера, тем большее количество последователей будут приписывать ему качества исключительного, особенного человека, в том числе смелость, мудрость и компетентность.

По мнению авторов, данное толкование харизмы позволит отделить саму харизму (сигнализацию ценностей) от ее предпосылок (личностных характеристик) и последствий (атрибуций, влияния). Такой подход задает и определенную методологию изучения харизматического лидерства.

В настоящее время эмпирические исследования выполнены преимущественно с использованием анкетирования (прежде всего

мультифакторного лидерского опросника MLQ). Любопытно, что более половины респондентов во всех 288 проанализированных работах – студенты и аспиранты университетов.

Как полагают исследователи, количественные формализованные опросники не дают возможности исключить систематические искажения в оценках, поэтому желательны методики, фиксирующие объективные проявления харизмы. Источниками данных могут служить биографические материалы, речи и интервью (в том числе аудио и видео), любые иные формы коммуникации, отделенные от результатов лидерского процесса и отражающие устойчивую модель передачи сигналов лидером. Для извлечения маркеров харизмы из исходных объективных данных и последующей оценки харизматичности необходима кодификация сигналов – метафор, невербальных приемов передачи эмоций, сторителлинга и др. Причем наиболее простые вербальные приемы могут быть закодированы компьютерами [Antonakis et al. 2016].

При этом возникает закономерный вопрос: что же все-таки рассматривать в качестве сигнала харизмы? В этом плане особый интерес исследование С. Ре с коллегами, расширяющее концепцию Д. Антонакиса [Reh et al. 2017]. Авторы используют понятие воплощенных сигналов – потенциальных сигналов, основанных на телесном опыте и связанных с определенными когнитивными процессами. Воплощенные сигналы можно рассматривать как важнейший элемент харизмы. Такие сигналы необязательно исходят от лидера, окружающая среда также может быть их источником. Воздействие воплощенных сигналов способствует либо препятствует харизматическому лидерству, причем это воздействие может не осознаваться последователями. В рамках обзора большого количества работ были выделены четыре аспекта харизмы, на которые воздействуют воплощенные сигналы: власть, теплота, компетентность и мораль. В качестве воплощенных сигналов называются физический рост, выражение лица, характеристики голоса, поза, взгляд, вертикальная организация пространства, температура, цвет. Например, более высокий рост и громкая речь сигнализируют о власти, «детское лицо» отрицательно коррелирует с воспринимаемой компетентностью, ощущаемое физическое тепло способствует воспринимаемой социальной близости и доброжелательности, а черный цвет в одежде ассоциируется с более высоким уровнем агрессии.

Как полагают авторы, обращение к воплощенным сигналам вносит большую конкретность в понимание сигналов харизмы, не связанных напрямую с риторикой и поведением лидера. Определенную роль в этом процессе играют сигналы из окружающей среды, дополняя информацию, исходящую от лидера, и усиливая

харизматический эффект. И в этом случае мы можем лучше понять, почему некоторых лидеров автоматически и бессознательно относят к категории харизматических. Исследователи выражают надежду, что их подход позволит сделать еще один шаг к прояснению «ауры харизмы» [Reh et al. 2017].

Признавая интерпретацию харизмы как воплощенных сигналов лидера, Б. Эрнст с соавторами смещают фокус анализа на преднамеренные сигналы, находящиеся под контролем лидера [Ernst et al. 2022]. В этом случае харизма концептуализируется как тактики харизматического лидерства – наблюдаемое поведение, которое можно рассматривать как сигнал для последователей. Ученые сообщают как минимум о двенадцати тактиках, которые нашли подтверждение в исследованиях. Их краткая характеристика представлена в табл. 1.

Таблица 1

Тактики харизматического лидерства

Наименование тактик	Характер воздействия
Использование метафор и сравнений	Упрощает сообщение, обозначает новые подходы
Сторителлинг	Визуализирует и эмоционально насыщает сообщение, способствует его запоминанию
Декларация ценностей, моральная оценка ситуации	Дает возможность последователям идентифицироваться с лидером
Обращение к чувствам и настроениям последователей	Подчеркивает сходство лидера с последователями
Установление высоких ожиданий	Мотивация последователей на работу
Демонстрация уверенности, что цели будут достигнуты	Повышение самооэффективности последователей
Использование контрастов	Обеспечение рамки и фокуса сообщения, прояснение позиции
Создание перечней и повторения	Формирование ощущения завершенности, понимание ключевых выводов
Риторические вопросы	Формирование ожиданий и вовлеченности
Жесты и позы	Способствуют запоминанию лидера
Мимика	Способствует запоминанию лидера
Изменение тона и громкости голоса, использование пауз в речи	Способствуют запоминанию лидера

Авторы называют приведенные тактики «витаминами лидерства», поскольку их использование способствует достижению важных результатов. Было обнаружено, что применение тактик харизматического лидерства в письменных инструкциях позитивно сказывается на деятельности трудовых онлайн-платформ: их контент получал больше просмотров и оценивался как более «вдохновляющий». В другом исследовании было показано, что президент Франции увеличил использование тактик харизматического лидерства после серии национальных кризисов, что привело к более высоким рейтингам одобрения.

Важно отметить, что полученные результаты свидетельствуют о возможности обучения харизме. Например, менеджеры и студенты, освоившие вербальные и невербальные тактики поведения, получали более высокие оценки своей харизмы. А специально обученные актеры весьма успешно произносили мотивационную речь, и ее воздействие было сопоставимо с воздействием значительного финансового стимула [Ernst et al. 2022].

Отталкиваясь от определения харизмы как символического и эмоционального сигнала о ценностях, Т. Сай с соавторами настаивают на ключевом значении моральных эмоций в харизматическом лидерстве. Демонстрируя и вызывая у последователей восхищение, гнев и сострадание, руководители мотивируют последователей к определенным действиям, приводящим впоследствии к высоким результатам [Sy et al. 2018].

Перечисленные выше подходы и проведенные исследования имеют одно существенное ограничение – они предполагают реализацию лидерства лицом к лицу, непосредственное взаимодействие лидера с последователями. В то же время практически все организации используют ту или иную форму виртуального или электронного лидерства, опосредованного современными информационными технологиями.

В современных условиях электронное лидерство приобретает особое значение для успешной деятельности организаций. Использование информационно-коммуникационных технологий экономит ресурсы, позволяет формировать виртуальные команды, состоящие из высококлассных специалистов, изменяет организационную структуру, сокращая дистанцию с клиентами и сотрудниками. Именно электронное лидерство в будущем станет залогом устойчивого развития компаний. Электронное лидерство в дальнейшем будет только расширяться, эта тенденция необратима. В то же время исследования электронного лидерства недостаточны, в том числе неясна специфика «электронной харизмы» [Петрушихина 2022].

Есть основания полагать, что эффект харизмы ослабевает в виртуальном контексте, поскольку в этом случае обедняется содержание коммуникации. С другой стороны, возможно и обратное – харизматическое лидерство более эффективно в неоднозначном и двусмысленном контексте, но именно этим и отличается виртуальная среда.

Проведя ряд исследований, Б. Эрнст приходит к осторожному выводу о том, что тактики харизматического лидерства все же более действенны в лидерстве лицом к лицу, однако данный вопрос требует более тщательного изучения в будущем [Ernst et al. 2022].

Понимание харизмы как символического и эмоционального сигнала дает возможность более корректно подойти к исследованию факторов харизматического лидерства и его последствий.

Логично предположить, что определенные личностные черты способствуют успешной трансляции ценностей последователям, то есть проявлению харизмы. Указанный подход поддержан исследователями, в частности Д. Бэнксом с соавторами [Banks et al. 2017]. Отталкиваясь от определения харизмы, данного Д. Антонакисом, исследователи провели метаанализ 76 работ, посвященных проблеме харизматического лидерства. Ими был выдвинут ряд гипотез о личностных предпосылках и результатах лидерства на основе харизмы. Оказалось, что наиболее важным предиктором идеализированного влияния (харизмы) являются когнитивные способности. По всей вероятности, более высокие когнитивные способности позволяют тщательно анализировать, сканировать сложную и изменчивую окружающую среду и на этой основе формулировать креативные решения, конструировать эмоционально насыщенные образы и генерировать метафоры, релевантные ценностям последователей.

Также было обнаружено, что факторы Большой Пятерки могут предсказывать харизматическое лидерство. Идеализированное влияние наиболее тесно связано с доброжелательностью и добросовестностью, а экстраверсия существенно влияет на проявление вдохновляющей мотивации. Несколько слабее воздействует на харизматическое лидерство открытость опыту; нейротизм препятствует лидерству на основе харизмы. Иными словами, более успешны в символическом и эмоциональном донесении ценностей честные, стремящиеся к согласию и сотрудничеству, открытые и эмоционально стабильные лидеры, ориентированные к тому же на творчество и поиск новых стратегий поведения.

Кроме того, метаанализ показал, что харизматическое лидерство ведет к росту организационного гражданства последователей, увеличению индивидуальной продуктивности, групповой и организационной эффективности [Banks et al. 2017]. Данный вывод служит

доказательством значимости харизматического лидерства в практике менеджмента, обосновывает необходимость обучения методам и приемам руководства на основе харизмы.

Интерпретация харизмы как символического и эмоционального сигнала о ценностях открывает новые перспективы в сфере управления персоналом. Учитывая важность харизматического лидерства, организации могут создавать программы по развитию навыков лидерства на основе харизмы, где руководители будут осваивать способы символической коммуникации, совершенствовать свою экспрессию и риторику, формировать рабочую среду, поддерживающую харизму. Данные о личностных предикторах харизмы будут полезны в практике отбора персонала.

Перспективы развития концепции харизматического лидерства

Проведенный анализ позволяет обозначить направления дальнейшего изучения харизматического лидерства.

Трактовка харизмы как символического и эмоционального сигнала о ценностях требует верификации в эмпирических исследованиях. Предметом изучения должны стать потенциальные сигналы харизмы, их взаимодействие между собой, связь с индивидуальными, групповыми и организационными результатами, выявление опосредующих переменных, способных снижать или усиливать харизматический эффект.

Необходимо совершенствование методического инструментария изучения харизматического лидерства. Более широко следует использовать качественные методы исследования, экспериментальную стратегию, объективные показатели проявления харизмы.

Исследование харизматического лидерства должно проводиться с учетом контекста – культурного, профессионального, организационного. В настоящее время подавляющее количество работ реализовано в странах с индивидуалистической культурой, изучение харизмы и харизматического лидерства в коллективистических культурах – дело будущего, желателен учет и других параметров культуры – дистанции власти, маскулинности – феминности, избегания неопределенности. Как характеристику контекста следует рассмотреть уровень руководства и специфику профессиональной области. Особого внимания требует изучение лидерства в виртуальном контексте.

Необходимо продолжить исследование личностных предпосылок харизматического лидерства, расширив спектр предполагаемых инди-

видуальных характеристик. Перспективным представляется включение в этот перечень черт Темной Триады, особенностей Я-концепции лидера, мотивации лидерства, неакадемических видов интеллекта (социального, эмоционального, культурного, практического).

Дальнейшего изучения требует связь особенностей эмоциональной сферы лидера и реализации харизматического лидерства. Трансляция миссии, обращение к ценностям последователей сопряжены с демонстрацией лидером разнообразных эмоций – от радости и уверенности до праведного гнева и печали. В качестве теории, объясняющей механизмы эмоциональных проявлений лидера, может быть привлечена концепция эмоционального труда. Эмоциональный труд – действия, усилия по управлению эмоциями в соответствии с нормами эмоциональной культуры определенного сообщества или организации. Можно предположить, что более точное следование принятым нормам выражения и чувствования эмоций обуславливает восприятие лидеров как харизматичных.

Интересным представляется изучение харизматического лидерства с позиций гендерного подхода. Общеизвестен тезис о большей эмоциональной экспрессии женщин, что должно способствовать восприятию их как харизматичных руководителей. В то же время гендерные стереотипы предписывают лидерскую роль мужчинам, явно уступающим женщинам в способности осуществлять эмоциональное воздействие. Гендерные теории могут прояснить, почему эмоциональность женщин ценна при выполнении функций в традиционных «женских» сферах, но не на руководящих позициях в организациях.

Изучение харизматического лидерства необходимо осуществлять с учетом его динамики. Необходимы лонгитюдные исследования, проясняющие процесс формирования и возможной утраты харизмы, в том числе возможности и ограничения обучения харизматическому лидерству.

Заключение

Концепция харизматического лидерства сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Его новейшая трактовка связана с пониманием харизмы как основанного на ценностях символического и эмоционального сигнала. Подобный подход дает возможность преодолеть теоретическую неопределенность в понимании харизматического лидерства, выделить сущностные характеристики харизмы, не сводимые к свойствам лидера и последователей, обозначить пути дальнейшего изучения феномена и направления совершенствования практики менеджмента.

Литература

- Андреева 2011 – *Андреева Г.М.* Ролевой репертуар руководителя в условиях социальных трансформаций // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 4. С. 5–14.
- Бендас 2009 – *Бендас Т.В.* Психология лидерства. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
- Вебер 1988 – *Вебер М.* Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.
- Гроза 2015 – *Гроза И.В.* Феномен харизмы как предмет дискуссии в отечественной и зарубежной психологии // Национальная ассоциация ученых. Психологические науки. 2015. № 4. С. 127–130.
- Кричевский 2007 – *Кричевский Р.Л.* Психология лидерства. М.: Статут, 2007. 542 с.
- Нортхаус 2023 – *Нортхаус П.Г.* Лидерство. Теория и практика. М.: Бомбора, 2023. 496 с.
- Петрушихина 2017 – *Петрушихина Е.Б.* Теоретические проблемы харизматического лидерства // Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2017. С. 134–136.
- Петрушихина 2022 – *Петрушихина Е.Б.* Электронное лидерство в цифровую эпоху: вызовы и возможности // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов международной конференции. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2022. С. 231–236.
- Филь, Андронникова 2012 – *Филь Т.А., Андронникова О.О.* Конструирование и апробирование методики «Шкала харизматичности» // Мир науки, культуры образования. 2012. № 1. С. 216–221.
- Antonakis et al. 2016 – *Antonakis J., Bastardos N., Jacquart P., Shamir B.* Charisma: An ill-defined and ill-measured gift // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2016. Vol. 3. № 1. P. 293–319.
- Banks et al. 2017 – *Banks G.C., Engemann K.N., Williams C.E., Gooty J., McCauley K.D., Medaugh M.R.* A meta-analytic review and future research agenda of charismatic leadership // The Leadership Quarterly. 2017. Vol. 28. № 4. P. 508–529.
- Ernst et al. 2022 – *Ernst B.A., Banks G.C., Loignon A.C., Frear K.A., Williams C.E., Arciniega L.M., Gupta R.K., Kodidek G., Subramanian D.* Virtual charismatic leadership and signaling theory: A prospective meta-analysis in five countries // The Leadership Quarterly. 2022. Vol. 33. № 5. P. 1–19.
- Iszatt, Saunders 2014 – *Iszatt M., Saunders C.* Leadership. Oxford: Oxford University Press, 2014. 318 p.
- Reh et al. 2017 – *Reh S., Van Quaquebeke N., Gissner S.R.* The aura of charisma: a review on the embodiment perspective as signaling // The Leadership Quarterly. 2017. Vol. 28. № 4. P. 486–507.

- Sy et al. 2018 – *Sy T., Horton C., Riggio R.* Charismatic leadership: eliciting and channeling follower emotion // *The Leadership Quarterly*. 2018. Vol. 29. № 1. P. 58–69.
- Yukl 1999 – *Yukl G.* An evaluation of conceptual weaknesses in transformational and charismatic leadership theories // *The Leadership Quarterly*. 1999. Vol. 10. № 2. P. 285–305.

References

- Andreeva, G.M. (2011), “Role repertoire of a leader in conditions of social transformations”, *Social Psychology and Society*, vol. 2, no. 4, pp. 5–14.
- Antonakis, J., Bastardos, N., Jacquart, P. and Shamir, B. (2016), “Charisma: An ill-defined and ill-measured gift”, *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, vol. 3, no. 1, pp. 293–319.
- Banks, G.C., Engemann, K.N., Williams, C.E., Gooty, J., McCauley, K.D. and Medaugh, M.R. (2017), “A meta-analytic review and future research agenda of charismatic leadership”, *The Leadership Quarterly*, vol. 28, no. 4, pp. 508–529.
- Bendas, T.V. (2009), *Psikhologiya liderstva* [Psychology of leadership], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Ernst, B.A., Banks, G.C., Loignon, A.C., Frear, K.A., Williams, C.E., Arciniega, L.M., Gupta, R.K., Kodidek, G. and Subramanian D. (2022), “Virtual charismatic leadership and signaling theory: A prospective meta-analysis in five countries”, *The Leadership Quarterly*, vol. 33, no. 5, pp. 1–19.
- Fil, T.A. and Andronnikova, O.O. (2012), “Construction and approbation of the ‘Charismatic Scale’ methodology”, *The world of science, culture and education*, no. 1, pp. 216–221.
- Groza, I.V. (2015), “Charisma phenomenon as a matter of debates in the domestic and foreign psychology”, *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh. Psikhologicheskie nauki*, no. 4, pp. 127–130.
- Iszatt, M. and Saunders, C. (2014), *Leadership*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Krichevsky, R.L. (2007), *Psikhologiya liderstva* [Psychology of leadership], Statut, Moscow, Russia.
- Northouse, P.G. (2023), *Liderstvo. Teoriya i praktika* [Leadership. Theory and Practice], Bombora, Moscow, Russia.
- Petrushikhina, E.B. (2017), “Theoretical issues of charismatic leadership”, *Aktual'nye problemy psikhologii truda: teoriya i praktika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current issues of labor psychology: theory and practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], Krasnoyarsk, Russia, pp. 134–136.
- Petrushikhina, E.B. (2022), “Electronic leadership in the digital era. Challenges and opportunities”, *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka. Sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii* [Digital society as a cultural and historical context of human development. Collection of

- scientific articles and materials of the international conference], Kolomna, Russia, pp. 231–236.
- Reh, S., Van Quaquebeke, N. and Gissner, S.R. (2017), “The aura of charisma: a review on the embodiment perspective as signaling”, *The Leadership Quarterly*, vol. 28, no. 4, pp. 486–507.
- Sy, T., Horton, C. and Riggio, R. (2018), “Charismatic leadership: eliciting and channeling follower emotion”, *The Leadership Quarterly*, vol. 29, no. 1, pp. 58–69.
- Weber, M. (1988), “Charismatic dominance”, *Sociological studies*, no. 5, pp. 139–147.
- Yukl, G. (1999), “An evaluation of conceptual weaknesses in transformational and charismatic leadership theories”, *The Leadership Quarterly*, vol. 10, no. 2, pp. 285–305.

Информация об авторе

Елена Б. Петрушихина, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ebpetr@mail.ru

Information about the author

Elena B. Petrushikhina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047 ebpetr@mail.ru

УДК 159.9:316.36

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-26-39

Семейные ритуалы как стрессоры: социально-психологический и маркетинговый анализ

Владимир В. Солодников

независимый исследователь, Москва, Россия, solodnikovv@mail.ru

Софья П. Поликарпова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, polikarпова_sofya_1998@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы жизненного пути семьи и отделяющие их друг от друга граничные события, которые, в свою очередь, сопровождаются семейными стрессорами и ритуалами. Для более подробного анализа были выбраны два таких события – выписка ребенка с матерью из роддома и его крещение. С позиции теории семейного стресса была дана их характеристика, а также приведены некоторые социально-демографические параметры и социально-психологические установки супругов, переживших выписку ребенка с матерью из роддома или его крещение. Маркетинговый аспект этих событий проанализирован посредством использования результатов интервью представителей целевой аудитории (для уточнения ее особенностей) и контент-анализа социальных сетей. В рамках академической социальной науки о семье обозначены перспективы изучения более широкого диапазона граничных событий, отделяющих один этап жизненного пути семьи от другого, и стрессоров и/или ритуалов с позиции теории семейного стресса, а также факторов успешности брака. Кроме того, полученная информация может быть использована для более эффективного продвижения товаров, сопровождающих эти события.

Ключевые слова: семья, жизненный путь семьи, семейные ритуалы, семейные стрессоры

Для цитирования: Солодников В.В., Поликарпова С.П. Семейные ритуалы как стрессоры: социально-психологический и маркетинговый анализ // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 26–39. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-26-39

Family rituals as stressors. Socio-psychological and marketing analysis

Vladimir V. Solodnikov

independent researcher, Moscow, Russia, solodnikovv@mail.ru

Sophia P. Polikarpova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, polikarpova_sofya_1998@mail.ru*

Abstract. The article considers the main stages of the family's life path and the boundary events separating them from each other, which, in turn, are accompanied by family stressors and rituals. Two events were selected for a more detailed analysis: the discharge of the mother and child from the maternity ward and the child's baptism. Those events were described from the standpoint of the theory of family stress, as well as some socio-demographic parameters and socio-psychological attitudes of spouses who experienced the discharge of the mother and child from the maternity ward or the child's baptism. The marketing aspect of the events is analyzed by using the results of interviews with representatives of the target audience (to clarify its features) and content analysis of social networks. Within the framework of the academic societal science on the family the prospects for studying a wider range of boundary events separating one stage of the family's life path from another, and stressors and/or rituals from the perspective of the theory of family stress, as well as factors of marriage success, are outlined. In addition, the information obtained can be used to more effectively promote the products accompanying those events.

Keywords: family, family's life path, family rituals, family stressors

For citation: Solodnikov, V.V. and Polikarpova, S.P. (2024), "Family rituals as stressors. Socio-psychological and marketing analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 26–39, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-26-39

Введение

Изучение жизненного цикла/пути семьи с выделением его качественно специфичных этапов является традиционной задачей академической социологии и социальной психологии. Вместе с тем гораздо меньше внимания уделяется исследованию ритуалов, сопровождающих семью при переходе с одного этапа на другой, а также их влиянию на специфику ее функционирования. Качественная перестройка внутрисемейных отношений, обусловленная

таким переходом, в то или иной степени обладает стрессогенным воздействием на семью. Более того, ритуалы, сопровождающие это движение и маркирующие ключевые события семейной жизни, обретая характер социальной нормы, стимулируют активность маркетологов, направленную на развитие сопутствующих товаров и услуг.

Семейные ритуалы и стрессоры

Различные этапы жизненного цикла семьи и ключевые события семейной жизни обладают неодинаковой ритуально-символической «насыщенностью». Перечислим основные из этих событий, привлекая разработки теории семейного стресса и обозначив маркетинговый аспект таких событий и/или маркеров перехода семьи с одного этапа на другой.

Сначала рассмотрим понятие жизненного цикла семьи, которое используется для описания изменений, происходящих с семьей на протяжении всего ее существования. При этом постараемся выделить его основные этапы и события, маркирующие окончание одного этапа и начало следующего (см. табл. 1).

Таблица 1

Этапы жизненного цикла/пути семьи

№	Автор			
	А.И. Антонов [Антонов, Медков 1996, с. 127]		Т.А. Гурко [Гурко 2008, с. 68–70]	
	Граничное событие	Этап	Граничное событие	Этап
1				Добрачное ухаживание
2	Заклучение брака	Предродительство	Заклучение брака	Адаптация супругов
3	Рождение первенца и последующих детей	Репродуктивное родительство	Рождение первенца и последующих детей	Принятие родительских ролей
4	Совершеннолетие детей или отделение младшего ребенка	Социализированное родительство	Последний ребенок покидает родительский дом	«Пустое гнездо»
5	Рождение первого внука – вдовство	Прародительство	Вдовство	

Т.А. Гурко, подчеркивая вариативность и отсутствие жесткой социальной нормативности семейной жизни и ее этапов, предпочитает говорить о «жизненном пути» семьи. При этом периодизация жизненного цикла/пути семьи, по версии А.И. Антонова, строго логична и связана с рождением детей/внуков и изменением ее количественной структуры.

Очевидным отличием двух периодизаций является этап добрачного ухаживания, присутствующий во втором подходе и отсутствующий в первом. Это обусловлено различными трактовками понятия семьи А.И. Антонова и С.И. Голода [Солодников 2011]. Отметим также, что весьма затруднительно каким-то образом маркировать начало добрачного ухаживания, а после вдовства происходит переконфигурация семейных отношений, которые вряд ли сводятся только к прародительству.

События, отделяющие один этап семейной жизни от другого, можно рассматривать как стрессорные и в определенной мере меняющие систему семейных отношений.

Наибольшее внимание исследователей среди них привлекает свадьба [Солодников и др. 2021; Солодников, Проскурдина 2022]. При этом организация свадебного торжества вызывает интерес маркетологов, а с другой стороны, она является граничным событием этапов жизненного цикла семьи. В последнем случае в локальном онлайн-исследовании молодых женщин, недавно вступивших в брак [Солодников 2021], были выявлены статистически значимые связи между успешностью их брака и некоторыми ритуалами, сопровождавшими организацию свадьбы (бросание букета и бутоньерки – положительная, похищение невесты – отрицательная). Еще ряд рассчитанных связей не достигли статистической значимости, возможно, в силу небольшого объема выборки.

В целом представляется перспективным изучение различных свадебных ритуалов и обрядов (как традиционных, так и инновационных), предшествующих свадьбе, реализуемых в ее ходе и непосредственно после нее [Солодников, Проскурдина 2022, с. 515–544].

Следующим граничным событием, отделяющим один этап жизненного цикла/пути семьи от другого, является рождение детей (особенно первенца).

Во-первых, такой опыт, несомненно, является стрессогенным, особенно если при этом используются вспомогательные репродуктивные технологии, являющиеся весьма дорогостоящими [Солодников 2011, с. 49–50].

Во-вторых, при изучении успешности брака (операционализируемой через удовлетворенность супругов своим браком) отмечается снижение ее показателей в первые годы брака [Солодников 2016]. Одним из возможных объяснений этой тенденции является рождение первенца и связанное с ним качественное пере структурирование супружеских отношений со сдвигом в сторону традиционного распределения гендерных ролей. Это позволяет предположить, что при анализе функционирования молодой семьи на этом этапе будет адекватна понятийная рамка теории семейного стресса, начиная с классической ABCX-модели Р. Хилла [Гурко 2022; Михайлова 2014].

Еще более уместным выглядит использование этого подхода при анализе вдовства. Однако таких исследований в целом немного [Уолтер, Бейли 2023], а имеющиеся исходят из другой методологии.

Таким образом, представляется актуальным изучение некоторых семейных ритуалов как стрессоров в социологическом и маркетинговом аспектах.

Методы исследования

Качественное исследование «Маркетинговая составляющая выписки детей в оценках потребителей»; г. Москва, октябрь 2022 г.; метод – полуформализованное интервью; 10 покупателей розничного магазина “LinoVambino”.

Качественное исследование «Маркетинговая составляющая крещения детей в оценках потребителей»; г. Москва, октябрь 2022 г.; метод – полуформализованное интервью; 10 покупателей розничного магазина «Крестильное.ру».

Количественное исследование «Интернет-форумы для молодых родителей»; октябрь 2022 г.; метод – контент-анализ; форумы BabyBlog.ru, Woman.ru, U-mama.ru, Babyplan.ru, в выборку включены 8 текстовых сообщений с декабря 2021 г. по август 2022 г.; единица счета – лайки, комментарии, просмотры. Принцип отбора материала: по одной наиболее популярной публикации, по ключевым словам, «выписка» и «крещение» с каждого из форумов. Принцип отбора форумов: 4 наиболее популярных результата доступного поиска в браузере Google по запросам «дети», «ребенок», «советы для мам», «материнство», «роды», «крещение ребенка», «выписка из роддома».

Результаты и их обсуждение

В качестве стрессорных событий в жизни молодой семьи были выбраны выписка новорожденного ребенка из роддома и его крещение.

С точки зрения теории семейного стресса они могут быть категоризованы следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Выписка ребенка из роддома и его крещение,
с точки зрения теории семейного стресса*

№ п/п	Параметр стрессорного события	Выписка	Крещение
1	Источник: извне–внутри семьи	Внутреннее	
2	Актор, принимающий решение: супруги – другие (вне семьи)	Супружеское	
3	Время протекания: хроническое–одномоментное	Одномоментное	
4	Нормативность: (не)нормативное	Нормативное	
5	Накопительный эффект: кумулятивное–единичное	Кумулятивное	Единичное
6	Однозначность: (не)однозначное	Однозначное	(Не)однозначное

Примечание: *Адаптировано из: [Boss 2002, p. 40].

Таким образом, если супруги в отношении обоих событий, протекающих практически одномоментно, принимают решение сами, то по остальным параметрам есть отличия.

Выписке ребенка из роддома предшествует период беременности. Сама выписка однозначно социально маркируется как позитивное событие и сопровождается нормативными элементами (транспорт, родственники, специальный пакет для новорожденного и т. п.). Акторами, принимающими решение о ритуалах, сопровождающих выписку матери и новорожденного из роддома, являются главным образом сами супруги. Наконец, само это событие можно считать завершающим период беременности, а значит, кумулятивным стрессором.

Крещение ребенка, напротив, является относительно кратковременным событием. Что касается его (не)однозначности, то для православных оно является необходимым, но далеко не все

россияне идентифицируют себя в качестве таковых, особенно молодежь (см. ниже об этом). С учетом этого общественное мнение в отношении крещения ребенка может быть неоднородным.

Рассмотрим ряд общих социально-демографических показателей обоих событий.

Сначала обратимся к *крещению ребенка*. Согласно данным ВЦИОМ 2020 г.¹, 63% россиян исповедуют православие. Практически столько же их в возрасте от 25 до 34 лет (62%). Однако молодежь от 18 до 24 лет реже других групп ассоциирует себя с православием – всего 23%.

Абсолютное большинство православных респондентов прошли крещение – 86%. Из них 66% были крещены по семейному решению и в детском возрасте. Средний возраст крещения – 4 года, но большинство россиян крестит детей в младенчестве.

79% опрошенных считают крещение необходимостью для православного человека, особенно женщины. При этом 60% из тех, кто считает крещение необходимостью, придерживаются мнения, что лучше всего проводить обряд в детском возрасте.

Исследование Фонда общественного мнения (ФОМ) 2013 г. было посвящено непосредственно обряду крещения². Согласно полученным данным, среди россиян, считающих себя православными (таких 70% среди опрошенных), 84% были крещены. При этом большинство из них (64%) – в первые три года жизни. Практически две трети из них считают крещение обязательным для верующего³ (однако среди атеистов таких только 30%), и решение об этом должны принимать родители (соответственно 66 и 68%).

Однако в целом мужчины, молодежь в возрасте 18–30 лет, а также респонденты, имеющие ежемесячный доход менее 400 рублей или более 20 000 рублей, реже считают крещение обязательным для верующего.

Теперь обратимся к социально-демографическим данным, касающимся *рождения детей, в том числе первенца*.

¹ Православная вера и таинство крещения // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya> (дата обращения 17 августа 2023).

² Об обряде крещения // Официальный сайт Фонда Общественное Мнение. 2013. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10837> (дата обращения 18 августа 2023).

³ Вопрос задавался 92% респондентов, за исключением мусульман и представителей других конфессий.

За период 2020–2022 гг. в среднем в возрасте от менее 18 до 35 лет в брак вступают 64,8% женщин и 69,5% мужчин⁴.

По данным Росстата, средний возраст женщины при рождении первенца в России составляет 26,7 года, второго ребенка – 30,5 лет, а третьего – 33,1 года⁵.

Таким образом, рождение детей (особенно первенца) – атрибут молодой семьи, а выписка матери и новорожденного из роддома является маркером грядущих перемен внутрисемейных отношений.

Между тем, согласно результатам лонгитюдных зарубежных исследований, удовлетворенность супругов своим браком на протяжении жизненного цикла/пути семьи имеет U-образный характер [Солодников 2016, с. 7], т. е. в первые годы брака идет постепенное снижение этого показателя. Не исключено, что важным фактором такого снижения является рождение первенца и системное переструктурирование супружеских ролей молодых супругов со смещением в сторону их традиционности.

Далее рассмотрим крещение и выписку ребенка из роддома с позиции маркетологов.

В настоящее время специализированные магазины предлагают специальные наборы предметов при выписке матери и новорожденного из роддома. Модальные параметры покупателей одного из таких магазинов приведены в табл. 3.

Таблица 3

Модальные показатели покупателей «выписного» набора
(магазин «LinoBambino»)

	Параметр выбора	Предпочитаемый элемент
1	Источник информации	Официальный сайт linobambino.ru
2	Элемент «выписного» набора	Конверт-одеяло
3	Месяц покупки	Сентябрь
4	Затраты	10 000+ рублей (при близком значении 5500–7000 руб.)

⁴ Рассчитано по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 20 августа 2023).

⁵ Мамиконян О. В России выросло число не желающих иметь детей женщин // forbes.ru. 23.03.2023. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/486562-v-rossii-vyroslo-cislo-ne-zelajushih-imet-detej-zensin> (дата обращения 20 августа 2023).

При этом если молодые матери или бабушки при покупках таких наборов действовали самостоятельно на разных этапах принятия соответствующего решения, то мужчины оказывались «ведомыми»:

Жена сказала посмотреть какой-то конверт... Я вообще в этом мало понимаю,

это мой первый ребенок (*Сергей, отец ребенка, 26 лет*);

...Я сам плохо понимаю, что нужно... (*Владимир, дед ребенка, 59 лет*);

...жена еще до родов список мне составила... (*Вадим, отец детей-близнецов, 37 лет*);

...жена сказала еще посмотреть постельное белье, пеленочки и конверт для выписки

(*Андрей, отец ребенка, 29 лет*).

Важным атрибутом набора, сопровождающего выписку, был эстетический, который, вопреки общественным ожиданиям, чаще отмечали мужчины:

Готов заплатить сколько угодно, лишь бы было красиво и удобно
(*Андрей, отец ребенка, 29 лет*)

и

...чтобы мои девочки радовались и были красавицами (*Вадим, отец детей-близнецов, 37 лет*).

А женщины акцентировали прагматические параметры товара (удобство, натуральность материалов и т. п.).

Далее обратимся к маркетинговому анализу продаж наборов предметов, сопровождающих крещение ребенка (см. табл. 4).

Наиболее важным параметром крестильного набора была его «красота», причем как для женщин, так и для мужчин.

Для маркетологов также важными параметрами покупательского выбора являются: предпочитаемый цвет изделий, их материал, дополнительные украшения – вышивка (в том числе религиозного содержания), место покупки креста, подарки (крестным) родителям и т. п.

Далее сравним некоторые параметры массового сознания, связанные с анализируемыми стрессорными событиями молодой семьи, воспользовавшись результатами проведенного контент-анализа (см. выше Методы исследования).

Сначала обратимся к характеристикам обсуждений крещения ребенка (см. табл. 5).

Таблица 4

Модальные показатели покупателей «крестильного» набора
(магазин «Крестильное.ру»)

	Параметр выбора	Предпочитаемый элемент
1	Способ покупки	Через сайт магазина (близкое значение – другие маркетплейсы)
2	Элемент «крестильного» набора	Распашонки и сорочки / классические рубашки
3	Материал элементов	Фланель (или муслин)
4	Аксессуары	Ювелирные изделия
5	Месяц покупки	Август (июль)
6	Затраты	2500–4000 рублей (4001–5000)

Таблица 5

Результаты контент-анализа популярных публикаций
на форумах по теме крещения ребенка

Сайт	Дата публикации	Формат публикации	Количественные показатели публикации*
Babyplan.ru	Июнь 2022 г.	Текст	400 комментариев
Babyblog.ru	Июль 2022 г.	Текст	8 комментариев и 6 лайков
Woman.ru	Май 2022 г.	Текст	11 комментариев
U-mama.ru	Публикаций нет	–	–

Примечание: *лайки и/или комментарии и/или просмотры.

Таким образом, только одна публикация на одном из специализированных сайтов вызвала интенсивное обсуждение. При этом в качестве наиболее обсуждаемых вопросов выступили: что нужно покупать крестным своему крестнику на крестины, какие вещи нужны ребенку на крещение и где купить крестик.

Комментаторы также делились своими историями крещения, приводили в пример традиции своей семьи и нормы храма, где они крестили ребенка. На специализированном женском сайте (women.ru) значимым было обсуждение вопроса, можно ли крестить ребенка некрещеной маме.

Обсуждения, связанные с выпиской из роддома матери и новорожденного, носят несколько иной характер (см. табл. 6).

Таблица 6

Результаты контент-анализа популярных публикаций на форумах по теме процедуры выписки матери и ребенка из родильного дома

Сайт	Дата публикации	Формат публикации	Количественные показатели публикации*
Babyplan.ru	Декабрь 2021 г.	Текст + изображение	2,2 тысячи комментариев
Woman.ru	Март 2022 г.	Текст	~1000 просмотров, 2 комментария
Babyblog.ru	Февраль 2022 г.	Текст	20 комментариев
U-mama.ru	Май 2022 г.	Текст	12 комментариев

Примечание: * лайки и/или комментарии и/или просмотры.

Интенсивность обсуждений и просмотров соответствующих тематических публикаций гораздо выше, а их тематика носит ярко выраженный прагматический характер (набор необходимых предметов для ребенка в зависимости от времени года, наличие выписной комнаты в роддоме, какие вещи брать в роддом, как проходит выписка, одежда на выписку для ребенка и т. д.).

Выводы

В статье рассмотрены некоторые семейные стрессоры и ритуалы, их сопровождающие, на примере выписки ребенка с матерью из роддома и его крещения.

В рамках академической социальной науки о семье их изучение представляет интерес по ряду причин. Во-первых, семейные стрессоры и сопровождающие их семейные ритуалы могут отделять один этап жизненного цикла/пути семьи от другого. При этом переживаемый стресс может быть вызван не только отрицательными, но и положительными событиями, поскольку и те, и другие в определенной мере предполагают реструктурирование внутрисемейных отношений. Это позволяет лучше понять функционирование современной семьи.

Во-вторых, они могут рассматриваться как операционализированные переменные при изучении факторов успешности брака.

Наконец, для характеристики этих стрессорных событий (и расширения их перечня в условиях «текущей реальности») следует более полно использовать АВСХ-модель, которая пока была задействована только частично. В частности, необходим более полный социально-психологический, психографический анализ установак супругов, и особенно конструктивных способов совладания с возникающим семейным стрессом.

Маркетинговый аспект рассматриваемых стрессорных событий и сопровождавших их ритуалов нуждается в использовании разнообразных методов исследований. Это и анализ «больших данных» (включая материалы социальных сетей, статистику продаж и т. п.), и опросные методы (как респондентов, так и экспертов), в том числе для получения более детальной информации не столько о социально-демографических, но и психографических параметрах целевой аудитории.

Литература

- Антонов, Медков 1996 – Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: МГУ, 1996. 304 с.
- Гурко 2008 – Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 326 с.
- Гурко 2022 – Гурко Т.А. Применение понятий теории семейного стресса в зарубежных исследованиях // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 3. С. 166–183.
- Михайлова 2014 – Михайлова Н.Ф. Концепция семейного стресса и копинг-парадигма в изучении семей «особых» детей (обзор литературы) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. Т. 7. № 3. С. 32–46.
- Солодников 2011 – Солодников В.В. Семья и семейные группы: к уточнению понятий и перспектив исследования // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 1 (10). С. 43–56.
- Солодников 2016 – Солодников В.В. Лонгитюдная стратегия исследования качества и изменений браков: отечественная традиция и зарубежный опыт (Обзор теорий, методов и исследований) // Мониторинг общественного мнения. № 1 (131). С. 3–20.
- Солодников 2021 – Солодников В.В. Свадьба как фактор успешности брака молодых супругов: опыт измерения // III Всероссийский демографический форум с международным участием: Материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Т.К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 100–105.
- Солодников и др. 2021 – Солодников В.В. Бессмертная О.В., Дорохова Ю.В. Свадьба как объект социологии маркетинга // Социальные проблемы сквозь

- призму социологических и маркетинговых исследований: Сб. исследовательских очерков и метод. материалов / Под общ. ред. В.Ф. Левичевой. М.: Ключ-С, 2021. С. 291–327.
- Солодников, Проскурдина 2022 – *Солодников В.В., Проскурдина Е.И.* Свадьба как социальный феномен: социологический и маркетинговый анализ // Социальные проблемы сквозь призму социологических и маркетинговых исследований: Сб. исслед. очерков – 2 / Отв. ред. Е.В. Фадеева. М.: Ключ-С, 2022. С. 515–544.
- Уолтер, Бейли 2023 – *Уолтер Т., Бейли Т.* Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 141–160.
- Boss 2022 – *Boss P.* Family stress management: a contextual approach. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. 217 p.

References

- Antonov, A.I. and Medkov, V.M. (1996), *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family], MGU, Moscow, Russia.
- Boss, (2022), *Family stress management: a contextual approach*, 2nd edn., Sage, Thousand Oaks, CA, USA.
- Gurko, T.A. (2008), *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia], M.: Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia.
- Gurko, T.A. (2022), “The application of ideas of family stress theory in foreign research”, *Sociological Journal*, vol. 28, no. 3, pp. 166–183.
- Mikhailova, N.F. (2014), “The family stress concept and the coping paradigm in studying the families of ‘special’ children (literature review)”, *Bulletin of the South Ural State University. Psychology series*, vol. 7, no. 3, pp. 32–46.
- Solodnikov, V.V. (2011), “Family and family groups: to the concepts and research prospects specification”, *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya*, no. 1 (10), pp. 43–56.
- Solodnikov, V.V. (2016), “Longitudinal strategy of studies of the quality and evolution of marriage: Russian tradition and foreign practices (theories, methods and studies)”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 1 (131), pp. 3–20.
- Solodnikov, V.V. (2021), “Wedding as a factor of success of marriage of young spouses. Measurement experience”, *III Vserossiiskii demograficheskii forum s mezhdunarodnym uchastiem: materialy foruma* [III All-Russian Demographic Forum with international participation. Proceedings of the forum], Moscow, Russia, 3–4 December 2021, pp. 100–105.
- Solodnikov, V.V., Bessmertnaya, O.V. and Dorohova, Yu.V. (2021), “Wedding as an object of marketing sociology”, in Levicheva, V.F. (ed.), *Sotsial'nye problemy skvoz' prizmu sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy: sb. issledovatel'skikh*

ocherkov i metodicheskikh materialov [Social issues through the prism of sociological and marketing research. Collection of research essays and methodological materials], Klyuch-S, Moscow, Russia, pp. 291–327.

- Solodnikov, V.V. and Proskurdina, E.I. (2022), “Wedding as a social phenomenon. Sociological and marketing analysis”, in Fadeeva, E.V. (ed.), *Sotsial'nye problemy skvoz' prizmu sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. Sbornik issledovatel'skikh ocherkov – 2* [Social issues through the prism of sociological and marketing research. Collection of research essays – 2], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Walter, T. and Bailey, T. (2023), “How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study”, *Sociological Journal*, vol. 29, no. 1, pp. 141–160.

Информация об авторах

Владимир В. Солodников, доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, Москва, Россия; solodnikovv@mail.ru

Софья П. Поликарпова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; polikarpova_sofya_1998@mail.ru

Information about the authors

Vladimir V. Solodnikov, Dr of Sci. (Sociology), professor, independent researcher, Moscow, Russia; solodnikovv@mail.ru

Sophia P. Polikarpova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; polikarpova_sofya_1998@mail.ru

УДК 159.99

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-40-63

Особенности субъективного благополучия и осмысленности жизни у женщин в ситуации социальной транзитивности

Василиса Р. Орестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, v.r.orestova@gmail.com*

Светлана Е. Золотарева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, 9111158@gmail.com*

Аннотация. Актуальность исследования определяется масштабными кризисными изменениями глобального характера, происходящими друг за другом без периодов стабильности и затишья, что предъявляет повышенные требования к психологической устойчивости современного человека и ставит новые задачи перед учеными разных направлений. Целью исследования является эмпирическое изучение особенностей субъективного благополучия и смысложизненных ориентаций, а также их взаимосвязей в периоды мягкой и жесткой социальной транзитивности у женщин, по-разному ее оценивающих. В исследовании приняли участие 426 женщин ($N = 426$), проживающих в разных городах России. Сбор данных осуществлялся в три этапа: первый – с мая по июнь 2022 г., второй – с сентября по ноябрь 2022 г., третий – с мая по июнь 2023 г. Установлено, что связи субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями наиболее многочисленны и выражены у тех, кто субъективно оценивает текущую ситуацию как кризисную. Кроме того, выяснилось, что у женщин, не считающих текущую ситуацию субъективно кризисной, субъективное благополучие значимо не менялось при переходе от мягкой транзитивности к жесткой и обратно. Полученные результаты демонстрируют значимость субъективного отношения к происходящим изменениям для поддержания субъективного благополучия, а также доказывают, что осмысленность жизни является важнейшим ресурсом в ситуации глобальных изменений.

Ключевые слова: субъективное благополучие, смысложизненные ориентации, социальная транзитивность

© Орестова В.Р., Золотарева С.Е., 2024

Для цитирования: Орестова В.Р., Золотарева С.Е. Особенности субъективного благополучия и осмысленности жизни у женщин в ситуации социальной транзитивности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 40–63. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-40-63

Features of subjective well-being and meaningfulness of life in women in a situation of social transitivity

Vasilisa R. Orestova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
v.r.orestova@gmail.com*

Svetlana E. Zolotareva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
9111158@gmail.com*

Abstract. The relevance of the study is set by large-scale crisis changes of a global nature, occurring one after another without periods of stability and calm, which places increased demands on the psychological stability of a modern person and poses new challenges to scientists of various fields. The purpose of the study is an empirical research in the features of subjective well-being and meaning-life orientations, as well as their interrelationships during periods of mild and severe social transitivity in women who evaluate it differently. The study involved 426 women (N = 426) living in different cities of Russia. Data collection was carried out in three stages: the first – from May to June 2022, the second – from September to November 2022, the third – from May to June 2023. It is established that the connections of subjective well-being with meaning-life orientations are most numerous and expressed in those who subjectively assess the current situation as a crisis. In addition, it turned out that for women who do not consider the current situation subjectively crisis, subjective well-being did not significantly change during the transition from soft transitivity to hard and vice versa. The obtained results demonstrate the importance of a subjective attitude to the changes taking place in order to maintain subjective well-being, and also prove that the meaningfulness of life is the most important resource in a situation of global change.

Keywords: subjective well-being, meaning-life orientations, social transitivity

For citation: Orestova, V.R. and Zolotareva, S.E. (2024), "Features of subjective well-being and meaningfulness of life in women in a situation of social transitivity", *RSUH/RGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 40–63, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-40-63

Введение

В настоящее время человек сталкивается с широкомасштабными социальными вызовами и существенными трансформациями, приводящими к постоянным изменениям и переходам от одного кризиса к другому без периодов стабильности между ними, создавая особую среду социальной транзитивности. Т.Д. Марцинковская выделила два периода транзитивности: жесткую (кризисную) и мягкую (течущую). Первая представляет собой специфическую шоковую ситуацию, требующую от людей повышенной эмоциональной устойчивости и жизнеспособности. Вторая – это переходный период между кризисами, однако не являющийся стабильностью. [Марцинковская 2020; Марцинковская 2022]. По сути, социальная транзитивность фактически определяет жизненное пространство индивида в наши дни [Полева 2022]. Поддерживая идею, что для современной психологии принципиальным является изучение того, как человек ощущает себя в новой реальности [Гришина, Костромина 2017], мы обращаемся к исследованию того, как связано субъективное благополучие с субъективной оценкой социальной ситуации и ее переживанием. Вопрос об образе Я, выстраивающего «пристрастные» эмоциональные отношения со значимым социальным окружением, оказывается одним из ключевых при анализе восприятия и переживания радикальных социальных изменений [Андреева 2005].

Современные вызовы ставят перед исследователями новые проблемы, связанные в том числе с адаптацией к такого рода тектоническим сдвигам. С точки зрения обыденного сознания представляется очевидным, что есть люди, которые успешно справляются с серьезными жизненными трудностями, субъективно ощущают себя благополучными и в периоды нестабильности, но есть и другие, более подверженные тревогам и дезадаптации при менее масштабных переменах, чем происходящие в настоящее время. Опираясь на цитируемые выше современные психологические исследования транзитивности и неопределенности, мы предположили, что люди, способные осознавать и рационально категоризировать происходящее, находить в нем смысл, действовать и реализовывать свои планы в изменившейся среде в соответствии с адаптированными

к реальности смысложизненными ориентациями, встречаются трудности в большей готовности, успешнее с ними справляются и субъективно ощущают себя более благополучными.

К исследованию проблемы субъективного благополучия существует множество подходов: социально-психологический, когнитивный, целевой, ценностный, личностный, субъектный, ситуативный, гедонистический и прочие. Ее изучением занимались российские и зарубежные исследователи (Н. Бредберн, Э. Динер, В. Франкл, Д.А. Леонтьев, В.Н. Мясищев, А. Маслоу, Г.Л. Пучкова, К. Рифф, К. Роджерс, С.Л. Рубинштейн, Р.М. Шамионов, Д.Н. Узнадзе и другие). Р.М. Шамионов, представитель гедонистического подхода, считал, что субъективное благополучие отражает отношение человека к себе и выделил в нем пять элементов: эмоциональное, экзистенциально-деятельностное, эго, гедонистическое и социально-нормативное благополучие. Кроме того, он обратил внимание на взаимосвязь субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями [Шамионов 2004].

Смысложизненные ориентации обычно рассматривают через категорию смысла жизни, научная дискуссия вокруг которого началась еще с идеи З. Фрейда о том, что ведущую роль в жизни человека играют иррациональные бессознательные влечения, которые он стремится воплотить в жизнь. Для психоаналитического направления понятие смысла жизни не являлось центральным и использовалось только там и тогда, когда помогало раскрывать ключевые концепции. Понятие смысла стало ключевой идеей в гуманистическом подходе. А. Маслоу считал, что смысл жизни заключается в самоактуализации человека [Маслоу 1999]. К. Роджерс писал о важности постоянного развития личности, реализации ее потенциала [Хьелл, Зиглер 2003]. В. Франкл акцентировал внимание на том, что смысл жизни – это заложенная в человеке потребность, ориентированная на усвоение общечеловеческих ценностей, что она основана на духовности, из которой и рождается внутренняя свобода, обретается личностный смысл, позволяющий легче преодолевать трудности. Стремление найти смысл жизни – это главный стимулятор личностного развития [Франкл 1990].

В отечественной психологии феномен смысла разрабатывался в рамках деятельностного подхода и неразрывно связан в том числе с концепциями Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Божович. Л.С. Выготский заложил основы современного представления о смысле как о единстве эмоциональных и интеллектуальных процессов [Выготский 1984]. А.Н. Леонтьев является автором одной из самых известных концепций личностных смыслов в отечественной психологии. Личностный смысл, по

А.Н. Леонтьеву – это отношение мотива деятельности к ее цели. Если индивидуальные жизненные цели принимаются другими и приносят благо в том числе и им, то человек чувствует, что живет не зря, таким образом появляется смысл и счастье жизни [Леонтьев 1981]. Концепцию смысла наиболее детально развил Д.А. Леонтьев. Кроме того, он ввел понятие «смысловые ориентации», которые представляют собой характерные для человека цели и ценности, определяющие его существование. Также он систематизировал представление о смысложизненных ориентациях [Леонтьев 2007]. К.А. Абульханова-Славская связывает смысл жизни с единой жизненной линией, выстраиваемой человеком и придающей жизни личностно детерминированный, активный характер. Способность организовывать собственную жизнь активизирует внутренние ресурсы и развивает внутренний локус контроля [Абульханова-Славская 1991]. К. Обуховский считал, что наличие цели в жизни и ее реализация в рамках определенной жизненной направленности позволяет человеку лучше справляться как с кризисами, так и с возрастными задачами [Обуховский 1981]. Со временем понятие жизненной направленности в работах отечественных ученых трансформировалось в термин «смысложизненные ориентации». По мнению О.К. Агавелян и Я.А. Бахарева, смысложизненные ориентации – «это психические образования, которые представляют собой направленность личности на постижение смысла жизни» [Бахарева 2020, с. 36]. С.М. Жучкова пишет, что жизненные смыслы в психической структуре имеют свою иерархию. Они делятся на большие и малые, регулируют деятельность человека во внешней среде и закрепляются через жизненный опыт в ходе становления и развития [Жучкова 2011].

В психологии можно считать общепризнанной исследовательскую установку, согласно которой исследование субъективного благополучия и смыслообразования требует обязательного учета контекстуальных и ситуационных факторов, как полагает, в частности, Н.В. Гришина. По ее мнению, изменения, происходящие в настоящее время во взаимодействии человека с внешней средой, уже не вписываются в «пределы “заданности” психологическими и ситуационными характеристиками» и требуют поиска новых методов [Гришина 2011, с. 56]. Она также говорит о том, что в жизненный сценарий, выбираемый человеком, входят модели адаптации, самоактуализации и самотрансценденция. Они же одновременно являются и стадиями развития: сначала осваиваются приспособительные стратегии, на их основе человек самоактуализируется, и это, в свою очередь, становится площадкой для актуализации самотрансценденции – то есть способности

человека выходить за пределы самого себя [Гришина 2011]. Таким образом, в исследовательском плане объединяются три ракурса изучения субъективного благополучия и осмысленности жизни, а именно: 1) социальный, 2) индивидуально-психологический и 3) экзистенциальный. Такой теоретический подход к заявленной проблеме позволяет перейти к дизайну и реализации эмпирического исследования.

Цель исследования

Целью исследования является изучение особенностей субъективного благополучия и осмысленности жизни у женщин, а также их взаимосвязей в периоды мягкой и жесткой социальной транзитивности.

Гипотезы исследования

1. Существует специфика в переживании субъективного благополучия и осмысленности жизни в зависимости от типа социальной транзитивности и переживания ситуации. В периоды мягкой транзитивности уровень субъективного благополучия будет выше, чем в периоды жесткой транзитивности; в периоды жесткой транзитивности осмысленность жизни будет выше, чем в периоды мягкой транзитивности.

2. Связь субъективного благополучия с осмысленностью жизни имеет особенности и обусловлена как типом социальной транзитивности, так и оценкой текущей ситуации респондентом.

Методы

Для достижения поставленных целей были использованы нижеперечисленные методики:

- 1) авторская анкета, включающая вопрос: «Ощущаете ли вы нынешнюю ситуацию как кризисную?»;
- 2) методика диагностики субъективного благополучия личности [Шамионов, Бескова 2018];
- 3) тест смысложизненных ориентаций (СЖО) [Леонтьев 2000].

Математико-статистическая обработка полученных данных была проведена в программе IBM SPSS Statistics 26.0, что позволило провести количественный и качественный анализ, интерпретировать результаты и сформулировать в обобщенном виде соответствующие выводы. Поскольку большинство данных не соответствовало критериям нормальности распределения, для анализа были использованы критерий Манна–Уитни и коэффициент корреляции r -Спирмена (Spearman). Кроме того, к данным корреляционного анализа была применена поправка Бонферрони.

Исследование проводилось в три этапа. Первый состоялся в мае–июне 2022 г. (266 респондентов, мягкая транзитивность), второй – в сентябре–ноябре 2022 г. (91 респондент, жесткая транзитивность), третий – в мае–июне 2023 г. (69 респондентов, мягкая транзитивность).

Описание выборки

В исследовании приняли участие 426 женщин, проживающих в России, не менявших свое место жительства с начала СВО. При заполнении авторской анкеты респонденты указывали свои социально-демографические данные, в том числе возраст, образование, семейное положение, наличие или отсутствие детей и работы. Подавляющее большинство респондентов имеет высшее образование и на момент проведения исследования работали. Практически половина респондентов проживает в браке и имеет несовершеннолетних детей. Около 37% в среднем не замужем, меньшая часть (14%) сожительствует с партнером. На первом и третьем этапах исследования преобладали респонденты возрастной группы от 36 до 55 лет, а на втором этапе в возрастных группах был примерно одинаковый процент участвовавших с небольшим перевесом в возрастную группу от 21 до 35 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

Социально-демографические данные респондентов

Критерий		Этапы исследования					
		1	1, %	2	2, %	3	3, %
Интервал возраста	21–35	97	36	49	54	20	29
	36–55	169	64	42	46	49	71
Образование	высшее	229	86	82	90	66	96
	среднее	37	14	9	10	3	4
Семейное положение	замужем	136	51	48	53	29	42
	не замужем	102	38	28	31	29	42
	сожительство	28	11	15	16	11	16
Несовершенно- летние дети	есть	144	54	44	48	30	43
	нет	122	46	47	52	39	57
Наличие работы на момент исследования	есть	211	79	73	80	61	88
	нет	55	21	18	20	8	12

Ранее авторами проводилось исследование связи личностных ресурсов с субъективным благополучием в разных возрастных группах, однако наиболее интересные результаты были получены при изучении этих показателей через призму отношения к разным видам текущей ситуации социальной транзитивности [Золотарева 2023].

Для выявления и анализа специфики, связанной с переживанием текущей ситуации социальной транзитивности (далее – ТС) респонденты при помощи вопроса авторской анкеты были разделены на три большие группы. К первой были отнесены респонденты, на каждом этапе исследования оценивавшие ТС как кризисную (группа 1), ко второй – кто не смог определиться (группа 2), к третьей – респонденты, которые на каждом этапе не считали ТС кризисной (группа 3).

Группа 1, в свою очередь, была разделена на три подгруппы. В первую подгруппу «Да1» вошли респонденты, оценивающие ТС как кризисную на первом этапе ($N = 147$); во вторую «Да2» – оценившие ТС как кризисную на втором этапе ($N = 57$); в третью «Да3» – те, кто оценил ТС как кризисную на третьем этапе ($N = 33$).

Группа 2 также была разделена на три подгруппы. В первую группу «НеЗн1» вошли респонденты, которые не смогли определиться на первом этапе ($N = 58$); во вторую «НеЗн2» – на втором этапе ($N = 12$); в третью «НеЗн3» – на третьем этапе ($N = 14$).

Кроме того, и группа 3 была разбита на три подгруппы. В первую группу «Нет1» вошли респонденты, которые не считали ТС кризисной на первом этапе ($N = 61$); во вторую «Нет2» – на втором ($N = 22$); в третью «Нет3» – на третьем ($N = 22$).

Результаты исследования

У респондентов, на всем протяжении исследования оценивавших ТС как кризисную, значимых различий в части субъективного благополучия выявлено не было, в отличие от смысловых ориентаций, анализ которых показал их наличие по большинству шкал использованной методики ($p < 0,05$) (см. табл. 2):

- 1) между группами Да1 и Да3 – по всем шкалам, а именно «цели в жизни» ($m = 29,25/35,18$); «процесс» ($m = 26,73/31,58$); «результат» ($m = 24,22/27,12$); «локус контроля – Я» ($m = 18,48/21,73$); «локус контроля – жизнь» ($m = 27,59/32,12$); «общий ОЖ» ($m = 125,97/147,73$);
- 2) между группами Да2 и Да3 – шкалам «цели в жизни» ($m = 29,25/35,18$); «процесс» ($m = 26,73/31,58$); «результат» ($m = 24,22/27,12$); «локус контроля – Я» ($m = 19,53/21,73$); «общий ОЖ» ($m = 130,46/147,73$);

- 3) значимые различия не были выявлены между группами Да2 и Да3 по шкале «локус контроля – жизнь» и между группами Да1 и Да2.

Таблица 2

Значимые различия в смысложизненных ориентациях у респондентов каждого из трех этапов в отдельности, оценивающих ТС как кризисную

Шкалы	Средние			p-value	
	Да1*	Да2*	Да3*	Да1/Да3	Да2/Да3
Цели в жизни	29,25	29,65	35,18	0,00038	0,00195
Процесс*	26,73	27,11	31,58	0,00357	0,01246
Результат*	24,22	24,56	27,12	0,03287	0,04699
Локус контроля – Я*	18,48	19,53	21,73	0,00118	0,03292
Локус контроля – жизнь*	27,29	29,61	32,12	0,00201	
Общий ОЖ*	125,97	130,46	147,73	0,00090	0,01052

Примечания: *Процесс – процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; Результат – результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; Локус контроля – Я – я – хозяин жизни; Локус контроля – жизнь – управляемость жизни; Общий ОЖ – общий показатель осмысленности жизни; Да1 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как кризисную на первом этапе; Да2 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как кризисную на втором этапе; Да3 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как кризисную на третьем этапе.

Результаты исследования значимых различий у респондентов трех этапов, которые не смогли оценить ТС ни как кризисную, ни как некризисную, значимые различия были выявлены и в некоторых видах субъективного благополучия, и в смысложизненных ориентациях ($p < 0,05$).

В части видов субъективного благополучия значимые различия были выявлены (см. табл. 3):

- 1) между группами НеЗн1 и НеЗн2 по шкале «гедонистическое благополучие» ($m = 3,18/2,75$);

- 2) между группами HeЗн1 и HeЗн3, HeЗн2 и HeЗн3 по шкале «экзистенциально-деятельностное благополучие» ($m = 3,16/3,49$; $m = 3,06/3,49$);
- 3) значимые различия не были выявлены по шкалам «эмоциональное благополучие», «эго благополучие» и «социально-нормативное благополучие»; по шкале «экзистенциально-деятельностное благополучие» между группами HeЗн1 и HeЗн2; по шкале «гедонистическое благополучие» между группами HeЗн1 и HeЗн3, HeЗн2 и HeЗн3.

Таблица 3

Значимые различия в видах субъективного благополучия у респондентов каждого из трех этапов в отдельности, которые не смогли оценить ТС ни как кризисную, ни как некризисную

Шкалы	Средние			p-value		
	HeЗн1*	HeЗн2*	HeЗн3*	HeЗн1/ HeЗн2	HeЗн1/ HeЗн3	HeЗн2/ HeЗн3
Экзистенциально-деятельностное благополучие	3,16	3,06	3,49		0,02100	0,00455
Гедонистическое благополучие	3,18	2,75	3,29	0,04684		

Примечания: *HeЗн1 – группа респондентов, которые не смогли определиться на первом этапе; HeЗн2 – группа респондентов, которые не смогли определиться на втором этапе; HeЗн3 – группа респондентов, которые не смогли определиться на третьем этапе.

Значимые различия в смысложизненных ориентациях у этой группы респондентов были получены ($p < 0,05$) (см. табл. 4):

- 1) между группами HeЗн1 и HeЗн3 по всем шкалам методики, за исключением «локус контроля – жизнь», а именно: «цели в жизни» ($m = 27,88/31,93$); «процесс» ($m = 24,86/28,57$); «результат» ($m = 22,79/25,86$); «локус контроля – Я» ($m = 17,66/20,71$); «общий ОЖ» ($m = 119,83/137,50$);
- 2) между группами HeЗн2 и HeЗн3 по всем шкалам методики, а именно: «цели в жизни» ($m = 28,17/31,93$); «процесс»

- ($m = 25,00/28,57$); «результат» ($m = 24,00/25,86$); «локус контроля – Я» ($m = 18,17/20,71$); «локус контроля – жизнь» ($m = 26,67/30,43$); «общий ОЖ» ($m = 122,00/137,50$);
 3) значимых различий между группами HeЗн1 и HeЗн2 выявлено не было.

Таблица 4

Значимые различия в смысложизненных ориентациях у респондентов каждого из трех этапов в отдельности, не могущих оценить текущую ситуацию социальной транзитивности как кризисную или как некризисную

Шкалы	Средние			p-value	
	HeЗн1*	HeЗн2*	HeЗн3*	HeЗн1/HeЗн3	HeЗн2/HeЗн3
Цели в жизни	27,88	28,17	31,93	0,00534	0,00038
Процесс*	24,86	25,00	28,57	0,00357	0,02237
Результат*	22,79	24,00	25,86	0,03287	0,02201
Локус контроля – Я*	17,66	18,17	20,71	0,00118	0,02845
Локус контроля – жизнь*	26,64	28,67	30,43	0,00201	
Общий ОЖ*	119,83	122,00	137,50	0,00090	0,01154

Примечание: *Процесс – процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; Результат – результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; Локус контроля – Я – я – хозяин жизни; Локус контроля – жизнь – управляемость жизни; Общий ОЖ – общий показатель осмысленности жизни; HeЗн1 – группа респондентов, которые не смогли определиться на первом этапе; HeЗн2 – группа респондентов, которые не смогли определиться на втором этапе; HeЗн3 – группа респондентов, которые не смогли определиться на третьем этапе.

У респондентов трех этапов, оценивавших ТС как некризисную на протяжении всего исследования, значимых различий выявлено не было.

Корреляционный анализ

Корреляционный анализ группы респондентов, оценивающих ТС как кризисную на протяжении всего исследования, позволил выявить многочисленные значимые положительные связи между видами субъективного благополучия и составляющими смысло-жизненных ориентаций (см. табл. 5 и 6).

Так, эмоциональное благополучие во всех группах связано со шкалами «процесс» ($r = 0,72$; $r = 0,55$; $r = 0,72$), «результат» ($r = 0,73$; $r = 0,64$; $r = 0,81$), «локус контроля – жизнь» ($r = 0,61$; $r = 0,51$; $r = 0,64$), «общий ОЖ» ($r = 0,70$; $r = 0,62$; $r = 0,74$); в группах Да1 и Да2 – со шкалами «цели в жизни» ($r = 0,55$; $r = 0,56$) и «локус контроля – Я» ($r = 0,60$; $r = 0,59$).

Экзистенциально-деятельностное благополучие во всех группах связано со шкалами «процесс» ($r = 0,67$; $r = 0,72$; $r = 0,69$), «результат» ($r = 0,63$; $r = 0,73$; $r = 0,71$), «локус контроля – Я» ($r = 0,61$; $r = 0,72$; $r = 0,66$), «общий ОЖ» ($r = 0,69$; $r = 0,78$; $r = 0,74$); в группах Да1 и Да 2 – со шкалой «локус контроля – жизнь» ($r = 0,57$; $r = 0,66$).

Эго благополучие во всех трех группах связано со шкалами «процесс» ($r = 0,62$; $r = 0,61$; $r = 0,71$), «результат» ($r = 0,62$; $r = 0,60$; $r = 0,67$), «локус контроля – Я» ($r = 0,57$; $r = 0,53$; $r = 0,60$), «общий ОЖ» ($r = 0,63$; $r = 0,62$; $r = 0,73$); в группах Да1 и Да2 – со шкалой «локус контроля – жизнь» ($r = 0,55$; $r = 0,51$).

Гедонистическое благополучие в группах Да1 и Да2 связано со шкалами «результат» ($r = 0,52$; $r = 0,48$), «локус контроля – жизнь» ($r = 0,43$; $r = 0,58$); «общий ОЖ» ($r = 0,47$; $r = 0,55$); в группе Да1 – со шкалой «процесс» ($r = 0,44$); в группе Да2 – со шкалой «цели» ($r = 0,47$).

Социально-нормативное благополучие во всех трех группах связано со шкалой «результат» ($r = 0,51$; $r = 0,51$; $r = 0,66$); в группах Да1 и Да2 – со шкалами «цели в жизни» ($r = 0,45$; $r = 0,47$), «локус контроля – Я» ($r = 0,43$; $r = 0,50$), «общий ОЖ» ($r = 0,48$; $r = 0,51$); в группе Да1 – со шкалой «локус контроля – жизнь» ($r = 0,41$); в группе Да2 – со шкалой «процесс» ($r = 0,50$).

Значимые корреляции не были выявлены между эмоциональным благополучием и шкалами «цели», «локус контроля – Я» в группе Да3. Между экзистенциально-деятельностным, эго благополучием и шкалами «цели», «локус контроля – жизнь» в группе Да3. Между гедонистическим благополучием и шкалами «цели и локус контроля» в группе Да1; шкалой «процесс» в группе Да2; со смысложизненными ориентациями в группе Да3. Между социально-нормативным благополучием и шкалой «процесс» в группе

Да1; шкалой «локус контроля – жизнь» в группе Да2; шкалами со шкалами «цели в жизни», «процесс», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь», «общий ОЖ» в группе Да3.

Таблица 5

Корреляции видов субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями у респондентов первого этапа, оценивающих ТС как кризисную (группа Да1*)

Шкалы	ЭмБ*	ЭкзДБ*	ЭгоБ*	ГедБ*	СНБ*
Цели	0,55	0,64	0,54		0,45
Процесс*	0,72	0,67	0,62	0,44	
Результат*	0,73	0,63	0,62	0,52	0,51
Локус контроля – Я*	0,60	0,61	0,57		0,43
Локус контроля – жизнь*	0,61	0,57	0,55	0,43	0,41
Общий ОЖ*	0,70	0,69	0,63	0,47	0,48

Примечание: *Да1 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как кризисную на первом этапе; Процесс – процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; Результат – результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; Локус контроля – Я – я – хозяин жизни; Локус контроля – жизнь – управляемость жизни; Общий ОЖ – общий показатель осмысленности жизни; ЭмБ – эмоциональное благополучие; ЭкзДБ – экзистенциально-деятельностное благополучие; ЭгоБ – эго благополучие; ГедБ – гедонистическое благополучие; СНБ – социально-нормативное благополучие.

Корреляционный анализ результатов группы респондентов, которые не смогли оценить ТС ни как кризисную, ни как некризисную, выявил значимые положительные связи только в группе НеЗн1 (см. табл. 7).

Так, эмоциональное благополучие связано со шкалами «процесс» ($r = 0,54$), «результат» ($r = 0,63$), «локус контроля – жизнь» ($r = 0,62$), «общий ОЖ» ($r = 0,56$).

Экзистенциально-деятельностное и эго благополучие связаны со всеми структурными компонентами смысложизненных ориентаций.

Социально-нормативное благополучие связано со шкалами «результат» ($r = 0,49$) и «локус контроля – жизнь» ($r = 0,50$).

Таблица 6

Корреляции видов субъективного благополучия со смысловыми ориентациями у респондентов второго и третьего этапов, оценивающих ТС как кризисную

Шкалы	Да2*				Да3*				
	ЭмБ*	ЭкзДБ*	ЭгоБ*	ГедБ*	СНБ*	ЭмБ*	ЭкзДБ*	ЭгоБ*	СНБ*
Цели	0,56	0,68	0,51	0,47	0,47				
Процесс*	0,55	0,72	0,61		0,50	0,72	0,69	0,71	
Результат*	0,64	0,73	0,60	0,48	0,51	0,81	0,71	0,67	0,66
Локус контроля – Я*	0,59	0,72	0,53	0,51	0,50		0,66	0,60	
Локус контроля – жизнь*	0,51	0,66	0,51	0,58		0,64			
Общий ОЖ*	0,62	0,78	0,62	0,55	0,51	0,74	0,74	0,73	

Примечание: *Процесс – процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; Результат – результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; Локус контроля – Я – я – хозяин жизни; Локус контроля – жизнь – управляемость жизни; Общий ОЖ – общий показатель осмысленности жизни; ЭмБ – эмоциональное благополучие; ЭкзДБ – экзистенциально-деятельностное благополучие; ЭгоБ – это благополучие; ГедБ – гедонистическое благополучие; СНБ – социально-нормативное благополучие; Да2 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как кризисную на втором этапе; Да3 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как кризисную на третьем этапе.

В группе НеЗн1 значимых корреляций не обнаружено между эмоциональным благополучием и шкалами «цели», «локус контроля – Я»; между гедонистическим благополучием и смысложизненными ориентациями; между социально-нормативным благополучием и шкалами «цели», «процесс», «локус контроля – Я», «общий ОЖ».

Таблица 7

Корреляции видов субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями у респондентов первого этапа, которые не смогли оценить ТС ни как кризисную, ни как некризисную (НеЗн1*)

Шкалы	ЭмБ*	ЭкзДБ*	ЭгоБ*	СНБ*
Цели		0,58	0,58	
Процесс*	0,54	0,65	0,59	
Результат*	0,63	0,67	0,65	0,49
Локус контроля – Я*		0,66	0,57	
Локус контроля – жизнь*	0,62	0,64	0,66	0,50
Общий ОЖ*	0,56	0,70	0,66	

Примечание: *НеЗн1 – группа респондентов, которые не смогли определиться на первом этапе; Процесс – процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; Результат – результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; Локус контроля – Я – я – хозяин жизни; Локус контроля – жизнь – управляемость жизни; Общий ОЖ – общий показатель осмысленности жизни; ЭмБ – эмоциональное благополучие; ЭкзДБ – экзистенциально-деятельностное благополучие; ЭгоБ – эго благополучие; ГедБ – гедонистическое благополучие; СНБ – социально-нормативное благополучие.

Корреляционный анализ группы респондентов, оценивавших ТС на протяжении всего исследования как некризисную, также показал наличие значимых положительных связей между субъективным благополучием и смысложизненными ориентациями (см. табл. 8).

Эмоциональное благополучие положительно связано со шкалами «процесс» ($r = 0,54$; $r = 0,72$), «общий ОЖ» ($r = 0,61$; $r = 0,74$) в группах Нет1 и Нет2; со шкалами «цели в жизни» ($r = 0,48$), «ре-

зультат» ($r = 0,63$), «локус контроля – Я» ($r = 0,49$), «локус контроля – жизнь» ($r = 0,58$) – в группе Нет1.

Экзистенциально-деятельностное благополучие связано со шкалой «общий ОЖ» ($r = 0,69$; $r = 0,77$; $r = 0,72$) во всех трех группах; со шкалами «процесс» ($r = 0,57$; $r = 0,71$), «результат» ($r = 0,64$; $r = 0,91$) в группах Нет1 и Нет2; со шкалами «локус контроля – Я» ($r = 0,62$), «локус контроля – жизнь» ($r = 0,50$) – в группе Нет1.

Эго благополучие связано со шкалами «процесс» ($r = 0,54$; $r = 0,74$), «результат» ($r = 0,61$; $r = 0,78$), «локус контроля – Я» ($r = 0,51$; $r = 0,75$), «локус контроля – жизнь» ($r = 0,57$; $r = 0,78$), «общий ОЖ» ($r = 0,61$; $r = 0,85$) в группах Нет1 и Нет2; со шкалой «цели» ($r = 0,49$) – в группе Нет1.

Социально-нормативное благополучие связано со шкалами «общий ОЖ» ($r = 0,50$; $r = 0,75$) в группах Нет1 и Нет2; со шкалой «результат» ($r = 0,60$).

Значимые корреляции не выявлены между эмоциональным благополучием и шкалами «цели в жизни», «результат», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь» в группе Нет2; смысложизненными ориентациями в группе Нет3. Между экзистенциально-деятельностным благополучием и шкалами «цели в жизни», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь» в группе Нет2; смысложизненными ориентациями в группе Нет3. Между эго благополучием и шкалой «цели» в группе Нет2; смысложизненными ориентациями в группе Нет3. Между гедонистическим благополучием и смысложизненными ориентациями во всех трех группах. Между социально-нормативным благополучием и шкалами «цели в жизни», «процесс», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь» в группе Нет1; со шкалами «цели в жизни», «процесс», «результат», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь» в группе Нет2; смысложизненными ориентациями в группе Нет3.

Корреляции видов субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями у респондентов трех этапов, оценивающих ТС как некризисную

Шкалы	Нет1*			Нет2*			Нет3*	
	ЭмБ*	ЭкзДБ*	ЭгоБ*	СНБ*	ЭмБ*	ЭкзДБ*		ЭгоБ*
Цели	0,48	0,65	0,49					
Процесс*	0,54	0,57	0,54		0,72	0,71	0,74	
Результат*	0,63	0,64	0,61	0,60		0,91	0,78	
Локус контроля – Я*	0,49	0,62	0,51				0,75	
Локус контроля – жизнь*	0,58	0,50	0,57				0,78	
Общий ОЖ*	0,61	0,69	0,61	0,50	0,74	0,77	0,85	0,75
								0,72

Примечание: *Процесс – процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; Результат – результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; Локус контроля – Я – я – хозяин жизни; Локус контроля – жизнь – управляемость жизни; Общий ОЖ – общий показатель осмысленности жизни; ЭмБ – эмоциональное благополучие; ЭкзДБ – экзистенциально-деятельностное благополучие; ЭгоБ – это благополучие; ГедБ – гедонистическое благополучие; СНБ – социально-нормативное благополучие; Нет1 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как некризисную на первом этапе; Нет2 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как некризисную на втором этапе; Нет3 – группа респондентов, оценивших текущую ситуацию транзитивности как некризисную на третьем этапе.

Обсуждение результатов

Исследование показало, что субъективное благополучие женщин, оценивавших ТС как кризисную на протяжении всего исследования, значимо не менялось. Также не менялось и субъективное благополучие женщин, оценивших ТС как некризисную. Субъективное благополучие женщин, которые не смогли оценить ТС ни как кризисную, ни как некризисную, менялось только в части экзистенциально-деятельностного и гедонистического благополучия, показатели которых к концу исследования выросли, однако, продемонстрировав некоторую специфику. Так, гедонистическое благополучие при переходе от мягкой транзитивности к жесткой снизилось, но вернулось практически на первоначальный уровень к концу исследования в периоде мягкой транзитивности. Можно сказать, что, когда острая фаза кризиса прошла, эта группа женщин в среднем снова стала получать больше удовольствия от жизни. Переход к жесткой транзитивности на экзистенциально-деятельностном благополучии этих женщин не сказался, а когда острая фаза миновала, они стали ощущать себя в этой части еще более благополучными, чем в начале исследования. В целом их благополучие также, как и у предыдущих групп, оставалось в пределах средних значений (3,3–3,38 баллов из 5 возможных).

Важным представляется тот факт, что в двух группах женщин, оценивших ТС как кризисную и неопределившихся, осмысленность жизни выше на третьем этапе исследования, то есть когда ситуация транзитивности длится максимально (в рамках нашего исследования) долго. Интересно, что при переходе от мягкой транзитивности к жесткой уровень всех структурных компонентов смысложизненных ориентаций практически не вырос, тогда как показатели на третьем этапе выше первых двух, за исключением веры в управляемость жизни, которая, однако, все же значимо выше по сравнению с первым периодом мягкой транзитивности. В целом можно сказать, что женщины этих групп именно на третьем этапе стали полнее ощущать осмысленность жизни, а процесс жизни стал более эмоционально насыщенным и наполненным смыслом. Они смогли больше опираться на прошлое, которое также стало придавать смысл их жизни, стали чаще действовать в соответствии со своими планами. Они чаще стали убеждаться в том, что могут контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и реализовывать их. Интересно, что уровень осмысленности жизни женщин, не считающих текущую ситуацию кризисной, не изменились на протяжении всего исследования. Первая гипотеза подтвердилась частично. Мы можем предположить, что на переживание

эмоционального благополучия и осмысленности жизни влияют не только (а возможно, и не столько) типы транзитивности, но и продолжительность периода неопределенности и изменений. Но в любом случае субъективное отношение к ситуации вносит весомый вклад.

В процессе исследования подтвердилась идея о том, что субъективное благополучие связано с осмысленностью жизни и имеет специфику в зависимости от отношения респондентов к происходящему и вида ТС. Так, наибольшее количество положительных связей было выявлено в начале исследования в период мягкой транзитивности у всех респондентов. Потом, в период жесткой транзитивности, связи продемонстрировали разнонаправленную динамику: появлялись, исчезали, усиливались, ослабевали, но в целом прослеживалась тенденция к ослабеванию связей субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями к концу исследования. Наибольшее количество положительных связей было выявлено у женщин, оценивших ситуацию как кризисную. Эта связь хоть и слабее на третьем этапе исследования, но все же остается намного более многогранной, чем у не считавших ТС кризисной, у которых в итоге осталась лишь связь экзистенциально-деятельностного благополучия с общей осмысленностью жизни. Это может говорить о том, что стремление к смыслу и его нахождение актуализируется в кризисных ситуациях и является мощной опорой в подобного рода периодах нестабильности. Однако осмысленность жизни становится ресурсом для поддержания субъективного благополучия для тех, кто смог субъективно определить для себя суть происходящего. Следует акцентировать внимание на том, что связь субъективного благополучия с некоторыми аспектами смысложизненных ориентаций у женщин, которые не смогли определиться, присутствовала только на первом этапе исследования, после вовсе исчезла. Наибольшее количество положительных связей смысложизненных ориентаций с эмоциональным, экзистенциально-деятельностным и эго благополучием было выявлено на первом этапе исследования в период мягкой транзитивности во всех трех группах, что может говорить о важности осмысленности жизни для стабилизации внутреннего мира в ТС. Таким образом, вторая гипотеза также подтвердилась частично.

В целом наши результаты показывают, что ощущение осмысленности и продуктивности жизни, восприятие процесса жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом, представлению о себе как о человеке, способном строить свою жизнь в соответствии со своими представлениями, выборами и ценностями, тесно связано с субъективным благопо-

лучием в ситуации, которую сам человек ощущает как кризисную. Причем по мере развития ситуации количество этих связей хоть и уменьшается, но они не исчезают. Особенно это интересно, учитывая, что другие результаты нашего исследования показывают практически полное исчезновение на третьем этапе связей субъективного благополучия с копинг-стратегиями и психологическими защитами [Орестова, Золотарева 2023]. Таким образом, именно осмысленность жизни можно считать важнейшим ресурсом в ситуациях как социального, так и личного кризисов.

Выводы

В статье была рассмотрена специфика субъективного благополучия и смысложизненных ориентаций у трех групп женщин, по-разному относящихся к текущей ситуации социальной транзитивности при смене ее видов: с мягкой на жесткую и обратно.

Было выявлено, что:

- субъективное благополучие в выделенных группах практически не было подвержено изменениям, за некоторым исключением: экзистенциально-деятельностное благополучие женщин, которые не смогли определиться, на третьем этапе выше, чем на первом и втором, а гедонистическое благополучие на втором этапе, в период жесткой транзитивности, ниже, чем в первый период мягкой транзитивности;
- осмысленность жизни у женщин, оценивающих ситуацию как кризисную и у не определившихся в оценке ситуации, выше на третьем этапе исследования по сравнению с первым и вторым;
- связи субъективного благополучия со смысложизненными ориентациями наиболее многочисленны и выражены у тех, кто считает текущую ситуацию социальной транзитивности кризисной. На протяжении исследования эти связи показывали разнонаправленные тенденции: появлялись, исчезали, становились сильнее или слабее. Несмотря на то что количество связей на третьем этапе уменьшилось, практически все оставшиеся стали сильнее, за исключением связи эмоционального благополучия с интересом к жизни и ее эмоциональной насыщенностью – они, показав ослабление в период жесткой транзитивности, в итоге вернулись к своему первоначальному значению.

В заключение хотелось бы отметить, что резкое уменьшение связей субъективного благополучия со смысложизненными ори-

ентациями у женщин, не считающих текущую ситуацию социальной транзитивности кризисной, на этапе жесткой транзитивности и практически ее полное исчезновение на последующем периоде мягкой транзитивности, а также полное ее исчезновение у женщин, которые не смогли определиться после первого периода мягкой транзитивности, требует дополнительного изучения. Кроме того, дополнительного изучения требуют выявленные факты отсутствия роста осмысленности жизни при переходе от мягкой транзитивности к жесткой и, наоборот, ее рост при переходе от жесткой транзитивности к мягкой. Возможно, это связано с тем, что масштабные острые кризисные ситуации требуют иных механизмов адаптации, где осмысленность и ее составляющие не являются ведущими.

Следует также отметить в качестве ограничения нашего исследования небольшое число женщин в группах тех, кто не определился в своем отношении к ситуации, и тех, кто считает ситуацию не кризисной, на втором и третьем этапе исследования.

Литература

- Абульханова-Славская 1991 – *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 160 с.
- Андреева 2005 – *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 301 с.
- Бахарева 2020 – *Бахарева Я.А.* Формирование смысложизненных ориентаций у лиц с нарушенным слухом // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 2. С. 34–39.
- Выготский 1984 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1984. С. 5–361.
- Гришина, Костромина 2017 – *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 1.
- Гришина 2011 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальная психология: поиск смысла и самотрансценденция // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2011. № 2. С. 56–64.
- Жучкова 2011 – *Жучкова С.М.* Смысложизненные ориентации как субъективные составляющие феномена смысла жизни // Личность, семья и общество: Вопросы педагогики и психологии: Сб. ст. по матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. Часть III. Новосибирск: СибАК, 2011. С. 146–150.
- Золотарева 2023 – *Золотарева С.Е.* Особенности субъективного благополучия женщин в ситуации социальной транзитивности: возрастной аспект // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2023. № 4. С. 71–87.

- Леонтьев 1981 – *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики: Монография. 4-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 1981. 584 с.
- Леонтьев 2000 – *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
- Леонтьев 2007 – *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 510 с.
- Марцинковская 2020 – *Марцинковская Т.Д.* Личностные границы пространства и времени в ситуации депривации по COVID-19 // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 4. С. 104–114.
- Марцинковская 2022 – *Марцинковская Т.Д.* Динамика психологического благополучия в ситуации транзитивности и пандемии // Новые психологические исследования. 2022. Т. 2. № 2. С. 88–102.
- Маслоу 1999 – *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
- Обуховский 1981 – *Обуховский К.* Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 45–67.
- Орестова, Золотарева 2023 – *Орестова В.Р., Золотарева С.Е.* Особенности субъективного благополучия и стратегий совладания у женщин в периоды мягкой и жесткой социальной транзитивности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 4. С. 523–536.
- Полева 2022 – *Полева Н.С.* Психология транзитивности: виды пространства и психологический хронотоп // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 14–29.
- Шамионов 2004 – *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 179 с.
- Шамионов, Бескова 2018 – *Шамионов Р.М., Бескова Т.В.* Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 8.
- Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
- Хьелл, Зилгер 2003 – *Хьелл Л., Зилгер Д.* Теория личности. СПб.: Питер, 2003. 420 с.

References

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1991), *Strategiya zhizni* [Life strategy], Mysl', Moscow, Russia.
- Andreeva, G.M. (2005), *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Bakhareva, Ya.A. (2020), "The formation of life-meaningful orientations in people with hearing loss", *Modern Science: actual problems of theory and practice, a Series of "Cognition"* no. 2, pp. 34–39.
- Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning], Progress, Moscow, Russia.

- Grishina, N.V. (2011), “Existential psychology: search for meaning and self-transcendence”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, no. 2, pp. 56–64.
- Grishina, N.V. and Kostromina, S.N. (2017), “ Personality psychology: rethinking traditional approaches in context challenges of modern reality”, *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 10, no. 52, p. 1.
- Hjelle, L. and Ziegler, D. (2003), *Teoriya lichnosti* [Theory of personality], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Leontiev, A.N. (1981), *Problemy razvitiya psikhiki: monografiya* [Issues of mental development. Monograph], 4th edr., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Leontiev, D.A. (2000), *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Test of meaning – life orientations (SZhO)], 2nd edn., Smysl, Moscow, Russia.
- Leontiev, D.A. (2007), *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning. Nature, structure and dynamics of semantic reality], 3rd edn., Smysl, Moscow, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D. (2020), “Personal boundaries of space and time in pandemic situation on Covid-19”, *Voprosy psikhologii*, vol. 66, no. 4, pp. 104–114.
- Martsinkovskaya, T.D. (2022), “Dynamics of psychological well-being in the situation of transitivity and pandemic”, *New Psychological Research*, vol. 2, no. 2, pp. 88–102.
- Maslow, A.G. (1999), *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality], Evraziya, St. Petersburg, Russia.
- Obukhovskii, K. (1981), “Psychological theory of personality structure and development”, in Anziferova, L.I. (ed.), *Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti* [Psychology of personality formation and development. Collection of scientific works.], Nauka, Moscow, Russia, pp. 45–69.
- Orestova, V.R. and Zolotareva, S.E. (2023), “Features of subjective well-being and coping strategies in women during periods of soft and hard social transitivity”, *Vestnik of Saint Petersburg University*, vol. 13, no. 4, pp. 523–536.
- Poleva, N.S. (2022), “Psychology of transitivity: types of space and psychological chronotope”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 14–29.
- Shamionov, R.M. (2004), *Psikhologiya sub'ektivnogo blagopoluchiya* [Psychology of subjective well-being], Izd-vo Sarat. Un-ta, Saratov, Russia.
- Shamionov, R.M. and Beskova, T.V. (2018), “Methods of diagnostics of subjective well-being of the person”, *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 11, no. 60, p. 8.
- Vygotsky, L.S. (1984), *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech], Vygotsky, L.S. Collected works., in 6 vols., vol. 5, Pedagogika, Moscow, Russia, pp. 5–361.
- Zhuchkova, S.M. (2011), “Meaning-Life orientations as subjective components of the phenomenon of meaning of life”, *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii: sb. st. po mater. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Chast' III* [Personality, family and society. Issues of pedagogy and psychology. collection of articles on proceedings from VII International Scientific and Practical Conference. Part III], SibAK, Novosibirsk, Russia, pp. 146–150.

Zolotareva, S.E. (2023), "Features of women's subjective well-being in a situation of social transitivity. Age aspect", *RSUH/RGGUBulletin. "Psychology. Pedagogics. Education". Series*, no. 4, pp. 71–86.

Информация об авторах

Василиса Р. Орестова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; v.r.orestova@gmail.com

Светлана Е. Золотарева, кандидат экономических наук, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 9111158@gmail.com

Information about the authors

Vasilisa R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; v.r.orestova@gmail.com

Svetlana E. Zolotareva, Cand. of Sci. (Economics), postgraduate, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; 9111158@gmail.com

Значение фигуры отца для сферы межличностных отношений женщины

Наталья В. Миргород

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, mirgorod.nv@yandex.ru*

Михаил С. Бриль

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, brimis@yandex.ru*

Любовь А. Чернецкая

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, kimiko77@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению значения фигуры отца и отношений с ним в детстве для сферы межличностных отношений женщин во взрослом возрасте. Также изучались особенности их личности, проявляющиеся в межличностных отношениях. В исследовании приняли участие 139 респондентов в возрасте от 24 до 64 лет. Полученные результаты подтверждают имеющиеся немногочисленные данные о значении качества отношений ребенка с отцом для формирования здоровой и зрелой личности ребенка, а также дополняют их. Определено значение отношений девочки с отцом для оценки взрослой женщиной своего детства как счастливого. Обнаружена взаимосвязь удовлетворенности отношениями с отцом и ряда личностных характеристик, проявляющихся в межличностных отношениях, в том числе романтических и семейных. Описаны негативные последствия неудовлетворительных для девочки отношений с отцом, касающиеся деструктивных и дефицитарных проявлений личностных черт взрослой женщины. Результаты исследования имеют теоретическую значимость, расширяя представления о факторах, влияющих на развитие личности ребенка и формирование паттернов взаимодействия с людьми, в том числе отношений женщины с мужчинами. В практическом аспекте полученные результаты имеют ценность для специалистов в области консультирования, психотерапии, педагогики, социальной работы.

Ключевые слова: отец, дочь, отношения дочери с отцом, счастливое детство, женщина, межличностные отношения, семейные отношения

Для цитирования: Миргород Н.В., Бриль М.С., Чернецкая Л.А. Значение фигуры отца для сферы межличностных отношений женщины // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 64–80. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-64-80

The meaning of the father figure for the sphere of women's interpersonal relationships

Natal'ya V. Mirgorod
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, mirgorod.nv@yandex.ru

Mikhail S. Bril'
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, brimis@yandex.ru

Lyubov A. Chernetskaya
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, kimiko77@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study examining the significance of the father figure and relationships with him in childhood for the sphere of interpersonal relationships of women in adulthood. The peculiarities of their personality manifested in interpersonal relations were also studied. The study involved 139 respondents between the ages of 24 and 64. The results obtained confirm the few available data on the importance of the quality of the child's relationship with the father for the formation of a healthy and mature personality of the child, and also supplement them. The article defines the significance of a girl's relationship with her father for an adult woman's assessment of her childhood as a happy one. A correlation is found for the relationship between satisfaction in the relation with the father and a number of personality characteristics manifested in interpersonal relationships, including romantic and family relationships. There is also a description of the negative consequences of unsatisfactory for the girl relation with her father concerning destructive and deficit manifestations of adult female personality traits. The results of the study have theoretical significance, expanding the ideas about factors influencing the development of the child's personality and the formation of patterns in interaction with people, including women's relationships with men. In practical aspect, the obtained results are of value for specialists in the field of counselling, psychotherapy, pedagogy, social work.

Keywords: father, daughter, daughter's relation with father, happy childhood, woman, interpersonal relationships, family relationships

For citation: Mirgorod, N.V., Bril', M.S. and Chernetskaya, L.A. (2024), "The meaning of the father figure for the sphere of women's interpersonal relationships", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 64–80, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-64-80

Введение

Отец и мать – ключевые фигуры в жизни ребенка, влияющие на развитие и формирование его личности. Роль матери в психической жизни ребенка и взрослого человека достаточно подробно изучена. Значение роли отца в отечественной психологии раскрыто в меньшей степени. Недооценка значимости отношений с отцом приводит к «отодвиганию» отца или его собственному дистанцированию от процесса воспитания ребенка. Вместе с тем для настоящего времени характерен пересмотр содержания мужских и женских ролей, размытие их границ, что диктует необходимость более тщательного изучения влияния отца на различные аспекты жизни ребенка.

В период с 1950 по 2000 г. ученые Р. Ронер и Р. Венециано проводили масштабные лонгитюдные исследования, которые показали, что влияние отцовской любви на развитие детей так же велико, а иногда и больше, чем влияние материнской любви [Rohner, Veneziano 2001]. Идея о том, что отцы оказывают формирующее воздействие на своих детей, получила всеобщее признание [The Role 2004]. Присутствие отца в жизни ребенка было и остается фактором, обеспечивающим как защиту, так и стимулирование его развития [Хоффман 2022]. К зонам отцовского влияния относятся также полоролевая идентификация, интеллектуальное развитие, усвоение моральных норм, эмоционально-личностная сфера, некоторые характерологические особенности ребенка и т. д. [Демчук 2006]. Н. Дэвис и Д. Игл определяют ряд необходимых отцовских функций, которые детерминируют формирование здоровой и зрелой психики ребенка, среди них, в части эмоциональной сферы, функция фасилитации регуляции аффекта и способности выносить фрустрацию, функция реципиента враждебных чувств [Davies, Eagle 2013].

А.Б. Холмогорова и О.Г. Калина считают проблему значения отцовской фигуры для психического развития ребенка одной из самых актуальных для России. Результаты их исследований свидетельствуют о том, что образ отца, формируемый под воздействием различных условий, является значимым фактором психического благополучия человека, полоролевой идентичности подростков, способствует поддержанию самоуважения, внутренней опоры и за-

щиты [Калина, Холмогорова 2019]. При этом 80% детей в возрасте от 8 до 15 лет испытывают дефицит общения с отцом и хотели бы, чтобы отцы проводили с ними больше времени.

Отец и мать создают модель семейных отношений для своих детей, а опыт, который дети получили в семье родителей, в их собственной взрослой жизни обуславливает восприятие поведения супруга [Бюдженталь 1998]. Наблюдая за взаимоотношениями между родителями, ребенок усваивает образцы полоролевого поведения. Влияние паттернов поведения в родительской семье может быть и негативным: установлено, что дети разведенных родителей в меньшей степени дорожат семейной целостностью – склонны решать семейные трудности при помощи развода, а также вступать в отношения с партнерами, состоящими в браке, способствуя разводу в других семьях [Нартова-Бочавер и др. 2001].

Е.Ю. Трошина выявила, что отношение к отцу прямо пропорционально связано с семейными отношениями взрослой замужней женщины [Трошина 2010]. Взаимоотношения девочки с отцом оказывают влияние на ее дальнейшие отношения с противоположным полом. Теплые и приносящие удовлетворение отношения с отцом помогают дочери гордиться своей женственностью, способствуют более легкой сексуальной адаптации. Недостаточная же эмоциональная отзывчивость отцов порождает у девочек беспокойство, неустойчивость настроения и капризность как средство привлечения внимания. Р. Кэмпбелл [Кэмпбелл 2011] указывает, что влияние отца на половую идентификацию девочки наиболее значительно проявляется в период юности. Отец способствует формированию у дочери позитивной самооценки, выражая одобрение ее действиям, способностям, внешности. И.С. Кон [Кон 2009] обращает внимание на то, что отцы даже в большей степени, чем матери, приучают детей к половым ролям. П. Амато [Amato 2000] показал, что от любви отца иногда в большей степени, чем от любви матери, зависит психологическое здоровье и благополучие взрослого потомства.

С.Т. Посохова, исследуя самоактуализацию личности [Посохова 2008], обнаружила значимость гармоничности образа отца (т. е. схожести идеального и реального образов). Женщины, имеющие гармоничный образ отца, имеют более высокий уровень самоактуализации, точнее ориентируются во времени, более склонны опираться на свое мнение в принятии решений, обладают более высоким уровнем самоуважения и самопринятия.

Сфера межличностных отношений в целом и романтических отношений в частности является значимой для большинства людей, живущих в социуме. Исследование факторов, влияющих на

переживание счастья в российском обществе, показало, что наиболее важным является наличие среды общения, избегание одиночества [Черныш 2019]. Отношения с мужчинами и наличие семейных отношений являются для большинства женщин одними из самых важных аспектов в жизни, факторами, определяющими «счастье» и удовлетворенность жизнью [Семёнова 2013].

Целью данной работы явилось изучение влияния отношений с отцом в детстве на сферу межличностных отношений женщин во взрослом возрасте, в частности отношений с мужчинами.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 139 женщин от 24 до 64 лет, большинство из которых имеют высшее образование (90%), средний уровень дохода (84%), состоят в браке (73%), имеют детей (85%). О статусе родительской семьи известно, что у 65% (91 чел.) респондентов родители всю жизнь прожили в браке, у 33,5% (46 чел.) родители развелись, и у 1,5% (2 чел.) никогда не были в браке. Были применены следующие методики: Тест на межличностную зависимость, Опросник межличностных отношений (ОМО), Я-структурный тест Г. Аммона, авторская анкета.

Тест на межличностную зависимость (Р. Гиршфильд, адаптация О.П. Макушиной)¹ дает информацию о выраженности таких показателей, как «неуверенность в себе», «стремление к автономии», «эмоциональная опора на других», общий показатель склонности к зависимым отношениям.

Опросник межличностных отношений, который является русскоязычной версией опросника В. Шутца [Фетискин и др. 2002], диагностирует особенности поведения в межличностных отношениях. В его основе лежит трехмерная теория межличностных отношений В. Шутца о реализации человеком трех потребностей, сформированных в детстве во взаимодействии с родителями, а именно: потребностей «включения», «контроля» и «аффекта». Опросник дает информацию о степени выраженности потребности создавать и поддерживать отношения с другими людьми на основе взаимодействия и сотрудничества, силы и контроля или любви и эмоциональных отношений.

Личностные особенности, проявляющиеся во взаимоотношениях с другими людьми, были диагностированы с помощью

¹ *Макушина О.П.* Методы психологического изучения девиантного поведения: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. 79 с.

методики «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA, адаптация НИПНИ им. Бехтерева Ю.А. Тупицыным) [Тупицын и др. 1998]. Данная методика является клинической и открывает возможность оценки общего адаптационного потенциала личности, ресурса его психического здоровья и поиска взаимосвязей этих показателей с детско-родительскими отношениями (в нашем исследовании – дочери с отцом). Методика позволяет определить конструктивность/деструктивность/дефицитарность шести «Я-функций», лежащих, по мнению Г. Аммона, в основе личности и определяющей ее психологическое здоровье: агрессия (как активность по отношению к окружающему миру), тревога/страх (как фактор сохранения личностной идентичности в кризисных ситуациях), внешнее Я-отграничение (позволяет сохранить уникальность личности), внутреннее Я-отграничение (обеспечивает сложную организацию личности), нарциссизм (определяет самоотношение), сексуальность (определяет возможность получать удовольствие от телесных контактов).

С помощью открытых и закрытых вопросов авторской анкеты получены сведения о статусах собственной и родительской семьи женщин, об их отношениях с отцом, отношениях в родительской семье, о некоторых установках относительно мужчин и отношений с ними. Тональность детских воспоминаний женщин об отце, а также удовлетворенность отношениями с ним отражена в нашем исследовании в ответах на следующие вопросы анкеты:

Можете ли вы себя назвать «папиной дочкой», папиной любимицей?

Хотелось бы Вам, чтобы отношения с папой в детстве сложились иначе?

Помните ли Вы что-то хорошее и интересное, чем занимались в детстве вместе с папой?

Сталкивались ли Вы в детстве с поведением отца, которое было расценено Вами как предательство?

Хотели бы, чтобы Ваш избранник был похож на папу?

А также косвенно в ответах на вопросы:

Считаете ли Вы свое детство счастливым?

Хотели бы, чтобы Ваша семья была похожа на родительскую?

Установки, а также некоторые обстоятельства отношений с мужчинами мы обнаруживали с помощью вопросов анкеты, которые касались доверия и уважения к мужчинам; настороженности и презрения по отношению к ним; желаний или нежеланий иметь постоянные, семейные отношения; эпизодов предательства со стороны мужчин.

Для обработки полученных данных были использованы методы математико-статистической обработки данных (анализ средних, критерий Манна–Уитни, коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты исследования

На основании описательных статистик получены данные о средних значениях выборки: по личностным характеристикам и показателям зависимости данные по выборке являются нормативными. Исключение составил показатель, отражающий неспособность к установлению и контролю межличностной дистанции (понижен, $ср = 33,22$, норма 41–60). По опроснику межличностных отношений для выборки характерны: стремление брать на себя ответственность ($Сe (ср) = 6,81$), потребность в зависимости ($Сw (ср) = 6,99$), осторожность при установлении близких интимных отношений ($Аe (ср) = 1,96$), тенденция общаться с небольшим количеством людей ($Iw (ср) = 2,14$).

Установлены значимые корреляционные связи ответов на вопросы анкеты и показателями по методикам.

Вспоминая свое детство, 75% опрошенных женщин считают его счастливым, 53% называют себя папиной дочкой. Данные ответы коррелируют между собой, а также с наличием воспоминаний о хорошем времени, проведенном с папой, с отсутствием поведения со стороны отца, которое можно расценить как предательство, удовлетворенностью отношениями с папой (отрицательная корреляционная связь с ответом на вопрос «Хотели бы, чтобы Ваши отношения с папой сложились иначе?»), желанием, чтобы партнер был похож на отца, и другими показателями (см. табл. 1). Также показатель «счастливое детство» взаимосвязан с уровнем благосостояния женщины (см. табл. 1) и количеством ее будущих детей ($r = 0,173$, $p \leq 0,05$).

Предательство отца в детстве вспоминают 48% женщин. Установлены взаимосвязи этого показателя с отношением к мужчинам во взрослой жизни, представлениями о своей семье, обнаружена положительная значимая корреляционная связь факта предательства отца и факта расставания родителей (см. табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные связи ответов респондентов на вопросы анкеты,
коэффициент г-Spearman

	1	2	3	4	5	6	7
1. «Папина дочка»	1	0,23**	-0,36**	0,39**	0,19*	0,29**	-0,25**
2. Счастливое детство	0,23**	1	-0,35***	0,36***	0,34**	0,27**	-0,20*
3. Отношения с папой «иначе»	-0,36**	-0,35***	1	-0,43***	-0,36***	-0,23**	0,26**
4. Желание, чтобы партнер был похож на отца	0,39**	0,36***	-0,43***	1	0,43**	0,18*	-0,48**
5. Желание, чтобы своя семья была похожа на родительскую	0,19*	0,34**	-0,36***	0,43**	1	0,29**	-0,34**
6. Помню интересное время с папой	0,29**	0,27**	-0,23**	0,18*	0,29**	1	-0,23**
7. Предательство отца	-0,25**	-0,20*	0,26**	-0,48**	-0,34**	-0,23**	1
8. Родители всю жизнь в браке	0,20*	0,166	-0,28**	0,30**	0,35**	0,29**	-0,30**
9. Настороженность к мужчинам	-0,18*	-0,19*	0,29**	-0,24**	-0,18*	-0,164	0,24**
10. Доверие и уважение к мужчинам	0,158	0,136	-0,22**	0,20*	0,135	0,273**	0,27**
11. Уровень дохода	0,095	0,22***	0,027	0,17*	0,083	0,060	-0,37**

Примечания: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

Обнаружен ряд положительных взаимосвязей показателей «счастливого детства», «уважения и доверия по отношению к мужчинам» с данными, полученными с помощью Я-структурного теста Аммона: со шкалами, отражающими конструктивные проявления различных черт личности, стилей взаимодействия (например, агрессия понимается как энергетический потенциал, активность; тревога/страх – как инструмент обеспечения безопасности и другие, отраженные в общем показателе конструктивности), результирующими показателями, свидетельствующими о компенсированности деструкций и дефицитов психики, ресурсе психического здоровья (индексы компенсации, реализации, интегральный показатель, Я-идентичность в табл. 2). Обратная картина взаимосвязей наблюдается с этими шкалами у показателей, отражающих неудовлетворенность отношениями с папой в детстве («хотелось бы, чтобы отношения сложились иначе») и настороженное отношение к мужчинам (см. табл. 2).

Показатель неудовлетворенности отношениями с отцом имеет также значимую отрицательную связь с наличием чувства доверия и уважения по отношению к мужчинам, желанием иметь партнера, похожего на отца, семью, похожую на родительскую (см. табл. 1). Положительная связь обнаружена с фактом предательства отца в детстве, настороженным отношением к мужчинам (см. табл. 1) и возникающим иногда чувством презрения к близким мужчинам ($r = 0,173$, $p \leq 0,01$). Также установлен ряд взаимосвязей с личностными характеристиками (см. табл. 2) и сформированными паттернами поведения (см. табл. 3). Неудовлетворенность отношениями с отцом в детстве имеет положительные корреляционные связи с показателями по шкалам Я-структурного теста Аммона (приведем лишь некоторые): деструктивная и дефицитарная агрессия ($r = 0,264$, $r = 0,243$, $p \leq 0,01$), деструктивная тревога/страх ($r = 0,177$, $p \leq 0,05$), дефицитарное внешнее и внутреннее Я-отграничение ($r = 0,176$, $p \leq 0,05$; $r = 0,271$, $p \leq 0,01$), общая деструктивность, общая дефицитарность, с индексом реализации, интегральным показателем «Я-идентичность» (см. табл. 2).

Доверие и уважение к мужчинам во взрослой жизни связано с удовлетворенностью отношениями с отцом, желанием иметь партнера, похожего на отца, и наличием приятных воспоминаний о папе (см. табл. 1). Мы уточнили у респондентов содержание их воспоминаний о хорошем и интересном времени, проведенном с папой. 22 человека (15%) ответили, что не помнят отца или не могут вспомнить что-то подобное. 53 женщины (45%) вспоминают совместные игры и досуг, 33 (28%) – запомнили путешествия, для 31 человека (26%) теплым воспоминанием являются совместные

прогулки, для 26 (22%) – поездки за город (на дачу, на рыбалку, за грибами, просто в лес). Каждая пятая женщина вспоминает о беседах и столько же – о походах в зоопарк, цирк, кафе. Заслуживает внимания тот факт, что к интересному и хорошему времени, проведенному с папой, был отнесен совместный труд на даче, в деревне, в огороде (9%). Данную категорию упоминают чаще, чем категорию «подарки и гостинцы от папы» (8%). Меньше, чем по 10 раз (меньше 8%) встречались такие варианты ответов, как обучение чему-то, занятия спортом, баловство, веселье, помощь, забота, защита от мамы, приготовление еды.

Таблица 2

Взаимосвязи итоговых индексов
Я-структурного теста Г. Аммона и результатов анкеты,
коэффициент r -Spearman

	«Счастливое детство»	Желание, чтобы отношения с папой сложились иначе	Доверие к мужчинам	Настороженность к мужчинам
Общая конструктивность	0,264**	-0,105	0,245**	-0,136
Общая деструктивность	-0,072	0,168*	-0,344**	0,327**
Общая дефицитарность	-0,161	0,211*	-0,351**	0,333**
Индекс компенсации	0,194*		0,343**	-0,250*
Индекс реализации	0,257**	-0,189*	0,353**	-0,268**
Я-идентичность	0,199*	-0,189*	0,375**	-0,309**

Примечания: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Настороженное отношение к мужчинам значимо положительно связано с неудовлетворенностью отношениями с отцом в детстве (желание, чтобы они сложились «иначе»), с предательством отца (см. табл. 1), опытом предательства со стороны мужчин во

взрослой жизни ($r = 0,226$, $p \leq 0,01$), предпочтением не иметь постоянных/семейных отношений ($r = 0,404$, $p \leq 0,01$), отрицательно – с уважительным отношением к мужчинам, готовностью доверять ($r = -0,515$, $p \leq 0,01$), желанием иметь партнера, похожего на отца (см. табл. 1), проявлениями зависимого поведения (см. табл. 3).

С помощью критерия U-Манна-Уитни было произведено сравнение групп внутри выборки, выделенных по различным критериям. Статистически достоверные различия были обнаружены при разделении групп по критерию желания респондентов, чтобы их собственная семья была похожа на родительскую: группы различаются по шкале опросника межличностных отношений «Выраженное поведение в области аффекта» ($U = 407,5$; $p = 0,039$).

Таблица 3

Взаимосвязи результатов теста
на межличностную зависимость и анкеты,
коэффициент r -Spearman

	Желание, чтобы отношения с папой сложились иначе («иначе»)	Настороженность к мужчинам
Эмоциональная опора на других	0,197*	0,202*
Неуверенность в себе	0,257**	0,170*
Зависимость от других (общий показатель)	0,228**	0,170*

Примечания: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Обсуждение результатов

Считать себя «папиной дочкой», «папиной любимицей» – значит иметь близкую связь с отцом, основанную на любви и взаимопонимании, быть уверенной в папином положительном отношении, принятии, папиной поддержке. Женщины, которые могут назвать себя папиной дочкой, чаще считают свое детство счастливым, могут вспомнить различные приятные моменты из совместного с отцом времяпрепровождения, больше удовлетворены отношениями с отцом, хотели бы, чтобы их избранник был похож на отца, относятся

к мужчинам с меньшей настороженностью. Совместные игры с папой в детстве, путешествия, прогулки, поездки за город, занятия спортом, веселье, забота, а также совместные дела, труд – вот те составляющие, которыми наполнены хорошие воспоминания о папе и которые имеют ценность для ребенка не только в момент общения, но и оказывают влияние на многие аспекты жизни женщины в будущем. Препятствует ощущению «папина дочка» имевшее место предательство со стороны отца. Те, у кого были такие моменты в детстве, с большей настороженностью относятся к мужчинам, с меньшим уважением и доверием, реже считают свое детство счастливым, не могут или не хотят припоминать хорошее, интересное время, проведенное с папой, и не хотели бы, ни чтобы избранник был похож на отца, ни чтобы их собственная семья была похожа на родительскую. Нам неизвестно, в чем именно заключалось «предательство», но, учитывая положительную корреляционную связь данного показателя с фактом развода родителей ($r = 0,299$, $p \leq 0,01$), можем предположить, что одним из оснований мог стать разрыв отношений между родителями.

Для женщин, считающих свое детство счастливым, характерны открытость, коммуникабельность, деятельный подход к жизни, они способны выдерживать переживания, обращаться за помощью, трезво оценивать опасность, преодолевать страх ради реализации жизненно важных задач. Такие женщины чаще способны выбирать адекватные стратегии поведения, быть гибкими в своей автономности от окружающего мира; обладают способностью осознавать собственные чувства, различные состояния сознания и телесные состояния, соизмеряя их с реальной ситуацией. Женщины, у которых детство было счастливым, имеют более выраженную способность концентрировать усилия на поставленной цели, противостоять неблагоприятным обстоятельствам, осознавать себя, свои чувства, желания. От того, насколько счастливым считает свое детство женщина, зависит степень ее принятия себя, ощущение собственной значимости, опирающееся на положительный опыт межличностных отношений. Соотносится с ресурсом психического здоровья человека.

Удовлетворенность отношениями с папой, наличие положительных воспоминаний о совместном времяпрепровождении являются значимыми предикторами «счастливого детства». Проведенное вместе время, совместные дела остаются в памяти на всю жизнь и вносят свой вклад в отношения между отцом и дочерью. Учитывая обнаруженные в нашем исследовании корреляционные связи наличия положительных воспоминаний об отце с ощущением себя «папиной дочкой», с показателем «счастливое детство»,

доверием и уважением по отношению к мужчинам и другими, мы можем сделать вывод о том, что качество общения девочки с отцом влияет на воспоминания о детстве и на ее отношение к мужчинам во взрослом возрасте.

Женщины, неудовлетворенные отношениями с отцом, в большей степени демонстрируют признаки зависимого поведения: ориентируются на эмоциональную поддержку других людей, особо чувствительны к критике и неодобрению со стороны окружающих, имеют направленность на получение высокой оценки с их стороны, не уверены в своих суждениях, конформны, несамодостаточны, испытывают тревогу по поводу отвержения и одиночества.

Считаем важным обнаружение связей неудовлетворенности отношениями с отцом с неконструктивными (деструктивными, дефицитарными) проявлениями различных черт личности. В описании шкалы «Деструктивная агрессия» Я-структурного тест Аммона сказано, что она понимается как реактивное перестроение изначально конструктивной агрессии из-за особых неблагоприятных условий в родительской семье, это определенная деформация нормальной способности к деятельному, активному взаимодействию с окружающим миром, людьми и предметами, что указывает на источник происхождения данной деструкции, и это подтверждается нашим исследованием. Дефицитарная агрессия проявляется в отказе от активной позиции в жизни, неспособности к установлению теплых межличностных отношений, неспособности брать на себя ответственность или «отыгрывании» внутренних переживаний через различные агрессивные проявления во взаимодействии с окружающими. Деформация конструктивной тревоги, по данным методики, связана с нарушением отношений между матерью и ребенком. Результаты нашего исследования показывают, что данная деформация связана и с неудовлетворительными отношениями с отцом. Деструктивный страх проявляется в поведении переоценкой реальных угроз, проблем, трудностей, чрезмерной выраженностью вегетативных компонентов эмоциональных реакций, боязнью установления новых контактов. Эти проявления характерны для женщин, неудовлетворенных отношениями с отцом в детстве. «Счастливое детство», напротив, связано как с показателем «конструктивная агрессия», так и «конструктивная тревога/страх» ($r = 0,229, p \leq 0,01$).

Женщины, которые хотели бы иметь свою семью, похожую на родительскую, с детства привыкли к атмосфере доверия и принятия, к проявлению теплых, дружеских чувств. Они и во взрослом возрасте стремятся быть в близких отношениях с другими людьми.

Выводы

Удовлетворенность отношениями с отцом, хорошие воспоминания о нем являются значимыми критериями восприятия женщинами своего детства как счастливого. Такие женщины с меньшей настороженностью относятся к мужчинам и чаще хотят видеть своего партнера похожим на отца.

Субъективное ощущение счастливого детства взаимосвязано с ресурсом психического здоровья, с конструктивными проявлениями личностных черт, а неудовлетворенность отношениями с отцом в детстве – с деструктивными и дефицитарными проявлениями личности.

Женщины, которые считают отношения между родителями примером для подражания, способны и стремятся устанавливать эмоционально близкие отношения с другими людьми.

Неудовлетворенность отношениями с папой в детстве, предательство отца приводит к нежеланию иметь партнера, похожего на отца, возникновению настороженности по отношению к мужчинам, недоверию, неуважению к ним, а также к установке, что лучше не иметь постоянных, семейных отношений, «спокойнее быть одной».

Удовлетворенность отношениями с отцом способствует формированию у женщин таких отношений с мужчинами/партнером, которые основаны на доверии и уважении.

Отец оказывает влияние не только на самоидентификацию девочки, ее уверенность, умение выстраивать и защищать свои личностные границы, но и на ее будущие отношения с мужчинами.

Литература

- Бюдженгаль 1998 – *Бюдженгаль Д.* Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Класс, 1998. 336 с.
- Демчук 2006 – *Демчук Н.А.* Формирование психологической готовности юношей к отцовству: Дис. ... канд. психол. наук. Курган, 2006. 223 с.
- Калина, Холмогорова 2019 – *Калина О.Г., Холмогорова А.Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка: Монография. 2-е изд., стереотип. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М., 2019. 112 с.
- Кон 2009 – *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 504 с.
- Кэмпбелл 2011 – *Кэмпбелл Р.* Как по-настоящему любить своего ребенка. М.: Мирт, 2011. 155 с.
- Макушина 2006 – *Макушина О.П.* Методы психологического изучения девиантного поведения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. 79 с.

- Нартова-Бочавер и др. 2001 – *Нартова-Бочавер С.К., Несмеянова М.И., Малярова Н.В., Мухоротова Е.А.* Ребенок в карусели развода. М.: Дрофа, 2001. 192 с.
- Посохова и др. 2008 – *Посохова С.Т., Литто С.В., Манеров Р.В.* Образ отца и самоактуализация личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 3. С. 23–30.
- Семёнова 2013 – *Семёнова Т.В.* О некоторых половых различиях представлений о счастье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. № 1. С. 71–74.
- Трошина 2010 – *Трошина Е.Ю.* Образы родителей как фактор детерминации и развития супружеских отношений мужчин и женщин: Дис. ... канд. психол. наук. Курский государственный университет, 2010. 220 с.
- Тупицын и др. 1998 – *Тупицын Ю.Я., Бочаров В.В., Алхазова Т.В., Бродская Е.В.* Я-структурный тест Аммона: опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне: Пособие для психологов и врачей. СПб.: Науч.-исслед. психоневр. ин-т им. В.М. Бехтерева, 1998. 70 с.
- Фетискин и др. 2002 – *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 167–171.
- Хоффман 2022 – *Хоффман Б.Э.* Новые открытия, концепции и вопросы в поиске понимания влияния отцов на развитие своих детей // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 17–25.
- Черныш 2019 – *Черныш М.Ф.* Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 9–33.
- Amato 2000 – *Amato P.R.* The consequences of divorce for adults and children // *Journal of Marriage and the Family*. 2000. Vol. 62. P. 1269–1287.
- Davies, Eagle 2013 – *Davies N., Eagle G.* Conceptualizing the Paternal Function: Maleness, Masculinity, or Thirdness? // *Contemporary Psychoanalysis*. 2013. Vol. 49 (4). P. 559–585.
- Rohner, Veneziano 2001 – *Rohner R.P., Veneziano R.A.* The Importance of Father Love: History and Contemporary Evidence // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. № 4. P. 382–405.
- The Role 2004 – *The Role of the Father in Child Development* / Ed. by M. Lamb. 4th edition. Hoboken: John Wiley and Sons, 2004. 552 p.

References

- Amato, P.R. (2000), “The consequences of divorce for adults and children”, *Journal of Marriage and the Family*, vol. 62, pp. 1269–1287.
- B'yudzhental', D. (1998), *Nauka byt' zhivym: Dialogi mezhdu terapevtom i patsientami v gumanisticheskoi terapii* [The Science of Being Alive. Dialogues between Therapist and Patients in Humanistic Therapy], Klass, Moscow, Russia.

- Chernysh, M.F. (2019), "Factors of influence on the state of happiness in the contemporary of Russian society", *Sociological Science and Social Practice*, vol. 7, no. 2 (26), pp. 9–33.
- Davies, N. and Eagle, G. (2013), "Conceptualizing the Paternal Function: Maleness, Masculinity, or Thirdness?", *Contemporary Psychoanalysis*, vol. 49 (4), pp. 559–585.
- Demchuk, N.A. (2006), *Formation of psychological readiness of young men for fatherhood*, Abstract of Ph.D. dissertation, Kurgan, Russia.
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. and Manuilov, G.M. (2002), *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups], Izd-vo Instituta Psikhoterapii, Moscow, Russia, pp. 167–171.
- Kalina, O.G. and Kholmogorova, A.B. (2019), *Rol' ottsa v psikhicheskom razvitiy rebenka: monografiya* [The role of the father in the mental development of the child: monograph], 2nd ed., Forum, Infra-M, Moscow, Russia.
- Campbell, R. (2011), *Kak po-nastoyashchemu lyubit' svoego rebenka* [How to really love your child], Mirt, Moscow, Russia.
- Hoffman, B.A. (2022), "New discoveries, concepts and questions in the search to understand the influence of fathers' influence on child development", *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 11, no. 1, pp. 17–25.
- Kon, I.S. (2009), *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A man in a changing world], Vremya, Moscow, Russia.
- Lamb, M. (ed.) (2004), *The Role of the Father in Child Development*, 4th edn., John Wiley and Sons, Hoboken, USA.
- Nartova-Bochaver, S.K., Nesmeyanova, M.I., Malyarova, N.V. and Mukhorotova, E.A. (2001), *Rebenok v karuseli razvoda* [Child in the carousel of divorce], Drofa, Moscow, Russia.
- Posokhova, S.T. Lippo, S.V. and Manerov, R.V. (2008), "Father image and personality self-actualization", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, no. 3, pp. 23–30.
- Rohner, R.P. and Veneziano, R.A. (2001), "The Importance of Father Love: History and Contemporary Evidence", *Review of General Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 382–405.
- Semenova, T.V. (2013), "Some gender differences of happiness", *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, no. 1, pp. 71–74.
- Troshina, E.Yu. (2010), *Images of parents as a factor in the determination and development of marital relations between men and women*, Abstract of Ph.D. dissertation, Kursk State University, Kursk, Russia.
- Tupitsyn, Yu.Ya., Bocharov, V.V., Alkhazova, T.V. and Brodskaya, E.V. (1998), *Ya-strukturnyi test Ammona: oprosnik dlya otsenki tsentral' nykh lichnostnykh funktsii na strukturnom urovne: posobie dlya psikhologov i vrachei* [Ammon's self-structural test. A questionnaire for assessing central personality functions at the structural level. A manual for psychologists and doctors], Nauch.-issl. psikhonevr. in-t im. V.M. Bekhtereva, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Наталья В. Миргород, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; mirgorod.nv@yandex.ru

Михаил С. Бриль, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; brimis@yandex.ru

Любовь А. Чернецкая, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; kimiko77@yandex.ru

Information about the authors

Natal'ya V. Mirgorod, Cand. of Sci. (Psychology), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; mirgorod.nv@yandex.ru

Mikhail S. Bril', Cand. of Sci. (Psychology), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; brimis@yandex.ru

Lyubov A. Chernetskaya, master's student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; kimiko77@yandex.ru

Исследование психологических факторов выгорания студентов медицинского вуза

Татьяна С. Бузина

*Российский университет медицины, Москва, Россия,
tbuzina@gmail.com*

Сергей Олейников

*Российский университет медицины, Москва, Россия,
alien4yourself@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена эмоциональному выгоранию и выявлению ранних признаков дезадаптации обучающихся медицинского вуза. Причинами эмоционального выгорания у студентов среднего профессионального медицинского образования могут быть различными, включая перегрузку учебными заданиями и экзаменами, недостаток социальной поддержки, проблемы с личной жизнью, финансовые трудности и проблемы взаимодействия с другими студентами и преподавателями. В работе проведено сравнительное исследование групп студентов 1-го (50 человек) и 2-го (26 человек) курса СПО и абитуриентов 2022 (370 человек) и 2023 (321 человек) годов, поступающих в медицинский вуз. Для описания основных психологических особенностей лиц, входящих в данные группы, а также выявления связи уровня эмпатических способностей и выраженности акцентуаций характера с вероятностью возникновения симптомов эмоционального выгорания – в процессе обучения на базе Российского университета медицины было проведено анкетирование абитуриентов и тестирование обучающихся в рамках среднего профессионального медицинского образования с использованием следующих психодиагностических методов: выраженность симптомов эмоционального выгорания – оценивалось при помощи методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. Бойко; особенности процессов эмпатии – изучались методикой В. Бойко «Диагностика уровня эмпатических способностей». Также исследованы особенности личностной сферы, профессиональные перспективы и ценности при помощи методик Шмишека- Леонгарда, ФПП и ДДО Е.А. Климова.

Ключевые слова: обучение, студенты, выгорание, медицинское образование

Для цитирования: Бузина Т.С., Олейников С. Исследование психологических факторов выгорания студентов медицинского вуза // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 81–101. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-81-101

Research of psychological factors of burnout of medical university students

Tatiana S. Buzina

*Russian University of Medicine, Moscow, Russia,
tbuzina@gmail.com*

Sergey Oleynikov

*Russian University of Medicine, Moscow, Russia,
alien4yourself@gmail.com*

Abstract. The article deals with the emotional burnout and identification of early signs of maladaptation in medical university students. The causes of emotional burnout among students of secondary vocational medical education can be various, including overload with academic assignments and exams, lack of social support, problems with personal life, financial difficulties and constraints in interaction with other students and teachers. The authors conduct a comparative study of the student groups of 1st (50 people) and 2nd (26 people) year of secondary vocational education and applicants in 2022 (370 people) and 2023 (321 people) admission to a medical university. To describe the main psychological characteristics of persons belonging to those groups, as well as to identify the relationship between the level of empathic abilities and the severity of character accentuations with the likelihood to occur for symptoms of emotional burnout in the learning process, on the basis of the Russian University of Medicine, applicants were surveyed and students were tested within the framework of secondary professional medical education using the following psychodiagnostic methods. The severity of the symptoms of emotional burnout was assessed using the method “Diagnosis of the level of emotional burnout” by V. Boyko; the features of the processes of empathy were studied by the method of V. Boyko “Diagnosis of the level of empathic abilities”. The features of the personal sphere, professional prospects and values are also studied using the methods of Shmishek-Leonhard, FPP and DDO by E.A. Klimov.

Keywords: education, students, burnout, medical education

For citation: Buzina, T.S. and Oleinikov, S. (2024), “Research of psychological factors of burnout of medical university students”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 2, pp. 81–101. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-81-101

Введение

Синдром эмоционального выгорания является серьезной проблемой для всех специалистов медицинской сферы. В процессе выполнения своих профессиональных задач медработники сталкиваются с высоким уровнем стресса, эмоциональной нагрузкой, перегрузкой работы, недостатком ресурсов.

Актуальность проблемы связана с тем, что синдром эмоционального выгорания может привести к серьезным последствиям для самого медработника, его пациентов и организации здравоохранения в целом. Выгорание ухудшает качество оказываемой медицинской помощи, повышает риск ошибок, способствует снижению профессиональной активности и увеличивает вероятность развития психологических и физических заболеваний.

Поэтому необходимо уделять особое внимание профилактике и лечению синдрома эмоционального выгорания у медработников, обеспечивать им необходимую поддержку, обучение и психологическую помощь. Решение этой проблемы поможет сохранить здоровье и профессиональное благополучие медицинских работников, повысить качество медицинской помощи и обеспечить эффективное функционирование системы здравоохранения.

Для снижения вероятности выгорания у будущего медицинского специалиста профилактику возникновения выгорания следует начинать еще в процессе его обучения и профессиональной подготовки в высшем учебном заведении. Процесс обучения в университете сопряжен не только с получением необходимых знаний и бесценного профессионального опыта, но и рядом трудностей. Адаптация студентов к новым условиям, социальным ролям, внешним и внутренним требованиям может потребовать от обучающегося много сил и энергии. При недостатке ресурсов, для совладания с актуальными вызовами могут возникать явления психического утомления, выгорания и другие, более серьезные, проявления психической дезадаптации студентов.

В последнее время встречается все больше публикаций, посвященных учебному выгоранию как одному из частных проявлений психической дезадаптации студентов. Учебное выгорание – это состояние, при котором студент переживает чувство истощения, отчаяния, апатии и недовольства своей учебной деятельностью. В данной статье учебное выгорание рассматривается как один из возможных вариантов развития в дальнейшем эмоционального выгорания. В случае учебного выгорания имеется ряд специфических особенностей, отражающихся не в профессиональной, а в учебной деятельности. При этом эмоциональный компонент учебного выго-

рания проявляется через постоянное беспокойство, раздражительность, чувство отчаяния и беспомощности, а также эмоциональное истощение. Студент может чувствовать себя измотанным, депрессивным и испытывать ряд негативных эмоций по отношению к учебной деятельности.

В результате анализа современной литературы был сделан вывод о том, что эмоциональное выгорание проявляется в большей степени в контексте психоэмоционального стресса, связанного с выполнением специалистом своих профессиональных функций. Следовательно, понятия эмоционального и учебного выгорания можно рассматривать как аналогичные феномены, так как учебная деятельность готовит индивида к трудовой деятельности и также на определенном жизненном этапе занимает большое место в жизни каждого индивида.

Исследования Шанафельта [Dugani et al. 2018, с. 4] и Баковича [Basković et al. 2019] выявили следующие проявления выгорания студентов: обезличивание, проявляющееся в скептицизме и апатии в учебе; эмоциональное истощение; низкая профессиональная эффективность. Данные о распространенности этих проявлений у обучающихся университетов колеблются от 17,6 до 82%.

Исследования Эршена 2018 г. [Rodrigues et al. 2018, с. 4–6] при изучении функциональных и дисфункциональных стратегий студентов-медиков по преодолению эмоционального выгорания обнаружили у них высокую распространенность эмоционального выгорания – в среднем около 35%. По сравнению с учащимися старших классов школы, студенты продемонстрировали более низкие показатели цинизма, но более высокие показатели эмоциональной усталости. Среди студентов высших учебных заведений произошел сдвиг в сторону менее эффективного восприятия академической эффективности.

В последнее десятилетие активно изучается эмоциональное выгорание в среде медицинских работников. В большинстве исследований сообщается о распространенности эмоционального выгорания среди ординаторов и хирургов до 80% [Ахметова и др. 2022, с. 92]. Эмоциональное выгорание все чаще обнаруживается у начинающих врачей, интернов и ординаторов. Это может быть свидетельством того, что процессы выгорания происходят уже в процессе обучения в медицинском вузе [Pulloori, Vijayan 2023].

Некоторые исследования подтверждают наличие связей возникновения симптомов эмоционального выгорания и выбранной врачебной специализации. Так, при исследовании эмоционального выгорания ординаторов в Бразилии 2018 г. [Rodrigues 2018, р. 6–7] были выделены три группы специальностей с разным

уровнем распространенности эмоционального выгорания: общая хирургия, анестезиология, акушерство/гинекология и ортопедия (40,8%); внутренние болезни, пластическая хирургия и педиатрия (30,0%); и отоларингология и неврология (15,4%). Общая распространенность эмоционального выгорания, выявленная по всем специальностям, составила 35,7%. Таким образом, основываясь на эмпирических результатах и анализе современной психологической литературы, профессия врача рассматривается как одна из наиболее подверженных негативным последствиям профессионального выгорания, поскольку она характеризуется высокой степенью эмоционального неблагополучия, так как медицинские работники постоянно сталкиваются как со своими собственными человеческими проблемами, так и с проблемами своих пациентов.

В исследовании, проведенном среди врачей [Малыгин и др. 2007, с. 108–110], синдром эмоционального выгорания отмечался: среди хирургов – у 46,6% обследованных, среди невропатологов – у 75,3% обследованных, в группе терапевтов – у 40% обследованных, среди стоматологов – у 50% обследованных, в группе психиатров – у 43,3% обследованных, в группе наркологов – у 56,6% обследованных врачей.

В проведенных нами ранее исследованиях было обнаружено, что около 50% студентов старших курсов медицинского вуза к концу обучения уже имеют один или несколько сформированных симптомов эмоционального выгорания, что вызывает обоснованные опасения о риске возникновения полноценного синдрома эмоционального выгорания на ранних этапах профессиональной деятельности [Бузина и др. 2023].

Эмоциональное выгорание студентов медицинского вуза является серьезной проблемой, которая может приводить к ухудшению учебных результатов, снижению мотивации, снижению уровня психического и физического здоровья. Такое состояние характеризуется чувством усталости, раздражительностью, потерей интереса к учебной и профессиональной деятельности, уменьшению общего количества ресурсов, необходимых для обеспечения нормального функционирования организма и адаптации к возникающим стрессовым ситуациям.

Учебное выгорание в медицинском вузе может иметь серьезные последствия для студентов и их будущей профессиональной деятельности.

Одно из первых мест среди специальностей, подверженных риску проявления синдрома эмоционального выгорания, являются медицинские сестры. Краткая общественная дистанция «меди-

цинская сестра – пациент» обуславливает сильное воздействие как объективных, так и субъективных факторов, вызывающих нарастающее чувство неудовлетворенности, содействующих скоплению усталости [Монгуш, Доспан-оол 2021].

Более чем у половины медицинских сестер со стажем работы от 10 лет сформирован синдром эмоционального выгорания [Lee, Lim 2017]. Однако первые симптомы и проявления эмоционального выгорания обнаруживаются уже на этапе получения среднего профессионального медицинского образования.

Студенты среднего профессионального медицинского образования (прим.: далее – СПМО) испытывают высокий уровень стресса из-за значительной рабочей нагрузки, относительно негибкой учебной программы, атмосферы соперничества между обучающимися и, часто, совмещением учебной и профессиональной деятельности [Lee, Lim 2017]. Это зачастую приводит к возникновению учебного выгорания, одного из видов эмоционального выгорания, характерного для студентов и обучающихся вузов. Учебное выгорание обычно связано с работой и академической перегрузкой и может негативно сказаться на качестве обучения и оказываемой медицинской помощи во время работы фельдшером.

Известно, что этап клинической практики является одним из самых стрессовых для студентов СПМО, поскольку они впервые сталкиваются с реальностью здравоохранения в качестве профессионалов [Reverté-Villarroya et al. 2022]. Некоторые исследования показывают, что обучающиеся испытывают высокий уровень стресса, страдают от тревожных и депрессивных проявлений, особенно при приближении итоговых экзаменов. В качестве основных факторов, вызывающих сильный стресс, были определены некоторые конкретные факторы, такие как путаница с лекарствами, риск заражения через иглу шприца и совершение ошибок [Reverté-Villarroya et al. 2022].

В настоящее время признается, что одним из ведущих факторов формирования эмоционального выгорания на ранних этапах обучения является актуальный уровень эмпатических способностей студентов. Согласно обзору зарубежных статей за 2020 г., восемь исследований предоставили эмпирическое подтверждение отрицательной взаимосвязи между эмпатией и эмоциональным выгоранием. Одно исследование подтвердило положительную взаимосвязь между эмоциональным выгоранием и эмпатией. В другом исследовании сообщалось о противоречивых данных с положительной и отрицательной корреляцией между различными подшкалами показателей эмпатии и эмоционального выгорания [Wilkinson 2017].

Эмпатия является ключевым элементом эффективных терапевтических отношений [Yuguero et al. 2017, p. 8]. У людей с высоким уровнем эмпатических способностей более развита способность понимать, чувствовать и сопереживать чувствам других людей. Это является важным аспектом социальной коммуникации и позволяет лучше понимать окружающих людей. Однако высокий уровень эмпатии может также привести к эмоциональному выгоранию. Люди с развитой эмпатией сталкиваются с большим количеством эмоциональных сигналов, которые они воспринимают от окружающих. Это может приводить к перегрузке, усталости и депрессии. Кроме того, люди с высоким уровнем эмпатии часто сталкиваются с проблемой избыточного сопереживания. Они так сильно переживают чужие проблемы, что могут забыть о своих собственных потребностях. Это может привести к истощению сил и эмоциональному выгоранию.

Еще одним важным фактором риска формирования эмоционального выгорания в процессе обучения является выраженность определенных черт характера (акцентуации), которые могут вызывать проблемы адаптации в определенных ситуациях, когда данные черты подвергаются излишней перегрузке в результате какой-либо деятельности. Поэтому акцентуированные черты характера могут быть одной из причин эмоционального выгорания. Например, люди с демонстративной акцентуацией характера могут быть склонны к чрезмерной драматизации и эмоциональной перегрузке, что может повысить риск эмоционального выгорания. Люди с акцентуацией характера «Застывание» могут страдать от избыточной ответственности и жестокости к себе, что также может привести к выгоранию [Genevieve et al. 2022, p. 5].

Цели исследования

Целью данного исследования было определение основных психологических факторов, предрасполагающих к последующему формированию эмоционального выгорания у студентов СМПО еще на этапе обучения.

Выборка исследования

Исследование проводилось в два этапа: на этапе поступления в вуз и в процессе учебы.

В первом этапе исследования приняли участие абитуриенты 2021–2023 гг. поступления в количестве 691 человека. Возраст абитуриентов составлял от 17 до 22 лет.

туриентов – от 16 до 22 лет. Данной группе предлагалось пройти ряд методик, оценивающих личностные качества и профессиональные представления на этапе поступления. Описание полученных результатов предполагает выявление психологических особенностей, характерных для данной группы с целью описания усредненного профиля абитуриента, поступающего в медицинский вуз по направлению СПМО.

Во втором этапе исследования приняли участие студенты, проходящие подготовку в рамках первых двух лет обучения. В исследуемую группу вошли 50 студентов 1-го курса Российского университета медицины СМПО 2022 г. зачисления (26 мужчин и 24 женщины), ко второму году обучения количество студентов сократилось до 26 человек (13 мужчин и 13 женщин). Участники исследования относятся к категории молодых людей в возрасте от 17 до 23 лет ($19,7 \pm 2,27$). Разница в объеме выборки связана с отсевом студентов после первого года обучения и отсутствия некоторых студентов из первоначального набора по личным причинам. Исследование носит лонгитюдный характер и представляет собой описание результатов, полученных на 1-м и 2-м курсах обучения данной группы, и их сравнение с целью определения динамики эмоционально-психологического статуса студентов и оценки формирования эмоционального выгорания в процессе обучения.

Методы исследования

На первом этапе исследование проводилось с помощью следующих методик: дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова, опросник Шмишека для изучения выраженности акцентуаций характера, диагностика инструментальных ценностей по методике М. Рокича, методика оценки факторов привлекательности профессии.

На втором этапе исследование проводилось с помощью следующих методик: диагностика уровня эмпатических способностей В. Бойко, диагностика уровня эмоционального выгорания В. Бойко, опросник Шмишека для изучения выраженности акцентуаций характера.

В исследовании были использованы следующие методы статистической обработки данных: U-критерий Манна–Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, сравнение и поиск средних значений.

Результаты первого этапа исследования

Переходя к описанию результатов исследования, стоит подчеркнуть важность описания особенностей личности и профессиональной направленности абитуриентов для формирования полного представления об их установках и желаемых перспективах будущей профессии. Эти данные позволяют шире взглянуть на одну из возможных причин возникновения учебного выгорания – несоответствие реального процесса обучения и требований первичным представлениям, сформированным при поступлении.

Данные абитуриентов за 2021–2022 гг. по дифференциально-диагностическому опроснику Е.А. Климова позволяют судить о существовании определенных тенденций в рамках профессиональной направленности желающих получить медицинское образование.

Так, наиболее выраженные шкалы Человек–человек и Человек–природа свидетельствуют о желании заниматься профессиональной деятельностью, направленной на взаимодействие с другими людьми, а также на взаимодействие с природными объектами (растениями, животными). Такая направленность на натуральные профессии соответствует актуальным целям, связанным с поступлением в медицинский вуз.

Обработка результатов опросника акцентуаций характера Леонгарда-Шмишека абитуриентов 2022–2023 годов поступления позволила выделить наиболее выраженные и распространенные для данной группы черты характера: Гипертимность и Эмотивность, чуть менее выражены оказались Дистимность и Циклотимность. Люди с гипертимным типом акцентуации обычно воспринимают жизнь положительно, легко находят общий язык с другими людьми и активно участвуют в различных событиях. Они часто стремятся к новым впечатлениям и постоянно находятся в поиске новых впечатлений. Также данная группа характеризуется склонностью к интенсивным эмоциональным реакциям на окружающие события такие люди имеют выраженные чувства и склонны к частым изменениям настроения. Остальные характерные типы акцентуаций предполагают как положительные, так и отрицательные интенсивные эмоциональные переживания.

Отдельно стоит отметить довольно низкие показатели по шкале «Педантичность». При этом большинство участников тестирования отмечали важность качества «аккуратность» для медицинского работника. При низких показателях педантичности и излишней эмоциональности трудно следовать установленным правилам, что может быть источником напряжения и негативных переживаний в процессе обучения.

При исследовании ценностной сферы личности абитуриентов респонденты отметили высокую важность практически всех предоставленных выборов. Однако стоит обратить внимание на те ценности, которые по каким-то причинам оценивались ниже остальных.

На первый план выступает достаточно низкая средне-групповая оценка ценности «Нетерпимость к недостаткам». Данная ценность, как правило, связывается со стремлением к безупречности и желанием видеть безупречность в других. Идеализация и безукоризненное выполнение правил оказалось несвойственно участникам группы абитуриентов. Низкую оценку, на фоне остальных шкал, получила ценность «Высокие запросы», которая связывается с высоким уровнем притязаний и желанием получать от жизни все.

Особый интерес вызывает то, что такие оценки были получены в ходе психологического испытания, которое является одним из этапов зачисления в университет. Зачастую испытуемые склонны демонстрировать завышенную уверенность в собственных умениях и навыках в активностях, от которых зависит судьба их начинаний и которые могут повлиять, помочь или помешать достижению цели. Однако в данном исследовании не было замечено таких эффектов. Таким образом, мы можем отметить, что данные результаты являются не ситуативными, а свойственны данной группе.

Основными факторами привлекательности профессии в группе абитуриентов были выделены важность труда, работа с людьми, условия к самосовершенствованию, соответствие способностям. Такие ответы в группах соответствуют приверженности выбору данной профессии, а также соотносятся с результатами ранее описанных методик. Фактор «Длительность рабочего дня» получил высокую оценку как значимый. В представлении абитуриентов профессиональная реализация в медицинской сфере привязана к большому количеству рабочих часов и посвящению будущей работе львиной доли собственного времени.

Результаты второго этапа исследования

Исследование психологических особенностей студентов СМПО позволило выделить основные отличительные черты данной группы.

Акцентуациями характера, наиболее часто встречающимися в группе студентов СМПО, обучающихся на 1-м курсе Российского университета медицины, являются Гипертимность, Экзальтированность, Демонстративность и Застравание.

Данные типы акцентуаций предполагают высокую интенсивность эмоционального реагирования в процессе взаимодействия с другими людьми и, как следствие, задействование большого количества психических ресурсов. При длительном психическом напряжении и постоянном воздействии стресса возрастает риск психической дезадаптации и возникновения ранних симптомов эмоционального выгорания.

Таблица 1

Акцентуации характера, 1-й курс

Акцентуации	Среднее	Стд. отклонение
Дистимность	10,17	4,538
Гипертимность	16,63	5,127
Циклотимность	15,91	4,769
Возбудимость	9,59	5,572
Эмотивность	16,11	4,914
Экзальтированность	18,13	5,290
Тревожность	11,09	5,652
Педантичность	12,35	4,265
Демонстративность	14,09	4,130
Застревание	14,78	3,759

Значимые различия средних значений между группами 1-го и 2-го курса СМПО, с использованием U-критерия Манна–Уитни, обнаруживаются в акцентуациях Эмотивность, Экзальтированность и Демонстративность.

На втором курсе обучения данной группы студентов в целом снижаются показатели выраженности акцентуаций. Однако отмечается заострение черт характера, соответствующих застревающему типу акцентуаций.

Таблица 2

Акцентуации характера, 2-й курс

Акцентуации	Среднее значение в группе	Ст. Отклонение	Процент студентов, имеющих выраженную акцентуацию (%)
Дистимность	9,58	4,492	7,7
Гипертимность	16,27	4,813	26,9
Циклотимность	15,46	5,346	19,2
Возбудимость	9,92	6,615	3,8
Эмотивность	13,62	4,508	7,7
Экзальтированность	16,85	5,097	26,9
Тревожность	11,54	6,218	11,5
Педантичность	11,23	3,536	7,7
Демонстративность	12,92	4,127	23,1
Застравание	15,00	2,668	23,1

Средние показатели общего уровня эмпатических способностей в группе студентов СМПО 2-го курса соответствуют заниженному уровню эмпатии. Также обнаруживается тенденция к выраженному снижению эмпатических способностей за время обучения в медицинском вузе. Наибольшее снижение эмпатических способностей отмечается по шкалам «Интуитивный канал эмпатии», «Эмоциональный канал эмпатии» и «Идентификация в эмпатии».

По результатам сравнения средних показателей по U-критерию Манна–Уитни не обнаруживается значимых различий в выраженности компонентов эмпатии между группами 1-го и 2-го курсов СМПО.

По результатам исследования 84,6% студентов демонстрируют заниженный уровень эмпатических способностей. Результаты оставшихся 15,4% соответствуют среднему уровню развития эмпатических способностей. Ни один из респондентов не продемонстрировал наличие высокого или очень высокого общего уровня развития эмпатии.

Наиболее характерным каналом эмпатии для группы СМПО оказался эмоциональный канал эмпатии, также преобладающими оказались установки на эмпатию и проникающая способность в эмпатию. Доминирование этих компонентов эмпатии свидетельствует о готовности человека сопереживать другому, углубляться в чужие проблемы и переживания, готовность обрабатывать полученную при межличностном взаимодействии информацию при помощи собственных эмоций и моментально реагировать на нее.

Таблица 3

Диагностика эмоционального выгорания, 1-й курс

Симптомы СЭВ	Складывающийся симптом, %	Сложившийся симптом, %
Переживание психотравмирующих обстоятельств	17,7	23,5
Неудовлетворенность собой	17,6	5,9
Загнанность в клетку	24,5	0
Тревога и депрессия	11,8	52,9
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	29,4	70,6
Эмоционально-нравственная дезориентация	23,5	47,1
Расширение сферы экономии эмоций	17,6	41,2
Редукция профессиональных обязанностей	5,9	52,9
Эмоциональный дефицит	27,6	47,1
Эмоциональная отстраненность	29,4	23,5
Личностная отстраненность (деперсонализация)	29,4	23,5
Психосоматические и психовегетативные нарушения	23,6	17,6
Фазы переживания стресса	Фаза в стадии формирования	Фаза сформировалась
Фаза напряжения	23,7	5,9
Фаза резистентности	23,6	58,8
Фаза истощения	29,4	35,3

Примечательно, что на втором курсе наблюдается расхождение студентов «по полюсам» применительно к реализации в коммуникации различных компонентов эмпатии, т. е. заостряются выраженные черты характера, в то время как акцентуации второго и третьего порядка постепенно сглаживаются. Вероятно, это связано с привыканием и попыткой адаптироваться к нагрузке в рамках учебного процесса. Вследствие этого представляется возможным провести анализ и выделить наиболее адаптивные стратегии совладания с возникающим стрессом, повышенными

требованиями к учебе и постоянным взаимодействием внутри группы студентов, с педагогическим составом и пациентами, в ходе учебной практики.

Таблица 4

Диагностика эмоционального выгорания, 2-й курс

Симптом эв	Средние	Ст. Отклонение	Симптом формируется, %	Сформированный симптом, %
Переживание психотравмирующих обстоятельств	8,73	7,877	11,5	23,1
Неудовлетворенность собой	4,88	4,598	33,1	0
Загнанность в клетку	4,85	5,917	15,4	3,8
Тревога и депрессия	12,12	9,568	7,7	42,3
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	20,00	6,293	19,3	76,7
Расширение сферы экономии эмоций	13,15	10,552	7,4	46,2
Редукция профессиональных обязанностей	12,88	8,664	34,6	26,1
Эмоционально-нравственная дезориентация	13,54	7,783	42,3	35,6
Эмоциональный дефицит	12,62	8,746	7,4	46,2
Эмоциональная отстраненность	11,62	6,444	38,5	19,2
Личностная отстраненность (деперсонализация)	10,27	8,730	19,3	26,9
Психосоматические и психовегетативные нарушения	6,58	7,931	25,4	7,7
Фаза напряжения	30,58	20,312	23,1	11,5
Фаза резистентности	59,58	25,649	30,8	50
Фаза истощения	41,08	26,236	26,9	15,4

Изучение симптомов выгорания показало, что для студентов СМПО 2-го курса наиболее характерными оказались симптомы фазы СЭВ «резистентность». Такие результаты могут свидетельствовать о том, что под действием хронических стресс-факторов постоянно расходуются психические ресурсы, порождая сильное перманентное напряжение, которое неминуемо приводит к истощению адаптационных возможностей организма.

Оценивая различия между результатами проведенного исследования на первом курсе обучения и на втором, можно также отметить тенденцию к разделению испытуемых на тех, кто смог адаптироваться к процессу обучения, кто находится в процессе поиска адаптивных механизмов и стратегий для совладания с возникающим стрессом, и тех, кто по какой-то причине не смог адаптироваться к предъявляемым требованиям учебной среды.

Однако несмотря на то что примерно половина респондентов 2-го курса отметили влияние хронического стресса в своих ответах, спустя год обучения общий уровень выраженности отдельных симптомов и фаз эмоционального выгорания значимо снизился. Это явление также описывается в подобных отечественных и зарубежных исследованиях и связывается с процессом встраиваемости в актуальную деятельность учащегося.

По данным корреляционного анализа видно, что шкала «эмоционального канала эмпатии» в системе типов эмпатического отреагирования у студентов 2-го курса СМПО положительно коррелирует с симптомом эмоционального выгорания «тревога и депрессия» ($K = 0,544$, $p = 0,004$) и в целом с формированием стадии «напряжения» ($K = 0,518$, $p = 0,007$). Общий уровень развития эмпатических способностей положительно коррелирует с начальным симптомом эмоционального выгорания «неудовлетворенность собой» ($K = 0,5038$, $p = 0,009$).

Таким образом, можно выделить основные факторы, определяющие возникновение ранних симптомов эмоционального выгорания у студентов СМПО. Выраженные показатели по шкале «эмоциональный канал эмпатии» и преобладание эмоционального отреагирования и сопереживания в межличностном взаимодействии является серьезным фактором риска возникновения отдельных симптомов эмоционального выгорания. Наиболее часто встречающиеся симптомы эмоционального выгорания возникают вследствие эмоционального перенапряжения и чрезмерного переживания в ходе обработки информации, поступающей от других людей.

Одной из особенностей эмпатии, выступающей в роли препятствующего фактора и уменьшающего риск возникновения эмоционального выгорания, является проникающая способность

в эмпатии. Выявляется значимая отрицательная корреляция ($K = -0,557$, $p = 0,003$) между проникающей способностью в эмпатии и выраженностью симптомов выгорания стадии «напряжение», а также между проникающей способностью в эмпатии и стадией выгорания «резистентность» ($K = -0,508$, $p = 0,008$). Проникающая способность в эмпатии расценивается как важное коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Именно такой тип контакта оказался наиболее продуктивным в сфере межличностного взаимодействия в контексте обучающего процесса для студентов СМПО.

Другим компонентом эмпатии, выступающим в роли защитного фактора и препятствующим возникновению симптомов эмоционального выгорания, является «установка на эмпатию». Данный компонент имеет обратную связь с симптомом выгорания «редукция профессиональных обязанностей» на значимом уровне ($K = -0,498$, $p = 0,010$). Редукция профессиональных обязанностей считается одним из наиболее негативных и значимых симптомов эмоционального выгорания в контексте работы медицинского персонала. При наличии данного симптома работник формализирует свои профессиональные обязанности и снимает с себя большую часть ответственности, что приводит к негативным последствиям не только в рабочей среде, но и несет значительный вред процессу лечения, а иногда жизни и здоровью пациентов.

Особенности характера будущего специалиста также могут выступать важным фактором формирования отдельных симптомов выгорания уже на этапе подготовки медицинских кадров. Данные позволяют выявить в нашем исследовании связь между выраженными акцентуациями характера с риском формирования начальной стадии эмоционального выгорания и выявления ранних симптомов выгорания на всех этапах обучения. К таким данным относятся положительные корреляции по шкалам Циклотимность ($K = 0,400$, $p = 0,043$), Экзальтированность ($K = 0,476$, $p = 0,014$), Застревание ($K = 0,441$, $p = 0,024$).

С выраженностью симптомов более поздних стадий выгорания оказались связаны такие акцентуации, как дистимность и экзальтированность. Так, дистимность значимо коррелирует с оценкой сформированности симптомов выгорания, соответствующих стадиям «резистентность» ($K = 0,437$, $p = 0,026$) и «истощение» ($K = 0,465$, $p = 0,017$). Выраженность акцентуации «экзальтированность», в свою очередь, коррелирует с наличием симптомов, характерных для стадии «истощение» ($K = 0,478$, $p = 0,014$). Студенты, имеющие описанные характерологические особенности, больше

других подвержены риску усугубления и закрепления отдельных симптомов выгорания, которые с большей вероятностью могут перейти уже в сложившийся синдром эмоционального выгорания.

Выводы

Таким образом, основными психологическими особенностями абитуриентов являются: приверженность к выбору профессий, связанных с тесным взаимодействием с другими людьми или объектами природы; в группе преобладают черты характера, связанные с интенсивными эмоциональными переживаниями и предполагающие большое количество затрат психических ресурсов; интерес к выбранной области знаний; понимание профессиональных перспектив, привлекающих абитуриента на этапе поступления.

Существует значимая положительная взаимосвязь между эмоциональным компонентом эмпатии и формированием симптомов эмоционального выгорания, характерных для стадии «напряженность» у студентов СПМО.

Компоненты эмпатии «проникающая способность в эмпатии» и «установки на эмпатию» выступают в роли защитных факторов на пути формирования ранних симптомов эмоционального выгорания в данной группе.

Акцентуации характера дистимность, циклотимность, застревание и экзальтированность могут выступать фактором формирования, закрепления и углубления симптомов эмоционального выгорания наряду с некоторыми эмпатическими способностями, в основном относящимися к эмоциональной сфере индивида.

В целом было отмечено, что компоненты эмпатии и основные типы акцентуаций характера предрасполагают к высокой степени эмоционального реагирования, что может быть фактором риска возникновения отдельных симптомов эмоционального выгорания. Ввиду того, что характерные для данных личностных особенностей стратегии и проявления поведения предрасполагают к значительным затратам эмоциональных ресурсов, это может приводить к быстрому истощению и уязвимости при регулярных стрессовых воздействиях во время учебы.

Таким образом, можно предполагать, что зачатки эмоционального выгорания, а иногда и отдельные симптомы, могут формироваться еще в процессе подготовки медицинских кадров и что фокус на данной проблеме должен включать в себя не только профилактику профессионалов и обученных специалистов, но и студентов, получающих медицинское образование.

Для предотвращения психической дезадаптации студентов важно обеспечивать поддержку и помощь со стороны учебного заведения. Это может включать в себя предоставление психологической помощи, организацию тренингов по управлению стрессом, развитию навыков социальной адаптации, а также создание благоприятной и поддерживающей атмосферы в учебном заведении. Важно также обратить внимание на факторы, влияющие на психическое здоровье студентов, и предпринимать меры для их решения. Дополнительно к основным мерам предотвращения психической дезадаптации студентов можно отнести развитие навыков саморегуляции, заботу о физическом здоровье, создание условий для продуктивного обучения, а также поощрение открытого общения и поддержки между студентами. Распространение информации о доступных ресурсах и услугах, оказываемых учебным заведением, также важно для борьбы с психической дезадаптацией среди студентов. Кроме того, необходимо также учитывать индивидуальные особенности каждого студента и предоставлять персонализированную поддержку в случае необходимости. Обучение навыкам рационального мышления, управления временем и эмоциями также может помочь студентам справляться с давлением и стрессом, что в свою очередь снижает риск психической дезадаптации. Также важно осуществлять мониторинг психического состояния студентов и проводить профилактическую работу, направленную на поддержание и укрепление их психического здоровья. Сотрудничество с психологами и специалистами в области психиатрии также может быть полезным для обеспечения необходимой помощи студентам.

Литература

- Ахметова и др. 2022 – Ахметова А.М., Садретдинова Л.Д., Габитова Д.М., Ишимухаметова А.Н., Ильясова Т.М. Эмоциональное выгорание и признаки депрессии у студентов медицинского вуза // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Т. 14. № 3 (2). С. 90–103.
- Бузина и др. 2023 – Бузина Т.С., Олейников С., Макарова И.В. Определение стратегически важных направлений в работе психологической службы медицинского вуза // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2023. № 1. С. 120–130.
- Мальгин и др. 2007 – Мальгин В.Л., Искандирова А.Б., Пахтусова Е.Е., Шевченко Д.В. Распространенность синдрома эмоционального выгорания у врачей различных специальностей // *Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий*

- (в медицинской, психологической и педагогической практике): Сб. науч. ст. / Под ред. В.В. Лукьянова, С.А. Подсадного. Курск: КГУ, 2007. С. 108–110.
- Монгуш, Доспан-оол 2021 – *Монгуш Ч.Н., Доспан-оол С.С.* Профессиональное выгорание медицинских сестер // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2021. № 4. С. 61–71.
- Backović et al. 2019 – *Backović D.V., Živojinović J.I., Maksimović J., Maksimović M.* Gender differences in academic stress and burnout among medical students in years of education // *Psychiatr Danubina*. 2019. Vol. 24. № 2. P. 175–181.
- Dugani et al. 2018 – *Dugani S., Afari H., Hirschhorn L.R., Ratcliffe H., Veillard J., Martin G., Lago-marsino G., Basu L., Bitton A.* Prevalence and factors associated with burnout among frontline primary health care providers in low- and middle-income countries: A systematic review // *Gates Open Research*. 2018. № 2. P. 4.
- Genevieve et al. 2022 – *Genevieve C., Margiotta F., Doherty A.M.* Physician burnout and symptom of anxiety and depression: Burnout in Consultant Doctors in Ireland Study // *Plos One*. 2022. № 18 (3). P. 5.
- Lee, Lim 2017 – *Lee M.K., Lim S.H.* Relationships among academic burnout, stress coping and college adjustment in nursing students // *Asia-pacific Journal of Multimedia services convergent with Art, Humanities and Sociology*. 2017. № 7 (6). P. 2.
- Pulloori, Vijayan 2023 – *Pulloori S., Vijayan D.* Burnout and Emotional Regulation among Medical Students // *The International Journal of Indian Psychology*. 2023. Vol. 1. Iss. 3. P. 2–5.
- Reverté-Villarroya 2022 – *Reverté-Villarroya S., Gil-Mateu E., Sauras-Colón E., Barceló-Prats J., Albacar-Riobóo N., Ortega L.* Stressor Factors for Spanish Nursing Students in a Pandemic Context: An Observational Pilot Survey // *Nursing Report*. 2022. № 12. P. 708–716.
- Rodrigues et al. 2018 – *Rodrigues H., Cobucci R., Oliveira A., Cabral J.V., Medeiros L., Gurgel K., Souza T., Gonçalves A.K.* Burnout syndrome among medical residents: A systematic review and meta-analysis // *Plos One*. 2018. № 13. P. 4–7.
- Wilkinson 2017 – *Wilkinson H.* Examining the relationship between burnout and empathy in healthcare professionals: A systematic review // *Burnout Research*. 2017. Vol. 6. P. 18–29.
- Yuguero et al. 2017 – *Yuguero O., Marsal J.R., Esquerda M., Vivanco L., Soler-González J.* Association between low empathy and high burnout among primary care physicians and nurses in Lleida, Spain // *European Journal of General Practice*. 2017. № 23 (1). P. 4–10.

References

- Akhmetova, A.M., Sadretdinova, L.D., Gabitova, D.M., Ishmukhametova, A.N. and Ilyasova, T.M. (2022), “Emotional burnout and signs of depression in medical students”, *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, vol. 14, no. 3 (2), pp. 90–103.

- Backović, D.V., Živojinović, J.I., Maksimović, J. and Maksimović, M. (2019), "Gender differences in academic stress and burnout among medical students in years of education", *Psychiatr Danubina*, vol. 24, no. 2, pp. 175–181.
- Buzina, T.S., Oleinikov, S. and Makarova, I.V. (2023), "Determination of strategically important directions in the work of psychological service at a medical university", *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 1, pp. 120–130.
- Dugani, S., Afari, H., Hirschhorn, L.R., Ratcliffe, H., Veillard, J., Martin, G., Lagomarsino, G., Basu, L. and Bitton, A. (2018), "Prevalence and factors associated with burnout among frontline primary health care providers in low- and middle-income countries: A systematic review", *Gates Open Research*, vol. 2, article 4.
- Genevieve, C., Margiotta, F. and Doherty, A.M. (2022), "Physician burnout and symptom of anxiety and depression: Burnout in Consultant Doctors in Ireland Study", *Plos One*, vol. 18, iss. 3, p. 5.
- Lee, M.K. and Lim, S.H. (2017), "Relationships among academic burnout, stress coping and college adjustment in nursing students", *Asia-pacific Journal of Multimedia services convergent iwith Art, Humanities, and Sociology*, no. 7 (6), p. 2.
- Malygin, V.L., Iskandirova, A.B., Pakhtusova, E.E. and Shevchenko, D.V. (2007), "The prevalence of burnout syndrome among doctors of various specialties", in Lukyanov, V.V. and Podsadny, S.A. (eds.), *Problemy' issledovaniya sindroma "vygoraniya" i puti ego korrektsii u specialistov "pomogayushikh" professii (v medtsinskoj, psikhologicheskoi i pedagogicheskoi praktike): Sb. nauch. st.* Issues of research of the "burnout" syndrome and ways of its correction in specialists of "helping" professions (in medical, psychological and pedagogical practice). Collection of scientific articles], KSU, Kursk, Russia.
- Mongush, Ch.N. and Dospan-ool, S.S. (2021), "Professional burnout of medical nurses", *Vestnik of Tuvan State University. Pedagogical Sciences*, no. 4, pp. 61–71.
- Pulloori, S. and Vijayan, D. (2023), "Burnout and Emotional Regulation among Medical Students", *The International Journal of Indian Psychology*, vol. 1, iss. 3, pp. 2–5.
- Reverté-Villarroya, S., Gil-Mateu, E., Sauras-Colón, E., Barceló-Prats, J., Albacar-Riobóo, N. and Ortega, L. (2022), "Stressor Factors for Spanish Nursing Students in a Pandemic Context: An Observational Pilot Survey", *Nursing Report*, no. 12, pp. 708–716.
- Rodrigues, H., Cobucci, R., Oliveira, A., Cabral, J.V., Medeiros, L., Gurgel, K., Souza, T. and Gonçalves, A.K. (2018), "Burnout syndrome among medical residents: A systematic review and meta-analysis", *Plos One*, no. 13, pp. 4–7.
- Wilkinson, H. (2017), "Examining the relationship between burnout and empathy in healthcare professionals: A systematic review", *Burnout Research*, no. 6, pp. 18–29.
- Yuguero, O., Marsal, J.R., Esquerda, M., Vivanco, L. and Soler-González, J. (2017), "Association between low empathy and high burnout among primary care physicians and nurses in Lleida, Spain", *European Journal of General Practice*, no. 23 (1), p. 4–10.

Информация об авторах

Татьяна С. Бузина, доктор психологических наук, доцент, Российский университет медицины Минздрава России, Москва, Россия; 127006, Москва, ул. Долгоруковская, д. 4; tbuzina@gmail.com

Сергей Олейников, Российский университет медицины Минздрава России, Москва, Россия; 127006, Россия, Москва, ул. Долгоруковская, д. 4; alien4yourself@gmail.com

Information about the authors

Tatiana S. Buzina, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian University of Medicine, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 4, Dolgorukoskaya Street, Moscow, Russia, 127006; tbuzina@gmail.com

Sergey Oleynikov, Russian University of Medicine, Ministry of Health of the Russian Federation; bld. 4, Dolgorukovskaya Street, Moscow, 127006; alien4yourself@gmail.com

УДК 159.923

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-102-116

Агрессивность и конфликтность как личностные черты геймеров

Владимир В. Козин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gamersontrip8bit@yandex.ru*

Максим Е. Осипов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, osipov.m@rggu.ru*

Аннотация. В статье представлено исследование склонности к агрессивному поведению у людей, играющих и не играющих в видеоигры. В исследовании приняли участие 184 играющих в видеоигры респондента и 88 не играющих в видеоигры респондентов, что совокупно составляет 272 человека. Изучались особенности личностных черт людей с различным опытом видеоигровой деятельности и жанровыми предпочтениями. Были выдвинуты предположения о том, что у лиц, играющих в видеоигры, склонность к агрессивности и конфликтности будет выше, чем у не играющих в видеоигры респондентов, а также о том, что играющие в видеоигры респонденты будут показывать больший уровень склонности к агрессивности и конфликтности по мере возрастания затрачиваемого на видеоигры времени, а также во взаимосвязи с избираемыми ими агрессивными и конкурентными жанрами видеоигр. Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что люди, которые играют в видеоигры, значимо не отличаются от людей, не играющих в видеоигры по показателям агрессивности и конфликтности, вне зависимости от проведенного за видеоигровой деятельностью времени и жанровых предпочтений. Также было выявлено, что женщины, не имеющие детей, более склонны к проявлению негативной агрессии, чем женщины с детьми.

Ключевые слова: агрессивность, конфликтность, конкуренция, видеоигры, деятельность, геймеры

Для цитирования: Козин В.В., Осипов М.Е. Агрессивность и конфликтность как личностные черты геймеров // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 102–116. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-102-116

© Козин В.В., Осипов М.Е., 2024

Aggression and conflict as personality traits of gamers

Vladimir V. Kozin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gamersontrip8bit@yandex.ru*

Maksim E. Osipov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
osipov.m@rggu.ru*

Abstract. This article presents a study of the propensity for aggressive behavior in people who play and do not play video games. The study involved 184 video game-playing respondents and 88 non-video game-playing respondents, totaling 272 people. The characteristics of personality traits of people with different video game experiences and genre preferences were studied. It was hypothesized that video game-playing individuals would have a higher propensity for aggression and conflict than non-video game-playing respondents, and that video game-playing respondents would show a higher level of propensity for aggression and conflict as the amount of time spent playing video games increases, as well as in relationship to the aggressive and competitive video game genres they choose.

The results suggest that people who play video games do not differ significantly from people who do not play video games on measures of aggression and conflict, regardless of time spent playing video games and genre preferences. It was also revealed that women without children are more prone to negative aggression than women with children.

Keywords: aggressiveness, proneness to conflict, competition, video games, activity, gamers

For citation: Osipov, M.E. and Kozin, V.V. (2024), "Aggression and conflict as personality traits of gamers", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 102–116, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-102-116

Видеоигры за более чем 40 лет прошли путь от нишевого развлечения для детей до киберспортивной дисциплины для взрослых. Уровень разработанности как технической, так и художественной стороны, качество драматургии постоянно возрастали. Поэтому современные видеоигры стали привлекать к себе все больше игроков из различных социальных и возрастных категорий. Согласно исследованию И.А. Седых, средний возраст геймера составляет 34 года, а распределение между мужчинами и женщинами в этой

статистике примерно равное. Количество людей, играющих в видеоигры, превышает 2,5 млрд человек [Седых 2020, с. 33]. Столь значительная вовлеченность людей в видеоигровую деятельность не могла не заинтересовать различные социальные науки, в том числе и психологию.

Влияние видеоигр все чаще становится предметом споров среди обеспокоенных родителей, исследователей, политиков, геймеров (игроков в видеоигры) из разных стран [Аветисова 2011, с. 36]. Развитие дискурса о вреде видеоигр и их взаимосвязи с ростом опасного или девиантного поведения подростков и взрослых, исследования, проведенные в этом направлении, привели к тому, что в Международную классификацию болезней (МКБ-11), вступившую в силу в 2022 г., было внесено расстройство под кодом 6C51 Gaming disorder или Игровое расстройство / Игровая зависимость. Игровое расстройство отнесено в классификации в раздел аддиктивного поведения. Множество исследований, проведенных в отношении игроков в видеоигры (геймеров), раскрывают разные стороны взаимоотношений между игроками, видеоиграми и обществом. В последние годы отмечается устойчивый рост числа публикаций, посвященных поиску связей между увлечением видеоиграми, агрессией, насилием [Пономарёва 2022, с. 173], уделяется внимание вопросу поиска связей между агрессивным поведением людей и их видеоигровыми увлечениями. Некоторые исследователи отмечают увеличение жестокого и агрессивного поведения геймеров [Anderson, Bushman 2001, с. 37]. Другие же исследователи считают, что увеличение агрессии не связано непосредственно с вовлеченностью в видеоигры [Zhang et al. 2010, с. 1015; Schmierbach 2010, с. 260]. Ряд авторов приводят данные о снижении агрессивности и агрессивного поведения у подростков, вовлеченных в агрессивные видеоигры [Ferguson, Olson 2013, с. 162]. Таким образом, в исследованиях не наблюдается каких-либо единых выводов о наличии связи между агрессивным поведением и видеоигровой деятельностью. Кроме того, в исследованиях в основном не раскрывается, что подразумевается под агрессией в каждом отдельном исследовании. В гуманистическом подходе агрессия рассматривается как негативная черта неразвитой или невротичной личности. Для зрелой личности используется характеристика «здоровой агрессии» – способности человека самоутверждаться, лично расти, следовать собственным целям и смыслам без причинения вреда другим людям [Maslow 1977, с. 100]. Исследователи А. Басс и М. Перри в общей структуре агрессивного человеческого поведения выделяли такие составляющие, как физическая и вербальная агрессия, гнев, обида, подозрительность, враждебность [Ениколопов, Цибульский 2007, с. 115–120]. А. Бек

рассуждал об агрессии как поведенческой системе, построенной на быстрой и поверхностной оценке событий в рамках проявления конкуренции, факторов, угрожающих безопасности жизни, личности, социального положения, образа Я или угрожающих некоторым другим важным убеждениям [Бек 2022, с. 88–190]. Исследователи Е.Г. Шестакова и Л.Я. Дорфман разделяют категории агрессивного поведения и агрессивности как черты личности [Шестакова, Дорфман 2009, с. 53–61]. Е.П. Ильин рассматривает агрессивность как позитивную или негативную, подчеркивая направленность субъекта на защиту собственных позиций и интересов или направленность на разрушение, нападение на другого человека. Исследователь добавляет к конструкту агрессивности категорию «конфликтность», обозначая агрессивность в межличностной плоскости, фокусируясь на конфликте интересов участников ситуации, таким образом описывая агрессию как комплексное явление, включающее в себя множество факторов¹. Принимая во внимание сложность и комплексность агрессии, в исследовании мы рассматриваем только ее личностный аспект, выраженный такими чертами личности, как агрессивность и конфликтность.

Целью работы было изучение особенностей личностных черт людей с различным опытом видеоигровой деятельности. Мы предположили, что у респондентов, играющих в видеоигры, будет более выражена склонность к агрессивности и конфликтности по сравнению с неиграющими. Предполагалось, что игроки, предпочитающие насильственный и конкурентный игровой опыт путем подбора специального жанра игр, будут отличаться от игроков, выбирающих менее конкурентные и насильственные видеоигры, по показателям агрессивности и конфликтности в большую сторону. Также ожидалось, что у играющих в видеоигры респондентов будет отмечаться увеличение склонности к агрессивности и конфликтности по мере возрастания затрачиваемого на видеоигры времени.

Методы и процедура исследования

Исследование проводилось путем сбора исследовательской информации посредством проведения анкетирования при помощи сервиса Гугл Формы (Google Forms). Сбор данных проводился по методике «Личностная агрессивность и конфликтность» (авторы Е.П. Ильин и П.А. Ковалев) и авторскому опроснику. Собранные

¹ Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2014. С. 25–37.

данные анализировались на предмет различий между группами с использованием критерия Манна–Уитни (Manna–Whitney U-test) и критерия Краскела–Уоллеса (Kruskal–Wallis test) при помощи статистического пакета IBM SPSS Statistics ver.26.0.0. так как собранные данные не отвечали критерию нормальности распределения.

Участие в исследовании приняли 272 человека. Из них 136 мужчин ($M = 29,7$; $SD = 8,91$) и 136 женщин ($M = 34,4$; $SD = 9,28$) в возрасте от 18 до 61 года ($M = 32,1$; $SD = 9,39$). В рамках сбора социально-демографических данных нами задавались вопросы о семейном положении, наличии детей, занятости, их вовлеченности в события, связанные с видеоиграми и видеоигровой индустрией. На основании собранных данных мы выявили, что большинство респондентов проживают с партнером (54,4%) и находятся в браке либо живут совместно с партнером без регистрации таких отношений (51,6%), при этом большинство участников не имеют детей (69%) и работают очно, т. е. без использования средств удаленной работы (47,2%) или удаленно (25%), что дает в совокупности 72,2% респондентов, имеющих постоянную работу.

Также респонденты отмечали следующие условия проживания: с родителями (24,6%), в одиночку (18,1%) и живущих в общежитии 2,8%. В качестве семейного положения респонденты отмечали следующие статусы чаще всего: холост (35,5%), встречаюсь (8,9%), в разводе (4%). Респонденты отметили количество имеющихся у них детей, таким образом респондентов, имеющих одного ребенка, было 12,9%, двух детей – 14,5%, трех и более детей – 3,6%. Помимо работы, наши респонденты имели и другие виды занятости. Так 13,3% учатся очно или заочно, а 0,2% учатся удаленно. 13,7% опрошенных нами респондентов не имеют постоянной занятости. В среднем участнику нашего исследования около 32 лет, он проживает с партнером и состоит в браке либо сожительствует без государственной регистрации отношений, имеет работу и не имеет детей.

Анализ и обсуждение результатов

Полученные результаты позволили нам говорить о различиях между группами играющих и неиграющих респондентов по субшкалам «Вспыльчивость» ($p = 0,036$) и «Нетерпимость ко мнению других» ($p = 0,03$). Показатель «Вспыльчивость» является составным для шкалы «Конфликтность», а показатель «Нетерпимость к мнению других» – составным для шкалы «Негативная агрессивность». Не играющие в видеоигры респонденты имели большие показатели, однако несмотря на обнаруженные различия,

по интегральным шкалам методики различий обнаружено не было. Однако данные различия могли быть связаны с неравномерностью в выборке по признаку гендера, поскольку 74% неиграющих испытуемых – женщины, а сравнение мужской и женской выборки показало различия по шкалам, указанным выше.

В группе играющих респонденты-женщины по сравнению с мужчинами имели более высокие показатели по шкалам «Вспыльчивость» ($p = 0,000207$), «Обидчивость» ($p = 0,000204$), «Мстительность» ($p = 0,002$), «Нетерпимость ко мнению других» ($p = 0,001$), «Негативная агрессивность» ($p = 0,000083$), «Конфликтность» ($p = 0,000499$). В связи с тем, что в группе не играющих в видеоигры доля мужчин была недостаточна для качественного статистического сравнения по гендерному принципу, то оно не проводилось. При общем сравнении мужской и женской выборки женская выборка показала более высокие значения по шкалам «Вспыльчивость», «Обидчивость», «Нетерпимость ко мнению других», «Негативная агрессивность», «Конфликтность», приведенным в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика показателей агрессивности и конфликтности у мужчин и женщин

Наименование шкалы	Средний балл мужчин	Средний балл женщин	p-level
Вспыльчивость	4,80	6,13	0,000024
Обидчивость	3,39	4,64	0,000007
Нетерпимость ко мнению других	2,83	3,6	0,000739
Негативная агрессивность	6,58	7,6	0,009203
Конфликтность	20,51	22,91	0,000474
Неуступчивость	3,62	3,16	0,023745
Подозрительность	4,86	4,31	0,030131

Дальнейшее сравнение женщин, играющих (гр. 1) и не играющих (гр. 2) в видеоигры, показало, что женщины, играющие в видеоигры, демонстрировали более высокие показатели по шкалам «Негативная агрессивность» ($p = 0,024$) и «Мстительность» ($p = 0,001$).

Для оценки вклада в выявленные различия социально-демографического профиля мы учли, что внутри сравниваемых нами групп есть значительное расхождение между подгруппами респондентов,

имеющих и не имеющих детей. В группе из 72 женщин, играющих в видеоигры, лишь 18 имеют детей, а в группе не играющих в видеоигры женщин из 64 человек лишь 23 детей не имеют. Результаты группы респондентов, имеющих 2-х и более детей, не учитывались в связи с ее малочисленностью.

При сравнении групп, не имеющих детей и с одним ребенком, мы обнаружили, что женщины, не имеющие детей, демонстрируют более высокие показатели по шкалам «Мстительность» ($p = 0,0001$) и «Негативная агрессивность» ($p = 0,001$) по сравнению с женщинами, имеющими детей. Это хорошо соотносится с результатами других исследований [Малолеткова 2015, с. 111], и можно предположить, что именно факт наличия/отсутствия детей вносил значительный вклад в выявленное различие между играющими и неиграющими женщинами.

Основываясь на ответах респондентов о количестве времени, проводимого в неделю за компьютерными играми, они были разделены на 7 групп. Группа № 1 – до 3 часов в неделю, группа № 3 – от 4 до 6 часов, группа № 4 – от 6 до 12 часов, группа № 5 – от 12 до 18 часов, группа № 6 – от 19 до 40 часов, группа № 8 – более 40 часов и группа № 0 – не играют вообще.

Анализ различий в отношении указанных групп показал значимое различие лишь по шкале «Нетерпимость к мнению других» ($p = 0,00093$), таким образом различий по интегральным шкалам не выявлено. Из анализа были исключены результаты группы № 8 в связи с ее малочисленностью. Значимые различия между группами были распределены в соответствии с рис. 1.

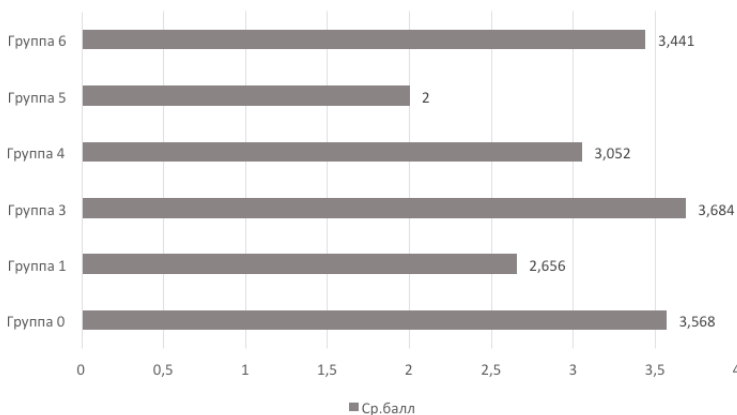

Рис. 1. Средние значения субшкалы «Нетерпимость ко мнению других»

Данные результаты указывают на сложный характер связи количества времени, уделяемого видеоигровой деятельности, и показателей конфликтности и агрессивности. С одной стороны, люди, играющие до 3-х часов/нед. (группа № 1) и играющие 12–18 часов/нед. (группа № 5), имели самые низкие показатели нетерпимости к мнению других в нашем исследовании по сравнению с другими группами. Таким образом, можно предположить, соответственно менее склонны к проявлению агрессии в виде причинения вреда другим. Причем нетерпимость к чужому мнению и соответственно менее склонны к проявлению агрессии в виде причинения вреда другим. Причем нетерпимость к чужому мнению значимо ниже у людей, мало вовлеченных в видеоигровую деятельность по сравнению с теми, кто не играет вовсе. Это согласуется с упомянутыми ранее работами [Zhang et al. 2010, с. 1015; Ferguson, Olson 2013, с. 162] и вновь указывает на неоднозначность выводов о тенденции к усилению агрессии у игроков в компьютерные игры. В то же время на примере других групп мы наблюдали нелинейную связь времени, проводимого за игрой, и выраженность нетерпимости к мнению других. У игроков, играющих 4–6 часов/нед. (группа № 3) и играющих 6–12 часов/нед. (группа № 4), наблюдалось снижение терпимости к поведению других по сравнению с играющими до 3-х часов/нед. В группе играющих 19–40 часов/нед. вновь наблюдались показатели, сопоставимые с группой № 4. Таким образом, можно было наблюдать два диапазона времени, проводимого за игрой, – до 3-х часов/нед. и 12–18 часов/нед., в рамках которых мы видим снижение выраженности компонентов негативной агрессивности, в то время как в других временных диапазонах наблюдается ее рост. Это, на наш взгляд, позволяет, во-первых, предположить существование сложной динамики эмоциональной и мотивационной сфер личности, связанной со степенью вовлеченности в игровую деятельность. Во-вторых, на проблемный характер связи между временем, проводимым за компьютерной игрой, и показателями, характеризующими эмоциональную сферу личности. В работах, посвященных изучению личностных особенностей игроков, не удалось обнаружить единого критерия для выделения продолжительности времени, проводимого в игре [Аветисова 2011, с. 35–58; Wei 2007, с. 371–380; Богачёва 2018, с. 55–56]. По всей видимости, учитывая нелинейный характер обнаруженных связей, этот вопрос требует более тщательной проработки. В связи с этим следует обратить внимание на одну из проблем данной сферы исследований, выходящую в данном случае за рамки эмпирического обоснования, но представляющуюся важной в контексте анализа описываемых здесь связей – это понимание самого времени игры в случае компьютерных игр. В исследованиях компьютерных игр используют понятие хронологического времени, измеряемого объективно, или

«игровое время». Однако кроме этого можно выделить «время событий», т. е. внутреннее время, проведенное игроком в игровом мире. Последнее особенно важно, поскольку восприятие игроком времени игрового процесса значительно искажается характером самих действий в игре, насыщенностью и разнообразием самих действий, введенных в игровой мир периодическими изменениями (например, смена дня и ночи) [Юл 2015, с. 65; Juul 2004, с. 131–142]. Переживание времени, проведенного в игре, о котором сообщает испытуемый, может быть в значительной мере связано с насыщенностью игрового процесса информацией. Во многих исследованиях, включая наше время, проводимое в игре, оценивается по самоотчету, в котором респондент опирается на когнитивную реконструкцию своего игрового процесса, однако в таком случае невозможно оценить, какой вклад в его представление о продолжительности вносит «время событий» конкретной игры и определенного жанра.

Оценивая значимые различия между игроками, предпочитающими различные жанры видеоигр, мы сгруппировали жанры видеоигр на агрессивные, конкурентные, неагрессивные и неконкурентные, согласно изложенной ниже табл. 2.

Таблица 2

Группировка жанров видеоигр в рамках исследования

Наименование группы	Критерий отбора (жанр)	Описание критерия
Группа № 1	Шутеры, Хоррор	Игровая деятельность связана с агрессивными действиями, в которых игрок является либо актором, либо жертвой такого воздействия в рамках реализации правил игры.
Группа № 2	МОВА, MMORPG, Стратегии, Спортивные игры, Гоночные игры	Игровая деятельность связана с конкурентными, состязательными, соревновательными действиями игрока или игроков, направленных друг против друга или ИИ в рамках реализации правил игры.
Группа № 3	Градостроительные и экономические симуляторы, Песочницы, RPG, Головоломки	Игровая деятельность насильственного, агрессивного, конкурентного характера не является обязательной или является нежелательной/невозможной в рамках реализации правил игры.

По результатам проводимых сравнений нам не удалось выявить никаких значимых различий между игроками, выбравшими агрессивные (группа № 1) и конкурентные (группа № 2) жанры игр. Сравнения игроков, выбирающих агрессивные (группа № 1) и неагрессивные (группа № 3) жанры игр, выявили, что по шкале «Нетерпимость к мнению других» ($p = 0,0285$) игроки, выбирающие неагрессивные жанры игр, демонстрируют более высокий показатель. Несмотря на выявленное различие по интегральным шкалам, связанным с агрессивностью и конфликтностью, различия обнаружены не были. Кроме того, в данном случае необходимо учесть, во-первых, то, что в данной паре сравнений размер группы № 3 составлял всего 39 человек. Во-вторых, из общего числа респондентов группы женщины занимали 62%, что могло сказаться на результатах исследования, так как женщины изначально демонстрировали по данной шкале показатели значительно большие, чем мужчины. Несмотря на то что имеющиеся данные не позволяют нам сделать однозначные выводы о связях между видеоигровыми предпочтениями, агрессивностью и конфликтностью, выявленные тенденции, безусловно требующие дополнительного исследования и перепроверки на более широкой выборке, позволяют предположить, что компьютерная игра способна выступать в качестве внешнего инструмента для реализации различных аффектов. Игра в таком случае становится той самой «мнимой ситуацией» эмоционального взаимодействия в «воображаемом поле», о которой писал еще Л.С. Выготский [Выготский 2004, с. 210–212].

Данное исследование также поставило перед нами достаточно сложную задачу по оценке жанровой принадлежности видеоигр и соотношения этих жанров с общей концепцией геймплейной составляющей игры. Решение этой сложной проблемы требует комплексного подхода. Признавая всю сложность данного вопроса, в целях его решения необходимо учитывать, что жанровое многообразие видеоигр весьма велико, и подойти к формированию классификации жанров можно разными путями [Аветисова 2011, с. 41–42]. При этом ценность таких групп жанров постоянно уменьшается потому, что жанровые границы видеоигр размываются, а со временем появляются и новые жанры [Богачева, Войскунский 2015, с. 32]. На наш взгляд, отсутствие системы описания компьютерных игр, опирающейся на анализ объективной структуры игровой ситуации либо на анализ характера переживаний игроком игрового процесса, значительно усложняет интерпретацию связей между характеристиками игры (жанром) и особенностями личности игрока. Для целей данного исследования мы приняли решение по формированию объединенных групп из жанров, опираясь на

геймплей как основной свод правил, на которых построена типичная игра такого жанра. При этом мы придавали большое значение характеру действий игрока в рамках правил игры. Несмотря на некоторые риски, вызванные таким решением, на наш взгляд, оценка видеоигр по основным геймплейным правилам, включающим в себя характер действий игрока в его взаимодействии с игровым миром, наличие наказаний и поощрений за агрессивные, конкурентные и иные действия или, наоборот, побуждения к проявлению пассивной или подчиненной позиции, могут являться ключом к более точной и содержательной оценке видеоигр и их жанровой принадлежности. Такой взгляд на видеоигры неизбежно строится на оценке правил игры, что может позволить более эффективно проводить исследования личностных особенностей игроков, мотивационной и деятельностной составляющей, проявляющейся в видеоиграх. В то же время данный подход несколько перекликается с рассуждениями Л.С. Выготского о деятельности и играх, включая позицию о том, что даже детям не свойственно переносить поведение из мнимых игровых ситуаций в реальную жизнь, а обратное поведение может трактоваться как «болезненный симптом» [Выготский 2004, с. 219].

Заключение

Наше исследование показало наличие статистически значимых различий между группами играющих и не играющих в видеоигры. Были выявлены различия по таким шкалам, как «Вспыльчивость» и «Нетерпимость к мнению других». Также нами были выявлены различия между игроками, играющими в агрессивные и неагрессивные жанры видеоигр, по шкале «Нетерпимость к мнению других». Однако упомянутые выше различия, вероятно, вызваны тем, что группа не играющих в видеоигры респондентов и группа играющих в неагрессивные видеоигры состоит преимущественно из женщин. В то же время женщины, играющие в видеоигры, по шкалам «Негативная агрессивность» и «Мстительность» имели более высокие баллы, чем женщины, не играющие в видеоигры. На наш взгляд, эти различия могут быть связаны со значительным вкладом социально-демографического фактора (наличие/отсутствие детей). При сравнении респондентов с разным временем, выделяемым в неделю для занятия видеоигровой деятельностью, было выявлено, что респонденты из групп, играющих в видеоигры до трех часов в неделю и 12–18 часов в неделю, продемонстрировали наименьшие показатели по шкале «Нетерпимость к мнению других» по срав-

нению с другими играющими и неиграющими респондентами. Из приведенных данных нельзя сделать однозначный вывод о причинах такого различия, однако можно предположить, что оно указывает на нелинейный характер связи времени, проводимого в игре в неделю, и показателей по шкалам, связанным с агрессивностью.

Таким образом, выдвигаемые нами предположения о том, что геймеры более конфликтны и склонны к агрессивному поведению, что выразалось бы такими чертами личности, как негативная или позитивная агрессивность по сравнению с неиграющими людьми, не были подтверждены эмпирическим путем. Также не были обнаружены различия в конфликтности и агрессивности у игроков с различным временем, уделяемым видеоиграм, или в зависимости от жанровых предпочтений видеоигр. Имеющиеся данные указывают на различия в динамических процессах эмоциональной и мотивационной сфер личности у людей с разной степенью вовлеченности в игровую деятельность. Из этого следует, что при проведении исследований возникает необходимость в более тщательном изучении связей объективных характеристик видеоигровой деятельности с особенностями личности игроков, оценке широкого спектра социально-демографических и иных факторов, а также соблюдать определенную осторожность при формулировании прямолинейных гипотез о связях личностных особенностей человека с видеоигровой деятельностью, формировании эмпирической базы и актуальных подходов, связанных с оценкой жанровой принадлежности видеоигр.

Литература

- Аветисова 2011 – *Аветисова А.А.* Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 4. С. 35–58.
- Бек 2022 – *Бек А.* Узники ненависти: когнитивная основа гнева, враждебности и насилия. СПб.: Питер, 2022. 512 с.
- Богачева 2018 – *Богачева Н.В.* Специфика эмпатии у взрослых игроков в компьютерные игры // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Гос. социально-гуманит. ун-т, 2018. 452 с.
- Богачёва, Войскунский 2015 – *Богачёва Н.В., Войскунский А.Е.* Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. Т. 12. № 1. С. 29–53.
- Выготский 2004 – *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Смысл, Эксмо, 2004. 512 с.

- Ениколопов, Цибульский 2007 – *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
- Ильин 2014 – *Ильин Е.П.* Психология агрессивного поведения: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2014. 365 с.
- Малолеткова 2015 – *Малолеткова А.В.* Особенности эмоциональной сферы женщин, имеющих детей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnoy-sfery-zhenschin-imeyuschih-detey/viewer> (дата обращения 2 марта 2024).
- Пономарёва 2022 – *Пономарева Е.С.* Видеоигры и агрессия: Основные тенденции зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 169–199.
- Седых 2020 – *Седых И.А.* Индустрия компьютерных игр – 2020. НИУ ВШЭ. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/Индустрия%20компьютерных%20игр-2020.pdf> (дата обращения 2 марта 2024).
- Шестакова, Дорфман 2009 – *Шестакова Е.Г., Дорфман Л.Я.* Агрессивное поведение и агрессивность личности // Образование и наука. 2009. № 7 (64). С. 51–66.
- Юл 2015 – *Юл Й.* Рассказывают ли игры истории? Краткая заметка об играх и нарративах // Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 61–78.
- Anderson, Bushman 2001 – *Anderson C.A., Bushman B.J.* Human aggression // Annual Review of psychology. 2002. Vol. 53. № 1. P. 27–51.
- Ferguson, Olson 2013 – *Ferguson C.J., Olson C.K.* Friends, fun, frustration and fantasy: Child motivations for video game play // Motivation and Emotion. 2013. Vol. 37. № 1. P. 154–164.
- Juul 2004 – *Juul J.* Introduction to Game Time // First Person: New Media as Story, Performance, and Game / Ed. by N. Wardrip-Fruin, P. Harrigan. Cambridge: MIT Press, 2004. P. 131–142.
- Maslow 1977 – *Maslow A.H.* The Farther Reaches of Human Nature. Harmondsworth: Penguin Books, 1977. P. 407.
- Schmierbach 2010 – *Schmierbach M.* “Killing Spree”: Exploring the connection between competitive game play and aggressive cognition // Communication Research. 2010. Vol. 37. Iss. 2. P. 256–274.
- Wei 2007 – *Wei R.* Effects of playing violent videogames on Chinese adolescents’ proviolence attitudes, attitudes toward thers, and aggressive behavior // CyberPsychology & Behavior. 2007. Vol. 10. Iss. 3. P. 371–380.
- Zhang et al. 2010 – *Zhang X., Liu C., Wang L., Piao Q.* Effects of violent and non-violent computer video games on explicit and implicit aggression // Journal of Software. 2010. № 5 (9). P. 1014–1021.

References

- Anderson, C.A. and Bushman, B.J. (2001), "Human aggression", *Annual Review of psychology*, vol. 53, no. 1, pp. 27–51.
- Avetisova, A.A. (2011), "Psychological characteristics of computer game players", *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 8, no. 4, pp. 35–58.
- Beck, A. (2022), *Uzniki nenavisti: kognitivnaya osnova gneva, vrazhdebnosti i nasiliya* [Prisoners of Hate: The Cognitive Basis of Anger, Hostility and Violence], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Bogacheva, N.V. (2018), "The specifics of empathy in adult computer game players", in R.V. Ershova (ed.), *Tsifrovoye obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: Sbornik nauchnykh statei* [The specifics of empathy in adult computer game players. Digital society as a cultural and historical context of human development. A collection of scientific articles], Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, Kolomna, Russia.
- Bogacheva, N.V. and Voiskunsky, A.E. (2015), "Cognitive Styles and Impulsivity of Videogamers with Different Levels of Gaming Activity and Preference of Different Game Types", *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 12, no 1, pp. 29–53.
- Ferguson, C.J. and Olson, C.K. (2013), "Friends, fun, frustration and fantasy: Child motivations for video game play", *Motivation and Emotion*, vol. 37, no. 1, pp. 154–164.
- Juul, J. (2004), "Introduction to Game Time", in Wardrip-Fruin, N. and Harrigan, P. (eds.), *First Person: New Media as Story, Performance and Game*, MIT Press, Cambridge, UK, pp. 131–142.
- Maloletkova, A.V. (2015), *Features of the emotional sphere of women with children*, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-emotsionalnoy-sfery-zhenschin-imeyuschih-detey/viewer> (Accessed 2 March 2024).
- Maslow, A.H. (1971), *The Farther Reaches of Human Nature*, Penguin Books, Harmondsworth, UK.
- Ponomaryova, E.S. (2022), "Video Games and Aggression: Foreign Studies Review", *Moscow University Psychology Bulletin*, no. 3, pp. 169–199.
- Schmierbach, M. (2010), "'Killing Spree': Exploring the connection between competitive game play and aggressive cognition", *Communication Research*, vol. 37 (2), pp. 256–274.
- Sedykh, I.A. (2020), *Computer games industry*, available at: <https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/Industriya%20komp'yuternyh%20igr-2020.pdf> (Accessed 2 March 2024).
- Shestakova, E.G. and Dorfman, L.Ya. (2009), "Aggressive Behavior and Aggressive Personality", *The Education and Science Journal*, no. 7 (64), pp. 51–66.
- Vygotsky, L.S. (2004), *Psihologiya razvitiya rebenka* [Psychology of child development], Smysl, Eksmo, Moscow, Russia.

- Wei, R. (2007), "Effects of playing violent videogames on Chinese adolescents' provi-
olence attitudes, attitudes toward thers and aggressive behavior", *CyberPsychology
& Behavior*, vol. 10 (3), pp. 371–380.
- Yenikolopov, S.N. and Tsibulsky, N.P. (2007), "Psychometric analysis of the Russian-
language version of the Questionnaire of Diagnostics of Aggression by A. Buss and
M. Perry", *Psychological Journal*, vol. 28, no. 1, pp. 115–124.
- Juul, J. (2015), "Games Telling Stories? A Brief Note on Games and Narratives", *Logos*,
vol. 25, no. 1 (103), p. 61–78.
- Zhang, X., Liu, C., Wang, L. and Piao, Q. (2010), "Effects of violent and non-violent
computer video games on explicit and implicit aggression", *Journal of Software*,
no. 5 (9), pp. 1014–1021.

Информация об авторах

Владимир В. Козин, Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл.,
д. 6; gamersontrip8bit@yandex.ru

Максим Е. Осипов, кандидат психологических наук, Российский госу-
дарственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия,
Москва, Миусская пл., д. 6; osipov.m@rggu.ru

Information about the authors

Vladimir V. Kozin, Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; gamersontrip8bit@
yandex.ru

Maksim E. Osipov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Rus-
sia, 125047; osipov.m@rggu.ru

Методический инструментарий

УДК 159.99

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-117-130

Методика наблюдения за взаимодействием разработчиков открытого программного обеспечения

Кирилл А. Панов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, panovka@ty.msu.ru*

Федор Н. Винокуров

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, VinokurovFN@ty.msu.ru*

Аннотация. Программное обеспечение с открытым исходным кодом является ключевым фактором развития ИТ-отрасли и основой современной технологической инфраструктуры. Разработка открытого ПО как новая форма организации производства, основанная на временном глобальном сотрудничестве, порождает новые феномены, чем вызывает интерес у социальных психологов. Однако содержательному изучению объекта исследования препятствует слабая разработанность методических средств для наблюдения виртуального предметно-ориентированного взаимодействия. Цель исследования – разработать схему наблюдения за взаимодействием разработчиков открытого программного обеспечения. Оригинальная схема наблюдения “Act4teams” была адаптирована под специфику разработки открытого ПО. Первичный массив данных из семи наиболее активных репозиторийев GitHub, состоявший из 2119 сообщений разработчиков, отдельно закодирован двумя экспертами. Уровень межэкспертной согласованности – капша Коэна $> 0,81$. В результате было выявлено, что 9 категорий из оригинальной схемы наблюдения с частотой упоминаний $> 5\%$ описывают 92% первичного массива данных. 39% высказываний имеют несколько категорий, наиболее повторяющиеся комбинации – «Решение» и «Разъяснение», «Проблема» и «Разъяснение», «Статус действий» и «Призыв к действию». Адаптированная схема наблюдения позволяет исследователям принимать характеристики взаимодействия разработчиков открытого программного обеспечения в качестве переменной. Она также предоставляет возможность автоматизировать

© Панов К.А., Винокуров Ф.Н., 2024

процесс кодирования больших объемов данных, используя машинное обучение. Последнее реализуется авторами в эмпирическом исследовании социально-психологических детерминант эффективности совместной деятельности.

Ключевые слова: методика наблюдения, виртуальное взаимодействие, открытое программное обеспечение, github

Для цитирования: Панов К.А., Винокуров Ф.Н. Методика наблюдения за взаимодействием разработчиков открытого программного обеспечения // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 117–130. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-117-130

Observation scheme for analyzing interaction in open source software projects

Kirill A. Panov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
panovka@my.msu.ru*

Fedor N. Vinokurov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
VinokurovFN@my.msu.ru*

Abstract. Open source software is a key factor in the development of the IT industry and a basis for modern technological infrastructure. It is a new form of production based on temporal global collaboration that generates new phenomena which arouses the interest of social psychologists. However, a meaningful study of the research object is hindered by poorly developed methodological means for observing virtual subject-oriented interaction. The purpose of the study is to devise a scheme for observing the interaction of open source software developers. The original “Act4teams” scheme was adapted to the specifics of open source software development. The primary dataset from the 7 most active GitHub repositories, consisting of 2119 developer messages, was separately coded by two experts. The level of inter-expert consistency is Cohen’s kappa > 0.81 . The analysis suggests that 9 categories from the original observation scheme with a frequency of mention $> 5\%$ describe 92% of the dataset. 39% of messages have more than one category, the most frequent combinations are “Solution” and “Clarifying”, “Problem” and “Clarifying”, “Status of action” and “Call to action”. The adapted observation scheme allows to take the characteristics of the interaction of open source software developers as a variable. It also enables to automate the encoding process of large amounts of data using machine learning. The latter is realized

by the authors in the empirical study of the socio-psychological determinants of the joint activity effectiveness.

Keywords: observation scheme, virtual interaction, open source software, github

For citation: Panov, K.A. and Vinokurov, F.N. (2024), "Observation scheme for analyzing interaction in open source software projects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 117–130, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-117-130

Введение: постановка проблемы

В традиции отечественной социальной психологии принято разделение общения на три взаимосвязанных стороны: коммуникативную, перцептивную и интерактивную. Последняя заключается в организации совместных действий, позволяющих нескольким партнерам реализовать общую для них деятельность для достижения результата¹. В основе результата групповой деятельности лежит интеграция общих усилий в процессе взаимодействия. Один из способов изучения процесса взаимодействия с целью его оптимизации – систематическое наблюдение, где единый процесс разделяется на меньшие единицы, каждой из которых приписывается категория².

Разработка программного обеспечения с открытым исходным кодом реализуется в сетевой мультиагентной виртуальной организации. Это спонтанное добровольное объединение равнозначных и независимых экономических агентов вокруг создания кода для выполнения социального или рыночного заказа. В подобной организации все процессы управления совместной деятельностью происходят за счет локальных взаимодействий участников сети [Занковский, Журавлёв 2017]. Опосредованные компьютером взаимодействия зафиксированы в тексте и открыты для стороннего наблюдателя.

Однако схемы наблюдения специфичной для анализа предметно-ориентированного взаимодействия разработчиков открытого ПО на текущий момент не представлено. Цель статьи – разработать схему наблюдения, учитывающую специфику совместной деятельности разработчиков открытого ПО.

¹ Андреева Г.М. Социальная психология: Учеб. для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2018.

² Соловьева О.В. Наблюдение // Социальная психология: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 28–49.

Обзор наиболее распространенных схем наблюдения

Для адаптации схемы наблюдения под виртуальное взаимодействие важно кратко охарактеризовать наиболее цитируемые методики, используемые для анализа взаимодействия. Пионером в этой сфере принято считать Бэйлза. В классической схеме впервые было заложено разделение деятельности группы на две глобальные сферы: деловую или область постановки и решения проблем, и эмоциональную или область отношений [Bales 1950]. Прямым продолжением ранних работ Бэйлза является созданная совместно с Коэн система многоуровневого наблюдения – SYMLOG. В ней авторы размещают деловую и эмоциональную сферы на разные полюса континуума, а также добавляют еще два фундаментальных измерения поведенческих реакций людей. Итого модель позволяет оценить поведение по трем измерениям, каждое из которых содержит биполярные характеристики: доминирование или подчинение; дружелюбие или враждебность; аналитичность, ориентация на задачу или эмоциональность. Схема позиционирует себя как универсальная, однако итогом анализа не являются категории группового взаимодействия. Схема позволяет решать организационные задачи и оценивать поведение конкретного человека [Bales 2017].

Разделение взаимодействия группы на эмоциональную и деловую сферы стало пунктом критики Бейлза со стороны авторов схемы для кодирования дискуссии (The Discussion Coding System). Высказывание одновременно может быть и функциональным и выполнять социально-эмоциональную функцию в зависимости от того, какими невербальными сигналами оно сопровождается. Чтобы отделить социально-эмоциональное значение от функционального высказывания, авторы предлагают отдельно кодировать две группы невербальных сигналов – доминирования и принадлежности. Схема также обогащается за счет категории регуляции взаимодействия, позволяя фиксировать влияние лидера на группу [Schermuly, Scholl 2012]. Данная схема неприменима в нашем исследовании, поскольку не содержит категорий, позволяющих описать предметно-направленное взаимодействие.

Другое направление критики Бейлза было связано с отсутствием у последнего связи между активностью группы и процессом разрешения конкретной групповой задачи. Футоран с коллегами создали систему анализа процесса группового взаимодействия ТЕМПО (A Time-Based System for Analysis of Group Interaction Process), акцентируя внимание на трех преимуществах системы – она позволяет видеть развитие процесса группового решения за-

дачи во времени, учитывать индивидуальный вклад и бездействие участников, а также связать активность с продуктами решения задачи [Futoran et al. 1989]. Схема позволяет сделать акцент на взаимодействии с предметом, однако поведение, направленное на управление деятельностью группы в процессе предметного взаимодействия в схеме не представлено.

Наиболее приближенной к изучению протекания совместной деятельности в виртуальном пространстве является схема наблюдения за опосредованным компьютером процессом разрешения проблем. Она делает акцент на процессе группового обсуждения: высказывании мнений, их уточнении и синтезе, а также на операциях – согласии, отказе и вопрошании. Дополнительно авторами выделяются категории управления деятельностью группы и передачи чувств [Zheng et al. 2020]. Схема может подойти для описания поведения группы при разработке открытого ПО.

Существуют также попытки объединить накопленный предшественниками опыт и создать комплексную систему наблюдения. Такой схемой является “Act4teams”. Изначально созданная для диагностики компетенций сотрудников кодировочная схема содержала в себе четыре группы поведенческих категорий, обозначающих разные области профессиональной деятельности: профессиональную компетентность (способность дифференцировать проблему и подбирать для нее решение), процессуальную компетентность (умение расставить приоритеты, управление временем), социальную компетентность (ощущения личных высказываний, похвала, поддержка) и самостоятельность как компетенцию (демонстрация заинтересованности в изменениях, принятие личной ответственности) [Kauffeld et al. 2000]. Ее ключевая особенность – не только использование ряда категорий предыдущих схем, но и упорядочивание их по нескольким группам: высказываниям, сфокусированным на проблеме; управляющим протеканием процесса решения; ориентированным на действия; социо-эмоциональным высказываниям [Kauffeld, Lehmann-Willenbrock 2012].

Для выбора схемы, наиболее соответствующей специфике объекта исследования, нами был осуществлен пилотажный этап, заключающийся в проведении открытого и фокусированного кодирования по методу обоснованной теории [Мельникова, Хорошилов 2020]. Было закодировано 700 высказываний из закрытых недавно обновленных запросов на извлечение в двух популярных продуктах: наборе интегрированных библиотек для разработки приложений Electron и платежной системы Bitcoin. Анализ категорий побуждает выбрать схему, которая описывала не просто дискуссию, а предметно-ориентированное взаимодействие участников, а также

включала категории управления групповым взаимодействием. Этим условиям удовлетворяет схема “Act4teams”, именно ее мы взяли за основу и адаптировали для кодирования виртуального взаимодействия разработчиков открытого ПО.

Процедура исследования

В качестве массива данных для кодирования нами были выгружены дискуссии разработчиков из запросов на принятие изменений (Pull request) в наиболее популярных за месяц репозиториях на платформе для совместной разработки Github. В них вошли следующие продукты: сервис для обмена файлами Localsend; прокси-платформа Sing-box; решение для маршрутизации платежей Niperswitch; сервис для управления бизнес-процессами компании и взаимодействия с клиентами Idugar ERP-CRM; сервис для развертывания и управления приложениями Devtron и вышеупомянутые Electron и Bitcoin.

Перед стартом процесса кодирования оригинальная схема претерпела изменения. Они были связаны с упрощением процесса кодирования и адаптацией некоторых категорий под виртуальное взаимодействие:

- категории «Проблема», «Объяснение проблемы», «Связь с проблемой» были объединены в единую категорию «Проблема и ее описание» за счет своей семантической близости и сложности в дифференциации. То же самое было сделано с категориями «Решение» и «Описание решения», они обозначались как «Решение и его описание»;
- категория «Проблема с решением» заменялась на категорию «Проблема и ее описание»;
- категория «Обоснованное несогласие» для упрощения кодирования заменялась на комбинацию двух категорий «Выражение несогласия» и «Разъяснение»;
- категория «Поощрение участия» в значении привлечения к дискуссии тех, кто не высказался, в виртуальном взаимодействии заменялась существующей категорией «Вопрос»;
- категории «Активное слушание», «Прерывание речи» и «Отвлекающий разговор» в виртуальном взаимодействии не представлены;
- схема была дополнена категорией «Призыв к действию» для обозначения обмена действиями между участниками взаимодействия.

Таблица 1

Сопоставление схем наблюдения за взаимодействием

Название схемы	Единица наблюдения	Число категорий	Группы категорий	Категории предметного взаимодействия	Категории управления группой	Надежность (капа Коэна)
SYMLOG: System for the multiple level observation of groups	Совокупность поведенческих актов	26	Доминирование подчинение; дружелюбие и враждебность; ориентация на задачу и эмоциональность	Да	Нет	0,88
DCS: The Discussion Coding System	Вербальное высказывание, невербальный сигнал	14	<i>Вербальные:</i> содержательные; регуляторные; социально-эмоциональные высказывания; согласие; отказ. <i>Невербальные:</i> доминирование; принадлежность	Нет	Да	От 0,81; 0,61 по функциональным категориям
TEMPO: A Time-based system for analysis of group interaction process	Единичное вербальное высказывание	22	<i>Производительные:</i> предложение по содержанию/процессу; оценка содержания/процесса. <i>Непроизводительные категории</i>	Да	Нет	От 0,8
Behavior type classification based on collaborative problem solving	Единичное вербальное высказывание	15	Утверждение; обсуждение; вопрошание; управление; выражение эмоций; иное поведение	Нет	Да	От 0,91
Act4teams: The advanced interaction analysis for teams	Единичное вербальное высказывание	43	Проблемно-ориентированные; процедурные; ориентированные на действия; социально-эмоциональные суждения	Да	Да	От 0,81 до 0,9

Для кодировки были привлечены кодировщики с различным опытом профессиональной деятельности. Один является специалистом в области социальной психологии, второй имеет 4 года опыта преподавания разработки программного обеспечения. Кодировщики были ознакомлены с целями исследования и кодировочной инструкцией. В нее входило приписывание полнотекстовому сообщению от одной до трех категорий.

Кодировщики отдельно друг от друга закодировали 200 высказываний, после чего обсудили разногласия в кодировке и устранили их. То же самое повторилось и на 500 высказываниях. После чего они отдельно кодировали высказывания, пока их число не достигло 2119.

Результаты исследования и их обсуждение

Как видно из табл. 2, первые 9 категорий с частотностью 5% и более позволяют закодировать 92% данных.

Таблица 2

Количество категорий в массиве

Категория	Количество	Частота (%)
Разъяснение	581	19
Решение и его описание	377	13
Призыв к действию	340	11
Статус действий	334	11
Проблема и ее описание	306	10
Вопрос	294	10
Выражение согласия/одобрения	204	7
Предложение по процедуре	183	6
Принятие ответственности	144	5
Вопрос по процедуре	61	2
Определение цели	41	1
Организационные знания	34	1
Выражение несогласия	27	1
Выражение чувств	17	1
Визуализация	10	0
Ссылка на специалиста	7	0

Окончание табл. 2

Категория	Количество	Частота (%)
Завершение обсуждения	7	0
Отказ от ответственности	4	0
Планирование действий	3	0
Пустые разговоры	3	0
Разрядка обстановки	3	0
Распределение задач	2	0
Приоритизация	1	0
Отделение мнения от фактов	1	0

Кодировщики совпали в оценках в 87% случаев. Для оценки надежности наблюдений по каждой шкале были рассчитаны коэффициенты межэкспертного согласия, подходящие для двух экспертов и номинативных шкал (каппа Коэна). Наблюдения характеризуются степенью согласия, соотносящейся с оригинальной схемой [Kauffeld, Lehmann-Willenbrock 2012].

Таблица 3

Оценка межэкспертной согласованности

Номер категории	1	2	3	4	5	6	7	8	9
k (каппа Коэна)	0,93	0,94	0,92	0,93	0,95	0,96	0,94	0,92	0,96
Решение	Высокая степень согласия								

Сообщения с одной предписанной категорией составляют 61% от всего массива, 39% представлены комбинациями. Наиболее часто встречаемые комбинации категорий – решение и его разъяснение, обозначение статуса своих выполненных действий и запрос выполнения действий от другого участника, обнаружение проблемы и разъяснение ее. Это объясняется предметно-ориентированным взаимодействием разработчиков открытого ПО, основную часть которого составляет совместная работа над оптимизацией кода – анализ возникающих при имплементации проблем и предложение решений для их исправления. В табл. 4 представлена итоговая схема наблюдения за взаимодействием разработчиков открытого ПО. Она состоит из 9 категорий, которые позволяют закодировать большую часть массива данных, при этом снизив затраты на процесс кодировки.

Таблица 4

Схема наблюдения за взаимодействием разработчиков открытого ПО

Категория	Описание	Пример	Перевод
Разъяснение	Предоставление дополнительной информации для объяснения ранее добавленной информации	<i>The downside of this approach is that malformed code like this: causes starvation of the main thread (while UV loop continues to run fine).</i>	<i>Недостатком этого подхода является то, что неправильно сформированный код, подобный этому, вызывает остановку основного потока (в то время как UV-цикл продолжает работать нормально).</i>
Решение и его описание	Предоставление конкретного решения, позволяющего избавиться от факторов, мешающих разработке	<i>Another solution for tablet is to write the file size in brackets: myImage.jpeg (3.2 MB). So you don't need a second row either.</i>	<i>Другое решение для планшета – указать размер файла в скобках: myImage.jpeg (3,2 МБ). Таким образом, вам также не нужна вторая строка.</i>
Призыв к действию	Запрос от участника выполнения конкретных действий	<i>Could you add tests to ensure deserialization catches invalid card numbers?</i>	<i>Не могли бы вы добавить тесты, чтобы гарантировать, что десериализация отлавливает неверные номера карт?</i>
Статус действий	Информирование участников о выполняемых или выполненных действиях	<i>Made suggested changes, re-based to fix conflicts and re-ran tests:</i>	<i>Внес предложенные изменения, перебазирувался для устранения конфликтов и повторно запустил тесты.</i>

Проблема и ее описание	Идентификация факторов, которые мешают разработке или имплементации кода, а также их индикаторов и эффектов	<i>LocalSend v 1.8 runs well on MX Linux but latest version doesnt work.</i>	<i>LocalSend v 1.8 хорошо работает на MX Linux, но последняя версия не работает.</i>
Вопрос	Запрос мнения участника по поводу предложения, идеи, решения	<i>Just for some clarity though, what's going to be the policy for promoting it from behind a flag?</i>	<i>Однако просто для некоторой ясности, какова будет политика продвижения?</i>
Выражение согласия/одобрения	Согласие с предложением, идеей, решением.	<i>Thanks. I expected a more ugly change with more C code but this PR seems ok!</i>	<i>Спасибо. Я ожидал более уродливого изменения с большим количеством кода на C, но этот PR кажется нормальным!</i>
Предложение по процедуре	Действия, не относящиеся к решению проблем, но обеспечивающие процесс разработки	<i>You need to rebase on the latest main commit. I have decided to merge this patch for the time being. It can be reverted though.</i>	<i>Вам нужно выполнить перебазирувание на основе последнего основного коммита. Я решил пока объединить этот патч. Однако его можно отменить.</i>
Принятие ответственности	Уведомление о намерении выполнить определенное действие	<i>I can try adding some debug printing to the build to see why it is such. Let me see.</i>	<i>Я могу попробовать добавить некоторую отладочную печать в сборку, чтобы понять, почему это так. Давайте посмотрю.</i>

Выводы

В статье представлена разработанная схема наблюдения за предметно-ориентированным взаимодействием разработчиков открытого программного обеспечения. Она была получена путем адаптации оригинальной схемы “Act4teams” к специфике сферы разработки открытого ПО.

Результаты исследования демонстрируют, что такие категории, как «Разъяснение», «Решение и его описание», «Призыв к действию», «Статус действий», «Проблема и ее описание», «Вопрос», «Выражение согласия/одобрения», «Предложение по процедуре», «Принятие ответственности», позволяют описать 92% объема текстовых данных о взаимодействии. Это позволяет упростить схему без потери детализации кодирования.

Надежность схемы обосновывается высоким уровнем согласованности (более 0,81) между кодировщиками при последовательном кодировании более чем 2000 высказываний.

Использование созданной схемы наблюдения открывает новые перспективы для исследования совместной деятельности разработчиков открытого ПО, позволяя принимать в качестве независимой или зависимой переменной характеристики взаимодействия разработчиков. Это, в свою очередь, может способствовать разработке рекомендаций по оптимизации совместной деятельности в новых условиях.

Дополнительно в рамках исследования была создана обучающая выборка для нейронной сети, и на текущий момент авторами реализуется возможность применения методов машинного обучения для автоматического кодирования больших объемов данных о взаимодействии разработчиков открытого программного обеспечения. Это позволит значительно увеличить скорость сбора и анализа данных, а также расширит возможности обобщения результатов.

Литература

- Занковский, Журавлёв 2017 – *Занковский А.Н., Журавлёв А.Л.* Психология виртуальной организации: основные проблемы исследования // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 92–102.
- Мельникова, Хорошилов 2020 – *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020. 234 с.
- Bales 1950 – *Bales R.F.* A Set of Categories for the Analysis of Small Group Interaction // *American Sociological Review*. 1950. Vol. 15. № 2. P. 257–263.
- Bales 2017 – *Bales R.F.* Social interaction systems: Theory and measurement. 1st edn. London: Routledge, 2017. 417 p.

- Futoran et al. 1989 – *Futoran G.C., Kelly J.R., McGrath, J.E.* TEMPO: A Time-based System for Analysis of Group Interaction Process // *Basic and Applied Social Psychology*. 1989. Vol. 10. № 3. P. 211–232.
- Kauffeld et al. 2000 – *Kauffeld S., Grote S., Frieling E.* Die Diagnose beruflicher Handlungskompetenz: Das Kasseler-Kompetenz-Raster // *Zeitschrift für Arbeits- und Organisationspsychologie*. 2000. Vol. 44. № 3. P. 129–140.
- Kauffeld, Lehmann-Willenbrock 2012 – *Kauffeld S., Lehmann-Willenbrock N.* Meetings Matter: Effects of Team Meetings on Team and Organizational Success // *Small Group Research*. 2012. Vol. 43. № 2. P. 130–158.
- Schermuly, Scholl 2012 – *Schermuly C.C., Scholl W.* The Discussion Coding System (DCS) – A New Instrument for Analyzing Communication Processes // *Communication Methods and Measures*. 2012. Vol. 6. № 1. P. 12–40.
- Zheng et al. 2020 – *Zheng Y., Yu S., Harris A.* Investigating Sequence Patterns of Collaborative Problem-Solving Behavior in Online Collaborative Discussion Activity // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. № 20. P. 8522.

References

- Bales, R.F. (1950), “A Set of Categories for the Analysis of Small Group Interaction”, *American Sociological Review*, vol. 15, no. 2, pp. 257–263.
- Bales, R.F. (2017), *Social interaction systems: Theory and measurement*, 1st edn., Routledge, London, UK.
- Futoran, G.C., Kelly, J.R. and McGrath, J.E. (1989), “TEMPO: A Time-based System for Analysis of Group Interaction Process”, *Basic and Applied Social Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 211–232.
- Kauffeld, S., Grote, S. and Frieling, E. (2000), “The diagnosis of professional competence: The Kasseler Competence grid”, *Journal of Industrial and Organizational Psychology*, vol. 44, no. 3, pp. 129–140.
- Kauffeld, S. and Lehmann-Willenbrock, N. (2012), “Meetings Matter: Effects of Team Meetings on Team and Organizational Success”, *Small Group Research*, vol. 43, no. 2, pp. 130–158.
- Melnikova, O.T. and Khoroshilov, D.A. (2020), *Metodologicheskie problemy kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* [Methodological issues of qualitative research in psychology], Akropol', Moscow, Russia.
- Schermuly, C.C. and Scholl, W. (2012), “The Discussion Coding System (DCS) – A New Instrument for Analyzing Communication Processes”, *Communication Methods and Measures*, vol. 6, no. 1, pp. 12–40.
- Zankovskii, A.N. and Zhuravlev, A.L. (2017), “Psychology of the virtual organization: Main research problems”, *Psychological Journal*, vol. 38, no. 5, pp. 92–102.
- Zheng, Y., Yu, S. and Harris, A. (2020), “Investigating Sequence Patterns of Collaborative Problem-Solving Behavior in Online Collaborative Discussion Activity”, *Sustainability*, vol. 12, no. 20, p. 8522.

Информация об авторах

Кирилл А. Панов, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; panovka@my.msu.ru

Федор Н. Винокуров, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; vinokurovfn@my.msu.ru

Information about the authors

Kirill A. Panov, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; panovka@my.msu.ru

Fedor N. Vinokurov, Sc.D. (Psychology), Senior researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; VinokurovFN@my.msu.ru

Работы молодых ученых

УДК 159.923.32

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-131-154

Духовность как смысловой динамический процесс: опыт построения модели

Юлия Н. Везей

*Московский государственный психолого-педагогический
университет, Москва, Россия, govintagego@gmail.com*

Аннотация. Тема духовности и духовного развития в наше время приобретает все большую актуальность и формирует определенный устойчивый запрос, что связано не только с возрождением интереса к религиозной культуре, но и с появлением новых видов «субъективной» духовности. В данной статье мы рассматриваем понятие «духовность» через призму гуманитарного знания и, в частности, с точки зрения психологической науки. Такие понятия, как «традиционная духовность» и «светская/секулярная духовность», задают контексты, в которых осуществляется способ духовного бытия человека в мире. Краткий обзор исследований данного феномена указывает на его прямую связь со смысловой сферой личности: потребностями, мотивами, целями, ценностями, символами, значениями, идеалом, смыслом. Мы предлагаем исследовать «духовное» с позиции не «что есть духовность», но, ставя вопрос иначе: «Как человек есть в духовности?» в процессуальном подходе, фокусируя внимание не на результате деятельности, но на динамике и качестве процесса, и представляем разработанную нами теоретическую модель духовности как единого смыслового динамического процесса. Особое место также отводится анализу тех психологических содержаний, которые возникают по мере продвижения человеком в своем духовном пути.

Ключевые слова: психология религии, духовность, модель духовности, духовный путь, смысл, смысловая система, динамический процесс, ценности

Для цитирования: Везей Ю.Н. Духовность как смысловой динамический процесс: опыт построения модели // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 131–154. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-131-154

© Везей Ю.Н., 2024

Spirituality as a meaning dynamic process. Model constructing experience

Yuliya N. Verezey

*Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia, govintagego@gmail.com*

Abstract. The theme of spirituality and spiritual development nowadays is becoming increasingly relevant and forming a steady request which is related not only to the revival of interest in religious culture, but also to the emergence of the new types of “subjective spirituality”. In the article we consider the concept of “spirituality” through the prism of humanitarian knowledge and, in particular, from the perspective of psychological science. Such notions as traditional spirituality as well as secular spirituality set the contexts in which a person’s life path is carried out as a spiritual way of his existence in the world. A brief review of the studies of such a phenomenon indicates its direct connection to the meaning sphere of the individual: needs, motives, goals, values, symbols, significations, ideal, meaning. We propose to study the “spiritual” from the point of view of a process approach by posing the question: “How does a person exist in spirituality?” instead of asking “What is spirituality?”, focusing more on the dynamics and the quality of the process than the result. In the article we would also love to present the theoretical model of spirituality that has been developed as a unified meaning dynamic process. A special attention is also given to the analysis of those psychological contents that arise while a person’s following his spiritual path.

Keywords: psychology of religion, spirituality, the model of spirituality, spiritual path, meaning, meaning system, dynamic process, values

For citation: Verezey, Yu.N. (2024), “Spirituality as a meaning dynamic process. Model constructing experience”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 2, pp. 131–154, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-2-131-154

Введение: постановка проблемы

Термины «духовность», «духовное» достаточно распространены как в обыденном, так и в научно-психологическом дискурсах. Мы наблюдаем, с одной стороны, очевидно нарастающий тренд в интересе к теме духовности со стороны науки, но, с другой стороны, сложность и многогранность самого явления рождает определенную много- и разноголосицу в том, как трактуется духовность в современных исследованиях и теоретических обоснованиях. Необходимо прояснение данного феномена как научного понятия.

В психологии духовность рассматривается с разных сторон, как: свойство и качество личности [Янушкавичене 2011]; духовные способности и духовные состояния [Шадриков 2020]; особый уровень сознания в личностной иерархии¹ [Леонтьев 2005], стратегия и смысл жизни [Чудновский 1995]; а также как система саморегуляции [Эммонс 2004; Леонтьев 2003], нравственная категория [Братусь 2013], основа духовного воспитания [Божович 1968] и т. д. Несмотря на объем представленных работ в психологии, духовность по-прежнему остается одним из самых сложных явлений для изучения. К тому же в настоящее время появляются новые формы духовности, которые носят противоречивый характер, что еще больше осложняет изучение духовной жизни.

В данной статье мы не ставим себе цель охватить все содержательное поле феномена духовности в психологии, поскольку существуют объективные ограничения в рамках формата публикации, но мы хотели бы наметить пути развития этой темы для ее дальнейшего исследования. Наша ключевая задача состоит в том, чтобы систематизировать основные способы концептуализации духовности, а также представить собственную модель духовности, сделав акцент на процессуальных аспектах духовной жизни.

Таким образом, в данной работе мы ставим перед собой следующие цели:

- провести аналитический обзор того, как духовность понимается в гуманитарной области знания и, в частности, в психологии;
- представить теоретическую модель духовного опыта (пути) как процесса.

Религиозная и светская духовность. Религиозный индивидуализм

Своим рождением «духовное» обязано религии, оно от нее неотделимо. Философ и протоиерей Сергей Булгаков указывает на неустранимый дуализм, который всегда лежит в основе религиозного отношения: в этой раздвоенности собственного «я» с самим собой переживается отношение к себе как к другому, который уже соединен, соотнесен с Творцом. Оpozнание Бога и переживание связи с Ним – таковы компоненты религиозной духовной формулы [Булгаков 1994, с. 12]. Дуализм проявляется не только в «точке

¹ Грот Н.Я. Устой нравственной жизни и деятельности. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1895. 26 с.

несовпадения себя с самим собой», но и в самой внутренней природе индивида. Наличие в человеке двух диаметрально противоположных нравственных сил указывает на парадоксальность этого явления: с одной стороны, человек носит в себе образ Божий и стремится к соединению с Богом, а с другой – тот же человек предстает в мире как носитель и производитель зла. Христианская теология, таким образом, указывает человеку возможности преодоления своей «падшей» природы, создающей преграды для воссоединения с Творцом, а также рассматривает смерть в качестве переходного этапа в вечность и одновременно как философский вопрос осмысления собственного бытия. Жизнь реальная выступает подготовительной площадкой для самосовершенствования и собирания духовных «плодов». Покаяние и изменение – необходимые условия для роста, предполагающие «совлечение ветхого человека и облечение в нового», то есть полное личностное преображение (Апостол Павел. Послание к Колоссянам, гл. 3, стих 13). В этом заключается задача «спасения». Ключевой энергией, способной собирать эти «плоды», является любовь, которой в христианстве отведена ведущая роль. Духовность не отменяет природы индивида, но совершенствует, преобразует ее. Духовности отводится особая миссия в восстановлении целостности человеческой личности и, если идти дальше, то и мировой гармонии.

И еще одной важной линией, характеризующей духовность, постулируется идея о всеединстве, сопричастности, взаимодействии и взаимовлиянии. С.Л. Франк:

Отдельные люди суть как бы члены или клеточки единого организма – живые существа, жизнь которых основана на их совместной принадлежности к некому общему целому, как бы на общем им всем кровообращении [Франк 1998, с. 207].

Вместе с тем Франк признает, что каждая отдельная человеческая душа движется или не движется к Богу собственным путем, имея личную «религиозную судьбу».

Таким образом, можно определить духовность в религиозном и философском христианском рассмотрении как многомерное явление, которое включает в себя следующие характеристики и составляющие: имманентно-трансцендентные процессы; направленность в сторону божественной сущности с целью соединения с ней; развитие личностных интимных глубоких отношений с Богом, построение собственной духовной траектории с опорой на высшие ценности; но и вместе с этим осознание значимости в принадлежности к общеродовой человеческой истории. А также преодоление

внутреннего дуализма и возникающих противоречий с последующим полным преобразованием личностной структуры.

В настоящее время в понимании духовности все ярче проявляется тренд на ее внеконфессиональное положение и автономию [Ореханов, Колкунова 2017, с. 7–9]. В теории «невидимой религии» английского социолога Томаса Лукмана утверждается мысль о том, что современное общество в его постиндустриальном развитии не обнаруживает потребности в официальных религиозных институтах, традициях, догмах. Современные социальные структуры Лукман признает секулярными. И вместе с тем им делается вывод о том, что, несмотря на снижение интереса к официальным религиозным институтам, человек не теряет своей «религиозности», но сохраняет ее «природу» даже в условиях кардинальных общественных изменений, под действием которых «религиозность» обретает новые формы. Т. Лукман обозначает религию как «всеохватывающую систему смыслов» [Luckmann 1967].

Американский психолог Кеннет Паргамент в своей работе «Психология религии и духовности? Да и нет» [Pargament 1999] проводит границу между духовностью и религией: духовность он связывает с индивидуальным опытом человека, его самовыражением, в то время как религию относит к институциональному образованию. Таким образом, «религиозное» больше связано с культурой, историей, традициями, обрядами. А «духовное» – с внутренним миром личности. При этом, например, в исследованиях немецких источников в области духовности, на которые ссылаются протоиерей Георгий Ореханов и К.А. Колкунова [Ореханов, Колкунова 2017, с. 38–39], преобладают два подхода: 1) духовность рассматривается как «опытное измерение религии», как проявление внутренней религиозности, глубочайших пластов «я» в человеке, поиск того, что в нем может быть отнесено к области сакрального, проявление религиозной эмоции; 2) духовность рассматривается как альтернатива институциональной религиозности в форме сознательного отталкивания от Церкви и ее влияния.

В целом сегодня можно говорить о двух основных видах духовности [Колкунова 2015; Schlehofer et al. 2008; Zinnbauer et al. 1997].

Традиционная духовность – данный духовный нарратив может развиваться в религиозном «поле» в полном соответствии с его религиозным содержанием. Индивид в этом пространстве следует традиции, выполняет предписания, принимая данную символическую систему как основу для своего мировоззрения, духовного становления и развития. В качестве идеала здесь выступают Бог или Божественные силы, энергии и т. д. Традиционная духовность не подразумевает «слепого» следования традиции, она лишь задает

ориентиры для индивидуального духовного пути. Человек осмысляет свой опыт в религиозном контексте.

Светская или секулярная духовность – данный вид существует как культурная модель в пространстве, свободном от каких-либо религиозных институций. Высшей идеей здесь могут выступать, например, альтруизм, гуманистические цели в принесении общественной пользы, в служении высшим человеческим ценностям (любовь, добро, свобода, сострадание, честность, уважение, милосердие, красота и т. д.). Идеалом в этом случае может выступать любая из следующих категорий: нравственный закон, космическая гармония, совесть, человечность, высший разум, высшая справедливость и т. д. Высшие духовные состояния и переживания также доступны этому виду: созерцание и восприятие красоты; принятие миром; единение с природой, сопричастность вселенной и др. В традиционной религиозной духовности высшие пиковые духовные состояния также присутствуют, но мистический опыт осмысливается иначе.

Находясь в поиске, человек может проходить некоторые промежуточные этапы, обращаясь то к одной, то к другой традиции и ценностям до тех пор, пока не определится с выбором. Духовная жизнь, таким образом, предстает живым, многомерным процессом, в котором возможны переходы из одной ее формы в другую. Такое динамическое явление может быть обозначено нами как *«маятник духовности»* в понимании ее не как поступательного линейного процесса, а как движения с вариантами траекторий: возвращениями, стабилизацией, циклическим движением, переключением к новым содержаниям.

Но есть и такой вид так называемой утилитарной духовности, которая выступает как синтез различных символических систем (традиционно-религиозные, мистическо-эзотерические, философские, и др.), которые могут чередоваться или одновременно сосуществовать даже в идеологическом противоречии друг другу, но ценность их будет заключена только в инструментальном применении: в них индивид черпает духовные практики. Примером могут служить такие комбинации, как «православные медитации», «французский буддизм», «практики стоиков», «молитвы на достаток и привлечение денег» или духовность как обрядовость («куличи освятить», «свечку поставить») и другие. Такой вид является довольно поверхностным, его, скорее, можно назвать псевдо-духовностью, так как основанием ее могут быть ценности и идеология потребительского общества. Но в некоторых случаях такая «утилитарная духовность» способна послужить стартовой площадкой для дальнейшего поиска и развития уже подлинной духовности.

Как же понимать фразу французского социолога религии Даниэль Эрвье-Леже [Hervieu-Léger 1999]: «Современная религиозность индивидуалистична?» (Religious modernity is individualism?) Д. Эрвье-Леже считает, что внутри разнообразных духовных групп и сообществ ключевой идеей выступает идея значимости личной самоактуализации индивида и его опыта, реализуемого в его личном духовном поиске. Этот путь направлен не на соединение с божественной сущностью, но на достижение собственной истины в условиях вполне мирского существования. Целью самосовершенствования становится доступ к высшим духовным состояниям, обретение которых возможно при осуществлении неких духовно-телесных практик. Это мир, где автономность индивида играет ключевую роль: человек формирует собственные смыслы, которые выступают его ориентирами в жизни и позволяют выстраивать индивидуальный сценарий его бытия в мире. Показательным типовым примером здесь является человек, отрицающий свою принадлежность к религиозной институциональной организации, но при этом заявляющий о своей вере следующим образом: «Я верю в Бога (Будду, Аллаха и т. д.), но Бог у меня в душе, в посредниках я не нуждаюсь».

С одной стороны, «субъективная религия» и «субъективная духовность» формируются под воздействием многих культурно-исторических, экономических и политических процессов, в пространстве которых человек ищет и создает свой собственный духовный путь как ответ на определенные вызовы; также «индивидуализм» в духовном предполагает исследование уникального конкретного «живого» опыта в методологии феноменологического подхода. С другой стороны, нам видится здесь и определенная проблема: в ситуации, когда индивид определяет себя мерилom всех вещей, возникает искушение начать руководствоваться исключительно собственным авторитетом, знаниями, ценностями; принимать решения под влиянием своих эгоцентрических желаний и побуждений, постепенно погружая себя в процесс отчуждения от других и от мира и дистанцируясь от реальности.

Психологические определения духовности.

Духовность и ценностно-смысловая сфера личности

Необходимо признать, что понятие «духовность» довольно объемное, и поэтому многие исследователи берутся раскрывать ее идею посредством изучения одной или нескольких из ее граней. С одной стороны, такой подход дает возможность более детально

и глубоко проработать определенную тему, с другой стороны, духовность часто отождествляют с ее составляющими, что вызывает некоторую путаницу, так как духовность не может быть сведена к своим признакам, она не тождественна, например, морали или культуре личности.

В.В. Знаков [Знаков 1998] выделяет 4 направления исследований духовности:

- 1) дух предполагает *активность* субъекта, которая выражается в продуктах его жизнедеятельности: «*Активность* направлена на опредмечивание идеи, формирование значений, определяющих семантическое поле культуры, духовный опыт человечества»;
- 2) *духовные состояния* как психологический феномен – это нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл – психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта;
- 3) духовность как принцип *саморазвития и самореализации* человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Выбор и чувство внутренней личностной свободы определяют вектор развития;
- 4) духовное выступает только как *божественное откровение*, где Бог есть Дух.

Д.А. Леонтьев для продуктивного анализа духовности как реального феномена человеческой жизнедеятельности выделяет три основных *контекста*, в которых чаще всего употребляется данное явление [Леонтьев 2005].

Первый контекст – проблема личностных ценностей и жизненных приоритетов: духовные, нравственные ценности как противоположность ценностям материальным. Обычно имеется в виду бескорыстие, бесребренничество, альтруизм как оппозиция гедонизму и прагматизму.

Второй контекст – духовное творчество, творчество в культуре: создание и восприятие духовных ценностей, идей, смыслов, произведений искусства.

Третий контекст – трансценденция к чему-то высшему, выход за пределы индивидуальной личности. Чаще всего духовность в этом контексте отождествляется с религиозностью, восхождением к Богу.

Проведенная Леонтьевым систематизация контекстов употребления термина «духовность» позволяет предположить, что в самой духовности можно выделить несколько векторов направленности:

внутренний мир, в котором человек определяет для себя значимые ценности и руководствуется ими; внешний мир культуры, из которого он набирает для себя эти ценности и смыслы и который, в свою очередь, посредством творчества может быть им преобразован; и, в конце концов, выход за пределы как внутренних, так и внешних границ в своем устремлении к идеалу, к божественной энергии, к высшему духу.

В.П. Зинченко [Зинченко 2003] определяет духовность как *поиск, практическую деятельность, опыт*, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для достижения *истины, для самоопределения*. Точнее, духовность – духовно-практическая (не утилитарная) деятельность по *самосозиданию, самоопределению*, духовному росту человека. Без нее невозможны ни самостоянье человека, ни величие его.

Исследуя духовность, каждый автор рассматривает ее с индивидуального ракурса, подсвечивая те или иные ее стороны. Но есть и то, что объединяет все концепции и подходы; то, что создает основное полотно для развития данного сюжета – это *смысловая сфера личности*. В каждой из психологических концепций духовности в той или иной степени затронуты понятия *мотивов, значений, символов, идеалов, ценностей, смыслов*, играющих ключевую роль в рассмотрении данного понятия.

«Бытие со смыслом»

Экзистенциальный психолог Эмми Ван Дорцен (Emmy Van Deurzen) предлагает «четыре экзистенциальных измерения личности»: физическое, социальное, психологическое и духовное, отводя духовности наивысшее место в структуре личности благодаря ее объединяющей функции и участию в формировании «философии жизни» [Ван Дорцен 2019, с. 161]. Психолог указывает на прямую связь между «духовным измерением» личности и смыслом: духовное она называет «над-миром, мета-миром» и определяет его как «*бытие со смыслом*». Духовное в этом случае выполняет интегрирующую функцию, объединяя остальные измерения в целостную структуру смысловым контекстом.

Человек вполне способен выстроить свое, даже в какой-то степени счастливое обывательское бытие, и в трех измерениях (физическом, социальном и психологическом), но что-то непрестанно его «зовет» за пределы мира «дольного» к миру «горнему» в поиске истины, в стремлении к идеалу, к раскрытию подлинного замысла о себе и своем предназначении. Открытие духовного измерения

личности как бы настраивает иную жизненную оптику, через которую индивид смотрит на мир, на других людей и на себя. Эту оптику формирует ценностно-смысловая сфера в поиске ответов на следующие вопросы-вопросания: ради чего я устремляюсь в этот духовный поиск, претерпевая определенный дискомфорт, а иногда и страдания, преодолевая себя? Какова награда (не прагматическая) за труды? Что большее я обретаю, чем просто доступные мне удовольствия?

На наш взгляд, именно *смысл* становится ядром духовности, что находит подтверждение у многих отечественных и зарубежных авторов (Э. Ван Дорцен, В. Франкл, В.В. Знаков, Д.А. Леонтьев, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, В.Э. Чудновский, А.Г. Асмолов и др.). Связь духовности со смысловой сферой напрямую прослеживается у Д.А. Леонтьева [Леонтьев 2005]: он рассматривает духовность в качестве наивысших уровней в саморегуляции человека, описывая модель личности с позиции шести «логик» поведения человека. Наивысшими ступенями автор обозначает логику смысла и логику свободного выбора. Духовность Д.А. Леонтьев определяет не как структуру, но как особый *способ существования человека*, тесно перекликающийся с такими ценностями, как свобода и ответственность:

Суть его состоит в том, что на смену иерархии узколичных потребностей, жизненных отношений и личностных ценностей, определяющей принятие решений у большинства людей, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и культурных ценностей, которые не находятся между собой в иерархических отношениях, а допускают альтернативность. Поэтому принятие решений зрелой личностью – это всегда свободный личностный выбор среди нескольких альтернатив, который, вне зависимости от его исхода, обогащает личность, позволяет строить альтернативные модели будущего и тем самым выбирать и создавать будущее, а не просто прогнозировать его. Без духовности поэтому невозможна свобода, ибо нет выбора. Бездуховность равнозначна однозначности, предопределенности [Леонтьев 1993, с. 36].

Так потребности или ценности?

Поведение человека регулируется как его потребностями, так и его ценностями, которые довольно часто могут порождать внутренний конфликт. Потребности способны выполнять побудительную функцию на физическом, социальном и психологическом уровнях,

а вот в духовном измерении инициативу перехватывают ценности. На это указывает и Д.А. Леонтьев [Леонтьев 2005]: «...на уровне духовности поведение определяется высшими ценностями, но не одной или несколькими, а полем ценностей, оставляющим (мне) возможности выбора». Он продолжает развивать идею, ранее озвученную Ф.Е. Василюком [Василюк 1984], о том, что высшие, бытийные ценности не выстроены в иерархической последовательности, но самодостаточны каждая сама по себе, что снимает внутреннюю ценностную детерминацию по принципу более важного мотива или ценности и открывает пространство для свободного выбора. В христианской теологии, однако, любовь декларируется как наивысшая ценность, как главенствующая по отношению к остальным – Заповедь любви. Таким образом, мы видим, что ценностная иерархия все же возможна – это определяется контекстом. В теме взаимосвязи «духовные ценности – поведение» могут возникать и противоречия «обратного результата», о которых говорит Апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Апостол Павел. Послание к Римлянам, гл. 7, стих 19). Данный внутренний конфликт, вызывающий существенное напряжение, требует прояснения: по какому принципу человек все-таки выбирает те или иные ценности для своего духовного становления и развития? Каким образом эти ценности им приоритизируются по степени их значимости? Как формируется духовное мировоззрение? – Совершенно очевидно, что невозможно одновременно самосовершенствоваться, развивать и практиковать все ценности сразу – какие-то из них могут занимать ведущее место в том или ином случае, проявляя свой ситуационный характер на конкретном этапе духовного становления.

Ценности выполняют роль «каркаса» личности: как тот «дом, который построен не на песке, но на камне». Именно поэтому человеку важно не просто присвоить некие социокультурные стандарты, но выработать через собственный опыт свою индивидуальную систему ценностей, обеспечивающую «несущие опоры» и ориентиры его личностного «домостроения». Б.С. Братусь вводит понятие «личностные ценности» как осознанные общие смысловые образования, принятые человеком в качестве правил жизни, соотнесенные с мотивами, целями и средствами жизни и реализуемые в каждой новой ситуации. «Исповедание этих ценностей закрепляет единство и самоидентификацию личности в значительных отрезках времени, надолго определяя главные характеристики личности, ее стержень, ее мораль» [Братусь 2013, с. 126]. Смысловые динамические системы формируют совокупность основных отношений к миру, людям и себе на базе личностных ценностей и определяют нравственную по-

зицию человека. Оценка и регуляция деятельности, таким образом, происходят, не исходя из критериев ее успешности/неуспешности, достижения или недостижения результата, но исходя из нравственного и смыслового аспектов. Высшие уровни смысловых систем несут в себе функцию «не столько отражения, сколько преобразования действительности», «делая ее в своем внутреннем видении вовсе не той, чем она является номинально, но придавая ей особый, прямо не усматриваемый «объективным зрением» других и прямо не вытекающий из самой этой действительности смысл, связь событий» [Братусь 2013, с. 149–150]. Нам хотелось бы добавить и расширить функцию «преобразования», выполняемую смысловой системой духовности: действуя в соответствии со своими нравственными ценностями и смыслами, которые активно проявляются в «добрых делах», направленных на мир, тем самым его преобразуя, человек не ограничивается внесением «добраго» вклада в мировое социальное и духовное пространство. Получая подтверждение своим добрым поступкам, закрепляя собственный результат, наращивая свой «добрый ресурс», он формирует и развивает новые навыки и вырабатывает новые качества, которые впоследствии преобразуют и его самого.

Каким же образом набирается и формируется набор «личностных ценностей»? Можно предположить, что у человека присутствует некий образ, который представляет для него чрезвычайную и сакральную значимость и который задает ориентиры в том, «что такое хорошо, а что такое плохо». К этому образу человек устремляется, им руководствуется – это его Идеал.

Идеал как мировоззренческий ориентир определяет направление в духовном процессе и обеспечивает ценностный фундамент, помогая реализовать смысл через формирование решимости и волевого усилия. При этом духовность предусматривает возможность изменений в представлениях об идеале и заданных им ценностях, смыслах и поведенческих проявлениях. Именно поэтому духовность не ограничивается лишь выбранной идеологической площадкой с раз и навсегда закрепленными ценностями и смыслами, но является динамическим процессом, в котором по мере движения могут происходить и пересмотр, и обновление, и рождение новых содержаний, способствующих дальнейшим изменениям в личностных структурах человека, включая его поведение. *Идеал* несет в себе желаемый образ, «и в этот образ (вспомним – сугубо вероятный на деле) человек должен поверить, принять его как уже существующий, влияющий, сопровождающий сегодняшнюю жизнь» [Братусь 1997]. *Вера* тесно связана со смыслообразованием, по мнению Б.С. Братуся, и помогает принять то, чего нет, как то, что

есть. «Если смыслы деятельности порождаются отношением мотива к цели, то смыслы жизни порождаются живым образом будущего, освещающим и животворящим настоящее или – отношением образа веры к наличному состоянию человека» [Братусь 1997].

Духовность как процесс

Как было рассмотрено выше, центрообразующим и интегрирующим все аспекты духовного в единое целое фактором выступает наличие предельных устремлений человека в поиске истины, в стремлении к идеалу, реализации своего предназначения, которые выполняют роли движущих, направляющих и смыслообразующих сил.

Динамический аспект духовности подчеркивается Кеннетом Паргаментом, который выделяет три ключевых аспекта духовности как религиозной, так и нерелигиозной [Pargament 1997]:

- духовность связана со «значимостью», которая включает опыт заботы, привязанности или привлекательности (например, близость к Богу);
- «поиск» как стремление к тому, что люди считают «значимым». Процесс поиска включает попытку найти значимое, обнаружить, удержать и сохранить. Иногда в пути эта «значимость» может трансформироваться;
- «священное» – отсылает нас к понятию Бога, высших сил, трансцендентному. К «священному» могут быть также отнесены предметы, которые представляют высокую значимость для человека и сакрализуются им.

Под «священным», как нам видится, могут подразумеваться не только Бог и высшие силы, но и некий идеал как высший образец – Истина; а также совесть, нравственный закон, универсальные человеческие ценности, вселенная и т. д.

Таким образом, мы видим, что любая концепция духовности в той или иной степени включает смысловую сферу и базируется на ней. Существуют разные подходы в рассмотрении духовного измерения. Например, *структурный подход* может оперировать идеалистическим конструктом, вмещающим все возможные содержания: моральные ценности, нравственные качества, духовные способности, саморегуляцию и волевой контроль и т. д. И, с одной стороны, совокупность всех составляющих как бы помогает «собрать картинку» духовности, а с другой стороны, сумма частей действительно ли гарантированно обещает сложиться в «целое духовное»? Здесь сразу вспоминается образ «благоразумного раз-

бойника на кресте», который первым вошел «в царствие небесное», но не соответствовал ни одному из вышеперечисленных критериев. Кроме того, с чисто практической стороны, данный структурный подход контрастирует с реалиями подлинной жизни и может снижать интерес к духовности по причине его недостижимости, что соотносимо с непреодолимым разочарованием и, как следствие, отторжением недостижимого.

Функциональный подход отвечает на вопрос: для чего духовность? Духовность выполняет интегрирующую функцию, собирая все части личности воедино и помогая человеку справляться с экзистенциальными вызовами. Но духовность возникает не только тогда, когда ее присутствие оправдано удовлетворением конкретной насущной потребности, духовность мы рассматриваем как *способ бытия человека в мире*. А бытие складывается из живых жизненных развивающихся процессов. Таким образом, в *процессуальном подходе* мы будем рассматривать духовность как *процесс*, в котором определяются стратегия и направление движения, появляются ориентиры, формируются способы преодоления трудностей и закрепления в ресурсной позиции, происходят качественные личностные изменения.

Трехмерная модель динамических процессов духовности

Считаем оправданным выделить три составляющих *духовного процесса*, посредством которых развивается содержание духовного измерения в персональной истории конкретного индивида – и, таким образом, осуществляется его духовный путь. Понятие «пути» в духовном процессе вводим для того, чтобы прояснить возможность разнообразных траекторий: не только линейных, но и циклических – когда этапы повторяются, с периодами стабилизации, возвращения и протекающими в индивидуальном темпе движения.

Понятие «жизненный путь» подразумевает единство многих автономных линий развития, которые сходятся, расходятся или пересекаются, но не могут быть поняты отдельно друг от друга... [Кон 1984].

В данной концепции личностные ценности и жизненные приоритеты раскрываются через *смысл*, который лежит в основе духовности, составляя ее центр наряду с *идеалом*. В этом разделе мы представляем теоретическую концепцию *Трехмерной модели динамических процессов духовности*, опирающуюся на смысловую сферу.

Поиск духовного: здесь перед нами встают вопросы об источниках и актуализации духовного измерения в жизненной истории человека, а также о направленности: как этот путь начинается? Что человек ищет? Каковы ориентиры? Какова цель? Что движет человеком, когда он устремляется в этот поиск? Что его привлекает в духовном? Как поиск трансформируется в течение пути? Каков образ будущего? Какого результата важно достичь?

«Стояние» в духовном или процесс удержания/стабилизации: после вступления на выбранный путь нам важно определить, что удерживает человека в этом «духовном поле». Какова мотивация оставаться и продолжать поиск/путь? Какова траектория дальнейшего движения? Что помогает и что мешает? «Стояние» здесь передает значение «закрепления», «удержания», обретения устойчивости в движении (термин заимствован из христианской святоотеческой литературы). Определенная сложность заключается в том, что, продолжая движение к цели, необходимо придерживаться следования выбранной стратегии, снижая вероятность отклонений от нее. Это своего рода точки сверки между текущими результатами движения и целью. Рефлексия выступает здесь главным направляющим механизмом, с помощью которого вырабатываются оптимальные способы возвращения на «путь» в результате возможного «выпадения», совершенной ошибки.

Развитие как преодоление внутриличностных конфликтов и как формирование новых качеств и навыков в процессе поиска и преобразования личности в процессе движения.

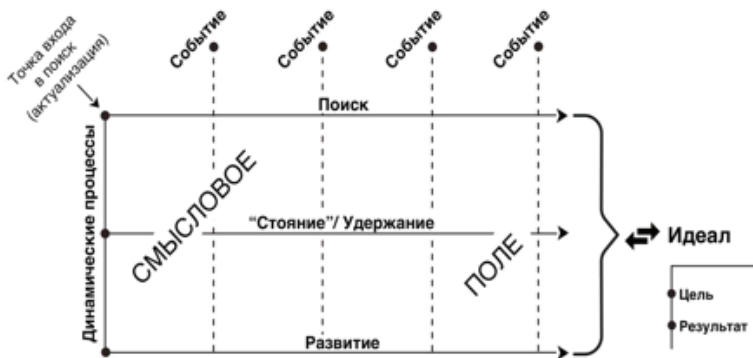

Рис. 1. Трехмерная модель динамических процессов духовности

Таблица 1

Феноменологические проявления причин актуализации
и содержание опыта духовной жизни человека
в трех динамических процессах: поиск, стояние, развитие

Динамические процессы Причины актуализации	Поиск <i>Что запускает поиск?</i>	Стояние/Удержание <i>Что сохраняет ориентацию на цель?</i>	Развитие <i>Какой дает результат?</i>
В Н Е	родовая принадлежность участие в духовных событиях в кругу семьи	удовлетворенность общностью	изменение статуса: прихожанин/вопрошающий/алтарник/священник/мудрец
Ш И	социально одобряемый результат социально одобряемый результат	подтверждение значимости, общинность/соборность	расширение сферы влияния, социальные связи
Е	экзистенциальные вызовы угроза – поиск способа совладания	преодоление опасности/страха	устойчивость – обретение новых опор
Н И	кризисы нормативные потребность в новом качестве, обновлении, смысле жизни	смягчение остроты переживаний	новые свойства (добродетели/компетенции)
Е	кризисы ненормативные страдание необходимость справиться	принятие ситуации надежда – открытие жизненной перспективы	собственные силы активизация жизненной позиции

В Н У Т Р Е Н Н И Е	О П Ы Т				
	детские воспоминания	обращение к положительному/ресурсному опыту	подтверждение положительного опыта	передача опыта – наследие	
	экстремальные переживания	получение помощи	желание жить	смелость	
	повседневная рутина	истощение/неудовлетворенность	выход из тупика, расширение возможностей	«вкус» жизни – улучшение качества жизни, удовлетворенность	
эмоциональный отклик	интенсивное переживание	признание духовного измерения	вовлеченность в духовное измерение (стояние)		

Представленные на рис. 1 три динамических составляющих единого процесса, который в нашем исследовании получил название «духовный путь», это – поиск, стояние как удержание, развитие; они протекают одновременно, взаимно влияя друг на друга.

Открытие духовного измерения необязательно начинается с поиска, а может инициироваться в процессе «стояния» или развития. Например, развиваясь как ученый-исследователь в научных изысканиях вне духовного измерения, человек может открыть для себя идеал, духовный ориентир, который приведет его к поиску, а затем будет закрепляться в «стоянии». Или открытие может произойти в «стоянии», когда человек осознает ограниченность своих сил и направляет свое внимание на поиск опор, ранее не актуальных для него, за пределами его прежних представлений о мире и о себе. Или, например, в процессе взаимодействия с произведением искусства душа человека открывается навстречу новому переживанию, и происходит духовное пробуждение, за которым следуют поиск и развитие.

В «поиске» могут присутствовать и «стояние» (как удержание задачи обрести, открыть для себя духовное измерение бытия), и «развитие» волевой и смысловой сферы, реализующихся в опыте. В «стоянии» могут обнаружиться и поиск новых идей или решений, и «развитие» через снятие возникающих противоречий, и обретение нового опыта и новых качеств. Развитие реализуется через удержание и поиск. Каждый из этих трех динамических процессов и их взаимное влияние на личность человека могут быть предметом психологического изучения.

Представляем табл. 1, в которой отражены феноменологические проявления причин актуализации и содержание опыта духовной жизни человека в трех динамических процессах: поиск, стояние, развитие.

В левом столбце указаны внешние и внутренние факторы/причины, которые могут быть источниками запуска, актуализации различных по своему содержанию процессов к поиску духовного; далее преобразуются в социальные и духовные потребности с последующим развитием новых качеств и компетенций в результате следования духовным путем. К внешним причинам мы относим: родовую принадлежность; социальные смыслы; экзистенциальные вызовы; нормативные и ненормативные кризисы. В качестве внутренних причин мы рассматриваем опыт следующих видов: опыт детских воспоминаний; экстремальных переживаний; повседневной рутины; эмоционального отклика.

Для примера разберем влияние *родовой принадлежности* на три динамических процесса духовного пути: *поиск, стояние и развитие* – они представлены во 2-й строке нашей таблицы (первый из приведенных внешних факторов). Допустим, ребенок растет в религиозной семье и участвует вместе со значимыми ему людьми в событиях духовной жизни своей семьи и общины, в которую он(а) включен(а): для него/нее эта среда помогает стабилизировать его/ее включенность в духовные процессы, а удовлетворенность общностью этой среды закрепляет его/ее в стадии стояния как последовательно реализуемого выбора и способствует в стадии развития его самоопределению в социальном статусе прихожанина, алтарника, священника или просто активного вовлеченного участника общины. Это один из вариантов духовного сценария. Но, на самом деле, картина развития таких людей весьма пестрая, и их собственный духовный путь нередко осложнен процессами, заимствуемыми из родительской семьи.

На примере исследования динамики индивидуальной религиозности молодых людей и людей среднего возраста [Братусь и др. 2023] можно проследить следующие варианты развития духовности с позиции их родовой семейной истории религиозности: в первом случае интерес к вере и религии у ребят из «формально верующих семей» обусловлен двумя факторами – *нормативным кризисом* (подростковый возраст) и/или *социальным смыслом*, то есть желанием найти для себя близкое социальное сообщество (в религии), отличное от чуждого им сообщества сверстников. Также в некоторых сценариях к этим внешним триггерам присоединяется и внутренняя причина – например, *эмоциональный отклик* на событие – как это описано в примере с девушкой, внезапно обнаружившей для себя пребывание в католическом храме как опыт пребывания в «доме, в котором (мне) хорошо и уютно» [Братусь и др. 2023].

Во втором случае передачи «религии по наследству», когда семья следует традициям, религиозные темы у людей «как будто персонифицируются в родителях, бабушках и дедушках, а религиозное развитие переплетается с взрослением и сепарацией от родительской семьи» [Братусь и др. 2023]. *Детские воспоминания* тогда способны актуализировать как положительный ресурсный опыт человека, так и вызывать негативный *эмоциональный отклик* на события, требующие в дальнейшем психологического переосмысления и «переработки» в более качественные способы реализации собственной духовности уже во взрослой жизни. Процесс передачи родового духовного опыта во многом, как нам видится, зависит от следующих причин: психологического клима-

та в семье; качества взаимоотношений между близкими и уровня влияния взрослых на ребенка; примера личной веры самих родителей, а также бабушек-дедушек или иных значимых для ребенка людей; особенностями самого ребенка и другими внешними и внутренними условиями.

Таким образом, можно предположить, что в каждом отдельном случае духовного становления личности прослеживается уникальная *индивидуальная комбинация/совокупность* тех или иных внешних и/или внутренних факторов с ее ведущим мотивом, запускающая и продвигающая духовные процессы поиска, «стояния» и развития на определенном этапе духовного пути.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно выделить следующие ключевые положения:

- духовность может быть рассмотрена как в контексте религиозной традиции, так и вне ее;
- духовность – это активная деятельностная позиция субъекта, формирующая «поле культуры» и связанная с духовным опытом всего человечества;
- духовное измерение интегрирует все уровни личности в единую целостную структуру и предполагает полное личностное преобразование человека, а не просто успешную его реализацию в профессиональном и/или социальном аспектах;
- смысловая сфера выступает фундаментом духовного развития человека.

В предлагаемой нами *Трехмерной модели динамических процессов духовности* мы рассматриваем данный феномен как процесс, как путь, который может быть актуализирован внешними и/или внутренними факторами. Интенциональность этого пути обусловлена *Идеалом*, выступающим как мировоззренческий ориентир, который, с одной стороны, содержит в себе предельную значимость и привлекательность для человека, а с другой – задает поле ценностей и образ будущего, а также целевую установку, выраженную в конечном желаемом результате. Смысловая сфера обеспечивает содержательное и мотивационное пространство для процессов поиска, «стояния» и развития. Познание субъектом самого себя происходит посредством раскрытия и обретения им истины, а также через отношение к другому человеку. Духовность предполагает смещение фокуса с эгоцентрической позиции к децентрации: самоотдаче, самоотречению, самопожертвованию. В этом случае

«Я» человека не утрачивается и не размывается, но обретает достоинство и осуществляет свое человеческое предназначение – «быть Человеком».

Таким образом, опираясь на представленный выше материал, мы выводим следующее определение: духовность в приложении к отдельно взятому человеку можно обозначить как уникальный путь от открытия нематериальных связей человека и событий его жизни, проходящий через этапы становления к духовной зрелости в стремлении к высшему идеалу, который выражен в практической деятельности и опыте, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования с целью реализации подлинности своего бытия и своего смысла жизни.

Литература

- Божович 1968 – *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 446 с.
- Братусь 2013 – *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Книга по Требованию, 2013. 453 с.
- Братусь и др. 2023 – *Братусь Б.С., Бусыгина Н.П., Насибуллов К.И., Кричевец А.Н.* Динамика индивидуальной религиозности: опыт построения эмпирической типологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 1. С. 121–151.
- Братусь 1997 – *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–12.
- Булгаков 1994 – *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с. (Мыслители XX века)
- Ван Дорцен 2019 – *Ван Дорцен Э.* Повседневные тайны. Экзистенциальные измерения психотерапии: Пер. с англ. М.: ИОИ, 2019. 446 с.
- Василюк 1984 – *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Моногр. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 240 с.
- Зинченко 2003 – *Зинченко В.П.* Деятельность. Знание. Духовность // Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.
- Знаков 1998 – *Знаков В.В.* Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104–114.
- Колкунова 2015 – *Колкунова К.А.* «Духовные, но не религиозные» респонденты в современных исследованиях // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 64. С. 112–124.
- Кон 1984 – *Кон И.С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.

- Леонтьев 1993 – *Леонтьев Д.А.* Внутренний мир личности // Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. С. 30–36.
- Леонтьев 2005 – *Леонтьев Д.А.* Духовность, саморегуляция и ценности // Известия ТРТУ. Гуманитарные проблемы современной психологии. 2005. № 7. С. 16–21.
- Леонтьев 2003 – *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.
- Ореханов, Колкунова 2017 – *Ореханов Г., Колкунова К.А.* «Духовность»: дискурс и реальность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 152 с.
- Франк 1998 – *Франк С.Л.* Свет во тьме. М.: Факториал, 1998. 256 с.
- Чудновский 1995 – *Чудновский В.Э.* Смысл жизни: проблема относительной эманипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психологический журнал. 1995. № 2. С. 15–25.
- Шадриков 2020 – *Шадриков В.Д.* Духовные способности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт психологии РАН, 2020. 182 с.
- Эммонс 2004 – *Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. С. 416–446.
- Янушкявичене 2011 – *Янушкявичене О.Л.* История становления и развития теории духовного воспитания. Воспитание подрастающих поколений. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 464 с.
- Hervieu-Léger 1999 – *Hervieu-Léger D.* Religious individualism, modern individualism and self-fulfillment: a few reflections on the origins of contemporary religious individualism // The centrality of religion in social life: essays in honour of James A. Beckford / Ed. by E. Barker. London: Ashgate, 1999. P. 29–32.
- Luckmann 1967 – *Luckmann T.* Invisible religion. New York: Macmillan, 1967. 128 p.
- Pargament 1997 – *Pargament K.I.* The psychology of religion and coping: Theory, research, practice. N.Y.: Guilford Press, 1997. 548 p.
- Pargament 1999 – *Pargament K.I.* The psychology of religion and spirituality? Yes and No // International Journal for the Psychology of Religion. 1999. № 9 (1). P. 3–16.
- Schlehofer et al. 2008 – *Schlehofer M.M., Omoto A.M., Adelman J.R.* How do “religion” and “spirituality” differ? Lay definitions among older adults // Journal for the Scientific Study of Religion. 2008. № 47 (3). P. 411–425.
- Zinnbauer et al. 1997 – *Zinnbauer B.J., Pargament K.I., Cole B., Rye M.S., Butter E.M., Belavich T.G., Hipp K.M., Scott A.B., Kadar J.L.* Religion and spirituality: Unfuzzifying the fuzzy // Journal for the Scientific Study of Religion. 1997. № 36 (4). P. 549–564.

References

Bozhovich, L.I. (1968), *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood], Prosveshchenie, Moscow, Russia.

- Bratus', B.S. (2013), *Anomalii lichnosti* [Anomalies of Personality], Kniga po Trebovaniyu, Moscow, Russia.
- Bratus', B.S. (1997), "On the issue of a man in psychology", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 3–12.
- Bratus', B.S., Busygina N.P., Nasibullov, K.I. and Krichevets, A.N. (2023), "Dynamics of individual religiosity: constructing an empirical typology", *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, no. 1, pp. 121–151.
- Bulgakov, S.N. (1994), *Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya* [Non-evening light. Contemplation and attitudes], Respublika, Moscow, Russia. (Mysliteli XX veka)
- Chudnovskii, V.E. (1995), "Meaning of life. The issue of relative emancipation from 'external' and 'internal' ", *Psychological Journal*, no. 2, pp. 15–25.
- Emmons, R. (2004), *Psikhologiya vysshikh ustremlenii: motivatsiya i dukhovnost' lichnosti* [Psychology of higher aspirations. Motivation and spirituality of personality], Smysl, Moscow, Russia.
- Frank, S.L. (1998), *Svet vo t'me* [Light in the darkness], Faktorial, Moscow, Russia.
- Hervieu-Léger, D. (1999), "Religious individualism, modern individualism and self-fulfillment: a few reflections on the origins of contemporary religious individualism", Barker, E. (ed.), *The centrality of religion in social life: essays in honour of James A. Beckford*, Ashgate, London, UK, pp. 29–32.
- Kolkunova, K.A. (2015), "Spiritual but not religious respondents in contemporary studies", *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, no. 64, pp. 112–124.
- Kon, I.S. (1984), *V poiskakh sebya. Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of Self. Personality and its Identity], Politizdat, Moscow, Russia.
- Leont'ev, D.A. (1993), "Inner world of the Person", Leont'ev, D.A., *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on Psychology of Personality], Smysl, Moscow, Russia.
- Leont'ev, D.A. (2003), *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of Meaning. Nature, Structure and Dynamics of Meaning Reality], 2nd edn., Smysl, Moscow, Russia.
- Leont'ev, D.A. (2005), "Spirituality, self-regulation and values", *Izvastiya TRTU, Gumanitarnye problemy sovremennoi psikhologii*, no. 7, pp. 16–21.
- Luckmann, T. (1967), *Invisible religion*, Macmillan, New York, USA.
- Oreghanov, G. and Kolkunova, K.A. (2017), "*Dukhovnost'*": *diskurs i real'nost'* ["Spirituality": discourse and reality], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia.
- Pargament, K.I. (1997), *The psychology of religion and coping: Theory, research, practice*, Guilford Press, New York, USA.
- Pargament, K.I. (1999), "The psychology of religion and spirituality? Yes and No", *International Journal for the Psychology of Religion*, no. 9 (1), pp. 3–16.
- Schlehofer, M.M., Omoto, A.M. and Adelman, J.R. (2008), "How do «religion» and «spirituality» differ? Lay definitions among older adults", *Journal for the Scientific Study of Religion*, no. 47 (3), pp. 411–425.
- Shadrikov, V.D. (2020), *Dukhovnye sposobnosti* [Spiritual abilities], 2nd edn., rev. and enl. Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

- Deurzen, E. van (2019), *Povsednevnye tainy. Ekhzistsentsial'nye izmereniya psikhoterapii sposobnosti* [Everyday Mysteries: A Handbook of Existential Psychotherapy], IOI, Moscow, Russia.
- Vasilyuk, F.E. (1984), *Psikhologiya perezhivaniya: monografiya* [The psychology of experience. A monograph], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, Russia.
- Yanushkyavichene, O.L. (2011), *Istoriya stanovleniya i razvitiya teorii dukhovnogo vospitaniya. Vospitanie podrastayushchikh pokolenii* [History of formation and development of the theory of spiritual education. Education of the younger generations], LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrucken, Germany.
- Zinchenko, V.P. (2003), "Activity, knowledge, spirituality", in Meshcheryakov, B.G. and Zinchenko, V.P. (eds.), *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [A large psychological dictionary], Prain-Evroznak, Saint Petersburg, Russia.
- Zinnbauer, B.J., Pargament, K.I., Cole, B., Rye, M.S., Butter, E.M., Belavich, T.G., Hipp, K.M., Scott, A.B. and Kadar, J.L. (1997), "Religion and spirituality: Unfuzzifying the fuzzy", *Journal for the Scientific Study of Religion*, no. 36 (4), pp. 549–564.
- Znakov, V.V. (1998), "Human spirituality in the mirror of psychological knowledge and religious faith", *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 104–114.

Информация об авторе

Юлия Н. Верезей, аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия; 127006, Россия, Москва, ул. Каретный Ряд, д. 2; govintagego@gmail.com

Information about the author

Yuliya N. Verezey, postgraduate student, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia; bld. 2, Karetny Ryad Street, Moscow, Russia, 127006; govintagego@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Психология. Педагогика. Образование»

№ 2

2024

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73401 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 03.06.2024
Выход в свет 07.06.2024
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 9,7. Усл. печ. л. 9,8
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1988

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru